

Комбат Найтов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Крымский тустеп

Возвращение домой

Крымский ликбез

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Комбат Найтов

**Возвращение домой:
Крымский тустеп. Возвращение
домой. Крымский ликбез**

«Издательство АСТ»

2014, 2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Найтов К.

Возвращение домой: Крымский тустеп. Возвращение домой.
Крымский ликбез / К. Найтов — «Издательство АСТ», 2014,
2020 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-122532-2

Во многих книгах наш современник попадает в иную эпоху и начинает там преобразования, что зачастую мало согласуется с его личным опытом и имеющимися средствами. Здесь в другую эпоху попали моряки и морские пехотинцы Великой Отечественной под руководством героя «Крымского тустепа» молодого 28-летнего вице-адмирала Матвеева. Три корабля Северного флота, среди которых судно-док, имеющее на борту судоремонтную мастерскую, приличные запасы запчастей, кислородный детандер и вакуумные электропечи. Вместе с ним переместилось судно снабжения с большими морозильными камерами, запасом продовольствия, боеприпасов и топлива, и один из лучших типов эскадренных миноносцев Второй мировой войны «Флетчер». А главное, люди, умеющие воевать и строить, скрепленные дисциплиной 1-го корпуса морской пехоты СФ, опытом многочисленных десантов и опытом индустриализации 30-х. И имеющие общую цель: вернуться в СССР. Р. S. Роман закончен в середине апреля 2014 года, когда слишком многим казалось, что возвращение состоится.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122532-2

© Найтов К., 2014, 2020

© Издательство АСТ, 2014, 2020

Содержание

Крымский тустеп	7
Глава 1	7
Глава 2	41
Глава 3	87
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Комбат Найтов
Возвращение домой: Крымский тустеп.
Возвращение домой. Крымский ликбез

© Комбат Найтов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Крымский тустеп

*Он грешниц любил, и они его,
И грешник был он сам,
Но где ж ты святого найдешь одного,
Чтобы пошел в десант*

Михаил Анчаров

Глава 1 Крымские пляжи сорок первого

– Делай «раз», делай «два», делай «три», – раздавались команды старшины второй статьи Бобича, и отделение кололо соломенные чучела, отбивая штыками и стволами винтовок торчащие из них палки-винтовки.

– Старший краснофлотец Матвеев! Энергичнее! Вам замечание! – послышалось сзади. Матвеев остановился и повернулся лицом к «комоду».

– Товарищ комод! Разрешите взять другую винтовку? Тогда буду энергичнее!

– Вам что, в бою будут оружие менять? – Бобича аж перекосило.

– После таких «упражнений» мне необходимо заново ее пристреливать! Снайперская винтовка предназначена для другого! Это все равно, что микроскопом гвозди заколачивать!

– Отделение! Смирно! Старший краснофлотец Матвеев! Бегом к старшине роты и доложите ему о вашем неподчинении!

– Есть! – вскинув винтовку на плечо и придерживая ее рукой, Матвеев добежал до края площадки, увидел старшину роты на левом фланге и побежал туда. Перешел на строевой.

– Товарищ главный старшина! Разрешите обратиться! Старший краснофлотец Матвеев!

– Что у тебя? Опять с Бобичем поругался?

– Да, товарищ старшина! Получил замечание от него за неэнергичный отбой «винтовки» противника. Вступил в пререкания, что это все равно, что микроскопом гвозди заколачивать. Я – снайпер, и эта винтовка не предназначена для штыкового боя.

Филимонов покрутил головой, окрикнул какого-то бойца из первого взвода.

– Гришанин, ко мне! Дай винтовку! Держи! В атаку, вперед! – и побежал за Матвеевым, наблюдая за его движениями. Тот не ломанулся напрямую, а бежал коротким зигзагом, постоянно смещаясь вправо и влево. Добежав до линии чучел, правильно и резко атаковал четыре подряд мишени. Последовала команда: «Стой!»

– Молодец! Умеешь действовать. Ну-ка, пошли обратно.

Матвеев вернул винтовку Гришанину, и они со старшиной прошли к месту, где занималось отделение. Вызвав отделение назад, старшина дал команду: «К бою, вперед!» Матвеева он оставил рядом с собой. Посмотрев на «атаку», он послал его в строй и подозвал Бобича. Довольно долго что-то выговаривал тому, затем забрал у него винтовку и подозвал Матвеева.

– Матвеев! Держи! – он перекинул ему винтовку, которую тот поймал, забросив за спину свою. – В атаку, вперед!

Пришлось еще раз показывать атаку. После этого ему разрешили не использовать «его микроскоп для забивания гвоздей». Но вечером он получил наряд вне очереди за что-то другое от Бобича. Такие мелкие стычки с командованием преследовали его все время, с того момента, как Кронштадтское высшее военно-морское училище имени Фрунзе эвакуировали в

Астрахань, а оттуда в Ахубинск. Там четверокурсников произвели в командиры и направили в бригады морской пехоты лейтенантами и командирами взводов. Всех, кроме него. Ему же не повезло нарваться на военкома училища бригадного комиссара Ефименко в момент бурного свидания с поварихой на лестничной клетке камбуза. В результате спорол нашивки мичмана, стал старшим краснофлотцем и угодил в 83-ю морскую стрелковую бригаду старшим стрелком.

По приезде в Баку, с помощью «огнетушителя»¹, добытого по дороге на станции Кизляр, получил редчайшую АВС-36 с оптическим прицелом (их всего выпустили две тысячи штук), с записью в краснофлотскую книжку, не так давно введенную на флоте и в армии, и был направлен старшим стрелком во второе отделение второго взвода 9-й роты третьего батальона. Командиром отделения был старшина 2-й статьи Бобич Роман Васильевич из Осиповичей, что под Минском, точнее, из маленького села под Осиповичами под названием Верайцы, в шестидесяти километрах от Минска. Тот служил второй год, а Дмитрий – шестой, из них три с половиной года в ВВМОЛУ имени Фрунзе. Однако общего языка с командиром они не нашли, и начались постоянные придиры. Шел октябрь 1941 года, РККА отступала по всем направлениям, родная Беларусь отделенного уже была под фрицем, он нервничал, и срывал это на всем отделении.

Филимонов был с ЧФ, служил более десяти лет, добровольно перешел с «Парижской Коммуны» в 83-ю бригаду. Весь средний и старший комсостав бригады был с Черноморского флота. Но бригада формировалась как из состава добровольцев с трех флотов, так и из призывников запаса. Военкомы на местах смотрели только на ВУС, он должен был быть флотским. Но большинство личного состава опыта сухопутных боев не имело. Поэтому сразу в бой их не послали, а дали месяц на обучение.

Близился ноябрь 1941 года, немцы были под Москвой, в Крыму, под Ленинградом, Мурманском и под Ростовом.

Высокий и видный Матвеев сильно выделялся в роте. Он успел получить практику в сороковом году под Ленинградом, но Филимонов, который после учебного дня подошел с этим вопросом к ротному, старшему лейтенанту Россу, получил от ворот поворот:

– Ты его характеристику видел? Краше в гроб кладут! Хлебнем мы с этим распи...ем горюшка по самое не хочу! И вообще, штат укомплектован, и завтра грузимся в вагоны и выдвигаемся в Коноково. Дальше будем посмотреть. Подъем в 5:30!

Прибывшего на внеочередной наряд Матвеева старшина отправил спать, ничего не объяснив. Ночью Диме снилось, как они с Настей, в Ленинграде, бродили по набережным и наблюдали разводку до утра. Снились ее плотные тугие груди и прерывистое дыхание. В самый интересный момент прозвучал голос старшины Филимонова:

– Рота, подъем! Сбор!

«Завтрака не будет!» – первое, что подумал Митя, привычно влезая в клеши и во фланку. Быстро зашнуровав «хромачи», вытащил из рундука зеленый вещмешок и побежал к вешалке за бушлатом. Затем в оружейную, достал все семь магазинов из нижнего отделения, сунул их в вещмешок, выскочил из оружейки, на ходу вешая штык-нож на ремень. На построении был первым и начал строить отделение. Полусонные краснофлотцы собирались довольно долго. Затем последовала команда: выдвинуться на плац. Там на ветру долго стояли, потом была вдохновенная речь военкома батальона и команда: «На-пра-аво! Правое плечо вперед, шагом марш!» Почти час шли до вокзала, затем погрузка. А патронов не выдали... И еды тоже... Ехать не так далеко: всего 850 км. В мирное время за ночь можно преодолеть. Но поезд кланялся каждому столбу, ни дров, ни угля к буржуйкам не было. На станции Огни Матвееву удалось

¹ Так назывались бутылки из-под шампанского 0,75 л, в которых находилось дешёвое крепленое вино.

выпросить уголь и растопку в теплушку. Опять получил втык от командования, но появился кипяток, и стало чуточку веселее ехать.

Ночью чуть не загремел в комендатуру в Новом Кушете, но сумел купить картошки и лепешки на станции. Разделили на одиннадцать человек. Утром наконец выдали сухой паек за два дня, обещали к вечеру покормить горячим. Чуть ускорилось движение, и в конце дня добрались до Прохладного. Там встали на шесть часов, с запрещением покидать вагоны. Железнодорожники пропускали длиннющие составы, шедшие на восток с ранеными, каким-то оборудованием, беженцами и эвакуируемыми.

По вагонам разнесли сильно подгоревшую кашу и дурно пахнущий чай. Ночью тронулись далее и остановились уже в Минеральных Водах. Там к эшелону прицепили несколько вагонов с пушками и минометами. Пришлось выделять караул на вагоны. Медленно двинулись в сторону Невинномысска, пропуская встречные на каждом разъезде. Опять «забыли» покормить. Весь день ушел на эти постоянные гудки, торможения, разгоны. Лишь к двум часам ночи поезд встал на какой-то небольшой станции, и была подана команда: «К вагонам!» Станция называлась Коноково. Справа по ходу поезда небольшая аккуратная станица, но батальон выгрузили налево, затем сооружали помост и по нему выгружали орудия и боеприпасы к ним. Ставили палатки, оборудовали лагерь.

Провозились всю ночь, толком не выспались, буржук было меньше, чем палаток, да и топлива не было. Начальство переместилось в станицу, а остальные мерзли на станции, ожидая прибытия других эшелонов бригады.

Днем подвезли печки, уголь, дрова. Лагерь обустроивался, началась длительная и суматошная процедура с пере-обмундированием в новую полевую форму. Приближался праздник, была отдана команда закончить переобмундирование к 7 ноября. Из флотского разрешили оставить тельники и ремни. Но многие пытались припрятать форму 4 и бескозырки. Дмитрий на этот соблазн не поддался и, пользуясь расположением старшины роты, неплохо прибрался для будущих боев: два маскхалата, куча тряпок для винтовки, отличные меховые сапоги, ватник, ватные брюки, катанки в сапоги, меховые трехпалые рукавицы. Седьмого ноября прослушали речь Сталина на параде в Москве, а восьмого получили приказ сворачивать лагерь и грузиться по вагонам. Зачем было столько сил вкладывать в оборудование лагеря? Через полтора дня высадились в Троицкой, там погрузились на баржи и маленькие пароходики. Перед посадкой наконец выдали боеприпасы. И двинулись в сторону Темрюка по узкой и извилистой Кубани. Там, в Темрюке и в порту Емрюк, накапливался десант 51-й армии, которому предстояло высаживаться в Керчи. Командовал бригадой полковник Леонтьев, бывший старший преподаватель тактики ПВО в Стрельне, комиссаром бригады был полковой комиссар Василий Навознов из Одессы, командиром батальона – старший лейтенант А. П. Панов. Бригада собиралась не слишком организованно: впервые командира бойцы увидели 8 ноября. Комплектование происходило «по ходу пьесы»: приходил очередной пароходик с одной или двумя баржами, на нем техника и небольшая группа краснофлотцев и командиров. Их распределяли по комплектуемым ротам, взводам и батареям. Шестнадцатого ноября была оставлена Керчь, части 51-й армии эвакуировались на Таманский полуостров и занимались строительством укрепрайонов. От места базирования бригады до противника было чуть больше шестидесяти километров. А из-под Севастополя приходили все более тяжелые новости: Манштейн, сбросив армию Батова в море, начал перегруппировку для решительного штурма города. Еще через неделю стало известно, что наши войска оставили Ростов-на-Дону, а бригада продолжала медленно пополняться. Все считали, что ее перебросят под Ростов. Но командование медлило. Немецкая авиация господствовала в небе две недели после шестнадцатого, затем ее активность упала до нуля. Место расположения бригады ей вскрыть не удалось. Через шесть дней стало известно, что войска Южного фронта перешли в наступление под Ростовом, и 28 ноября ворвались в Ростов.

Восемьдесят третья бригада продолжала формирование, Темрюк считался тылом, поэтому норма питания была тыловая, наркомовские были не положены. Единственным развлечением были земляные работы. Зато в большом количестве. Отделенный оказался плотником, поэтому все отделение пилило бревна и сбивало сходни и помосты для непригодных для десанта пароходиков, барж и кораблей Азовской флотилии. На этих работах на Дмитрия обратил внимание капитан-лейтенант Бархоткин. Ребята потащили сбитый трап куда-то, а Дмитрий забавлялся со штык-ножом, метая его то снизу, то сверху в щит, стоявший от него в пятнадцать метрах. За этим занятием его и поймали Бархоткин, и Росс. Росс решил «раскатать» за порчу казенного имущества, но его остановил начальник разведки флотилии и минут десять наблюдал за тем, как нож влетает практически в одно и то же место из любого положения. После этого они подошли к Дмитрию, у которого застрял нож в щели между досками. Дима отправил нож в ножны и доложил Россу:

– Второе отделение второго взвода занимается хозяйственными работами. Старший стрелок Матвеев.

– Да вижу я, какими работами вы тут занимаетесь.

– Погоди, погоди, старлей! Давно служишь, краснофлотец?

– С весны 1936 года, товарищ командир.

– Воевал?

– Немного, с финнами.

– А с немцами?

– Нет еще.

– Он – курсант, отчисленный из «Фрунзе».

– С боевой подготовкой как?

– Умелый боец, снайпер, но дисциплина хромает на обе ноги.

– Снайпер, говоришь... А что еще умеешь?

– Все, что должен уметь вахтенный начальник.

– На ключе работать можешь?

– Сто восемьдесят знаков.

– Продолжайте работать! – командир отдал честь и пошел в сторону КП флотилии, вслед за ним двинулся и Росс. Через час подошел какой-то старшина 1-й статьи, перепоясанный пулеметной лентой, с гранатами на поясе.

– Кто тут старший краснофлотец Матвеев?

– Ну, я.

– С оружием и вещами к штабу флотилии, – и раскачивающейся походкой двинулся в том направлении.

Пожав плечами, Дмитрий пошел на БР-15, в трюме которой была плавказарма 9-й роты. Забрал у старшины свои вещи, забрал свой вещмешок.

– Куда тебя? – спросил Филимонов.

– Не знаю, к штабу флотилии.

Старшина 1-й статьи ждал его, сидя на крыльце штаба.

– Блин, мешочник! Ну, давай, помогу.

Дима передал ему более удобный для переноски вещмешок, а сам взвалил на плечо холщовый мешок с обмундированием.

– Флотский?

– С Балтики.

– У-у, кореш! А мы с Одессы. Кеша! – представился он.

– Дмитрий.

– Димон? Отлично!

– И куда меня?

– На кудыкину гору, коров пасти. Где ты так прибараклился?

– Я – снайпер, все согласно аттестата.

– Вот как! Ну, проходи, пришли! – улыбка слетела с его лица, и он доложил: – Товарищ капитан-лейтенант! Старший краснофлотец Матвеев доставлен.

В довольно светлой комнате за длинным столом сидело человек пятнадцать, в основном в нижнем белье, в комнате было жарко. Потрескивала дровами русская печь, возле которой сутилась пожилая женщина в косынке, завязанной на лбу.

– Вот, знакомьтесь, товарищ Матвеев, разведвзвод Азовской военной флотилии. Ваше новое место службы. А я – начальник разведки Азовской флотилии, капитан-лейтенант Бархоткин, Александр Сергеевич. Командир взвода сейчас на задании, его обязанности исполняет лейтенант Острец. С остальными познакомитесь по ходу службы. Раздевайтесь, садитесь и расскажите о себе.

Дмитрий снял ватник и ватные штаны, оставшись в гимнастерке.

– Родился в Петрограде, перед самой революцией, жил на Васильевском, там же пошел в школу. Закончил десять классов, пошел добровольцем на флот для поступления в морское училище, в моей семье все мужчины были военные моряки. Служил два года на эскадренных миноносцах наводчиком, затем поступил в училище имени Фрунзе, на артиллерийский факультет. На практике, на втором курсе, участвовал в войне против белофиннов, в артиллерийской разведке 15-го отдельного артдивизиона, перешел на 4-й курс, тут война. С октября в 83-й бригаде старшим стрелком.

– А почему не стал командиром? Всем же лейтенантов присвоили? – задал вопрос лейтенант Острец.

– Уже после приказа, но до его объявления, был дежурным по камбузу, отвлекся от службы на оказание половых услуг в не очень подходящем месте – других мест не было. Меня попытались остановить, я и послал «помощника». А это оказался военком училища. – Матвеев слегка улыбнулся, а взвод закатился в хохоте.

– Все!!! Наш человек!!! – прохрипел, давась от смеха, Кеша.

Вытирая слезу с глаза, каплей Бархоткин сказал:

– Гораздо важнее, что есть опыт корректировки артогня. Так, а ты чего не ешь? Налегай! Василий! Проверь его подготовку и включай в свою группу. Выход через два дня!

Он встал, разведчики тоже, прощаясь, накинул шинель и вышел из хаты. Через час после обеда лейтенант Острец объявил тактические занятия. С интересом рассмотрел «боевую сбрую» Дмитрия, у которого магазины лежали в специальных карманах на масккомбинезоне, и его лешак был гораздо гуще увешан различными веревочками, чем у остальных разведчиков.

– А это что?

– Маска.

– Не мешает?

– Иногда, в основном помогает.

– Ну, давай, артрязведка Балтфлота, показывай, что умеешь.

Вечером лейтенант доложил каплею, что Матвеев полностью готов к выходу, а сейчас занимается со взводом рукопашным боем. Он, оказывается, занимался боевым самбо у самого Ларионова и был чемпионом Ленинграда.

Через два дня «ТКА-1», типа Д-3, отвалил дождливой ночью от причала в Емрюке и двинулся в сторону Арабатской стрелки. Разведчики разместились в форпике и в каюте экипажа. Погода не баловала, катер шел малым ходом к пляжам Ак-Моная. Уже в море был лед, поэтому даже средним ходом можно было повредить винты, предстояло пройти сто восемь миль, поэтому через полчаса командир катера лейтенант Овчинников прибавил ход, выставив еще одного впередсмотрящего на баке. Радовало только то, что ветер был юго-западный,

он должен был отогнать лед от берега Керченского полуострова. В группе было семь человек: лейтенант Острец, старшина 1-й статьи Кеша Андрушко, два пулеметчика – Красавин и Хабибуллин, радист Сергеев, похожий на подростка связной Архипцев и снайпер Матвеев. Другое плохо, что дно в этом районе каменистое и прибрежная мель довольно большая. Катеру с его выступающими винтами там к берегу не подойти. Берег укреплен еще при турках: через каждые пятьсот метров блокпост со взводом пехоты. Во многих местах установлены орудия, которых в 46-й немецкой дивизии более двухсот пятидесяти. Поэтому за кормой катера на буксире шла шлюпка, а на баке лежали сколоченные плотики на одного человека с грузом. Поверх всей одежды группа надела костюмы химической защиты. Максимально удобной бухтой для высадки была бухта Насыр, но наверху стояло татарское село и четыре пулеметных гнезда немцев и татарских полицейских. Высаживаться там разведке было невозможно.

Высадка у Ак-Моная не состоялась: немцы не дремали, постоянно пускали ракеты, слабая видимость и дождь насторожили их. Поэтому катер высадил группу на траверзе села Корбек, почти в пятидесяти километрах от планируемой точки. Перетаскивали плотики через Арабат и форсировали на них Гнилое море. Степь да степь кругом, нигде не спрятаться, кроме камышей вдоль берега Сиваша. По наблюдениям, в Чуюнчи и в Дмитриевке постоянных гарнизонов нет, но много полицейских. Дважды выходили на связь со штабом. В Некрасовке немцы гоняют местных жителей на какие-то земляные работы, пришлось форсировать Сиваш и уходить плавнями по косе. У немцев где-то недалеко аэродром. Как только стихла погода, с него начали постоянно взлетать и садиться самолеты, но в сторону Тамани они не летали, уходили к Севастополю. Напротив Чуюнчи – артиллерийская позиция, но орудий нет, охраняется немцами.

Вообще, немцев в районе мало. Отдельные посты по десять – двенадцать человек, отделение с пулеметом.

Много вышек построили. Лишь на девятые сутки вышли к Владиславовке, конечному пункту высадки. Станцию охраняет до роты немцев, три батареи малокалиберных «Эрликонов» и шесть 88-мм зениток. Санька Архипцев переоделся в гражданку и куда-то ушел, остальные остались на старых пехотных позициях в разрушенном блиндаже в небольшом овраге на восточном берегу озера Ачи. Вели наблюдение за тремя ветками железной дороги и готовили их подрыв в день «Д». Предположительно, это должно быть тринадцатое декабря. До него оставалось два дня. Выпавший снег, который парализовал действия группы, наконец смыло дождем. Продукты практически кончились, оставалась пачка галет на шестерых. Кончалась батарея к рации. В этот момент Бархоткин организовал сброс группе продуктов, тола и батарей. Летчики на «У-2» отбомбились точно: один из мешков упал прямо на блиндаж и порвался. Как назло, именно в нем были продукты. Их пришлось собирать из-под бревен, чистить от грязи. Ночью тринадцатого приняли сигнал о начале операции. Трое пошли к Кош-Асаку, там мост, вторая группа, где был Дмитрий, к мосту у Владиславовки. Мост охраняло два отделения немцев и полицейских.

Четыре пулеметных точки. На троих – это очень много.

Последние восемьсот метров ползли, буксируя за собой три ящика тола. В двухстах метрах от моста неглубокий, почти сухой ручей. Удалось скрытно подползти на семьдесят метров от южной пулеметной точки. Два немца сидели там, а два полицейских гуляли по мосту. И тут на скате дороги Дима увидел торчащий из земли «веник» немецкой «лягушки». Мины! Сзади подполз командир группы Кеша. Дмитрий отрицательно помотал головой и показал на мину. Командир хлопнул его по плечу и подал сигнал отхода. Ополз на тридцать метров. Дмитрий накинул суровую нитку на «веник» и довольно долго отползал назад.

– Удочка, – прошептал он. – Отползайте еще дальше, займите качественную позицию, так, чтобы видеть дорогу. Сигнал к открытию огня – взрыв мины.

Подождав несколько минут, он снял с предохранителя винтовку, дождался, когда оба немца высунут головы из окопа, и произвел два выстрела подряд. Ударила огневая точка с противоположной стороны моста, но немцы били наугад. Дмитрий щелкнул прицелом, произвел еще один выстрел. Пулемет затих. Зато открыл огонь полицейский на мосту. Выстрел. Огонь прекратился. Вновь заговорил пулемет. Выстрел. Через пути к пулеметной точке метнулось тело. Точку на прицел. Ждать! А по дороге уже топали сапоги немцев. Немец попался опытный, он ждал подмоги. Чуть заметно дернулся ствол, показалась голова, выстрел. И Дима начал подтягивать на себя нитку. Вокруг стрекотали пули, но он был прикрыт берегом ручья. Нитка натянулась. А он, лежа на боку, наблюдал, как приближаются солдаты и полицейские. Рывок! Послышался хлопок подкидного заряда и взрыв. Тут же сзади заговорил МГ, сметая с шоссе остальных немцев, а Дмитрий, подхватив ящик, бежал к мосту. Сзади слышались довольно шумные шаги Андрушко. МГ прекратил огонь. Добив из ТТ пулеметчика с обратного ската, Андрушко заложил ящик под балку, Дмитрий под вторую, а подбежавший Хабибуллин под третью, соединили ящики детшнуром, зажгли огнепроводный.

– Отход! Двадцать секунд! Ноги! – выкрикнул Кеша. Успели нырнуть в любимый ручей. Взрыв!

– Ноги!

Сзади одиноко захлопала винтовка. Кто-то умудрился выжить.

– Димон! Ты чем занят?!

– Нитку наматываю.

– Ты что, сдурел?

– Пригодится еще, это ШХБ-20, из парашютных строп.

И точно, еще три дня с ее помощью рыбу ловили, так как путь назад, к продуктам, им отрезали полицаи. Сорок четвертая армия и 7-я ОСМБр высадились в Феодосии, но развить успех смогли не очень сильно. Феодосия освобождена, но бои вокруг города не прекращались. Группа отошла к Дальним Камышам, к реке Песчанке. Там была небольшая пещерка, вырытая, видимо, детьми. В Тома Сойера играли. Море видно, видно, как бьют по немцам крейсера и эсминцы, до города всего восемь км. А связи и хода нет. Сырая рыба невкусная, но не дает умереть с голоду. На пятый день немцы появились на шоссе, и у Ближних Камышей разгорелся сильный бой. Группа вышла из укрытия и ударила по немцам с тыла, захватив водонапорную башню в Ближних Камышах. Немцы драться в окружении не любят, и они начали отход к Узловой и Владиславовке. Через несколько часов отход превратился в бегство. А группа вышла к своим. Впрочем, вышел один Дмитрий. Остальных вынесли из «Башни». Кеша еще был жив. Диму перевязали на полковом сборном пункте: два касательных ранения и посеколо осколками кирпичей. Намазали лицо йодом, и он упал спать. Во сне чувствовал, что его грузили на телегу, куда-то везли, он с кем-то разговаривал, но очнулся в небольшом домике с видом на море. Чернявая женщина принесла воды, лепешек и козьего молока. Ее звали Десфина Илиади. С виду – обыкновенная татарка, но высокая, грудастая, и волосы ничем не мажет. Она говорила, что она «румейка» – крымская гречанка. Рассказала, что легкораненых разрешили забрать из Ближних Камышей, выдали справку, и по ней можно получить продукты в Феодосии. До Феодосии тут недалеко. Взяв с собой справку из эвакогоспиталя, Дима пошел в город. Час что-то доказывал в комендатуре, затем прошел на канлодку «Красная Абхазия» и попросил связать его со штабом Азовской флотилии. Передал, что жив и находится на Керченском шоссе у самого въезда в Сары-Гель. Затем получил продукты и пошел обратно. Десфина обрадовалась тушенке, муке и другим продуктам, вечером покормила скотину, приготовила мусаку, откуда-то достала сладкое вино. Выпила немного водки, полученной Димой по справке. Постелила ему на постели и куда-то вышла, вернулась в какой-то накидке, долго что-то шептала на образа, потом задула лампаду перед иконой и легла с ним рядом, обдав ароматами каких-то масел. Всю ночь она неистовствовала, лишь немного давая ему отдохнуть. Только под утро, наконец,

устала и уснула, крепко прижав его к себе. Однако проснулась раньше него, зажгла свет перед лампадой, долго молилась, а потом побежала по домашним делам. Весь день она его не беспокоила, стыдливо отводила глаза, но ночью повторила все то же самое, и опять до утра. А утром у них были гости: приехал Бархоткин из Керчи на машине за Дмитрием. Глаза Десфины наполнились слезами, она молча собрала ему еду в дорогу. Проводила до машины, тут ее нервы не выдержали, и она бросилась ему на шею, целуя и шепча, что будет его ждать.

– Ну, прям Таис Афинская! – улыбнулся Александр Сергеевич после того, как машина тронулась. – Как себя чувствуешь, не спрашиваю! Сразу видно, что я рановато приехал. Но труба зовет! Контр-адмирал Горшков присвоил тебе звание лейтенант. Взвод понес большие потери, твоя задача: восстановить взвод. Так что принимай командование.

– А что с Острцом?

– На связь не выходил. Мост в Кош-Асаке цел до сих пор.

– Там подходы заминированы.

– Уже знаем, но у тебя же получилось!

Дмитрий достал катушку с ниткой и долго на нее смотрел.

– Что это?

– Нитка, которой подорвал мину.

– Не дергайся! Козлов, Батов и, в меньшей степени, Первушин настаивали на другой последовательности исполнения операции, чем было определено Ставкой по предложению вице-адмирала Октябрьского и нашего командующего Горшкова. Они настаивали на первоначальной высадке в Керчи, и позже. Ваши радиogramмы, что на Парпачском перешейке войск нет, и доклад Архипцева, что в Феодосии сосредоточен всего батальон охранных войск, решили исход операции. Сорок шестая дивизия сняла два полка и бросила их на Феодосию, а в этот момент наши высадились на Этильгене, в Казантипе, Насыре, Хрони, Зюке, Тархане и Камыш-Буруне, и враг побежал. И мы его преследуем. Снят Шпонек, командир 42-го армейского корпуса, вместо него Маттенклотт, отменен штурм Севастополя, 170-я дивизия снимается и перебрасывается под Феодосию.

– Танки нужны... А у нас всего пара недель.

– Танки уже выгружаются в Керчи, сейчас увидишь.

Действительно, у Кенегеза увидели большую колонну танков, машин сто – сто двадцать, правда, все легкие:

Т-26. Кого-то увидев, капитан-лейтенант приказал водителю остановиться.

– К машине!

Дмитрий вышел из эмки и пошел за Бархоткиным к группе командиров, стоящих на холме. Подойдя к ним, каплей попросил разрешения обратиться. Командиры были все незнакомые Дмитрию. Знаков различия ни у кого не видно, все в полушубках и ушанках. Он отстал от Александра Сергеевича и не слышал обращения. Поэтому остановился, не доходя нескольких шагов до начальства. Доносились только обрывки фраз. Бархоткин знаком приказал подойти. Дмитрий представился:

– Лейтенант Матвеев.

– Единственный оставшийся от группы Острца, это он подорвал мост во Владиславовке, Павел Иванович.

– Лейтенант, сюда подойдите. Покажите, что видели западнее Парпачка.

Дмитрий отметил разведанные объекты, показал два аэродрома, позиции артиллерии, рассказал о состоянии дорог.

– Сергей Георгиевич! Разберитесь с этим дивизионом!

– Извините, товарищ генерал! – вставил Дмитрий. – Вот здесь вот, напротив этих позиций, старая турецкая крепость. Там около батальона немцев и восемь 150-мм орудий. Сектора обстрела у них могут быть круговыми. Собственно, Парпач прикрывало два таких батальона

с усилением: один в Феодосии, второй в Ак-Монае. В Феодосии батальон разгромлен, а в Ак-Монае еще сидит. С моря его не взять. Но немцы там наступать не будут. Там у них нет войск и дорог, они ударят от Старого Крыма и от Коктебеля. Там пока держится 2-й румынский горнострелковый.

– Это не наш сектор! Это сектор Первушина. Разговорчивые у вас лейтенанты, Сергей Георгиевич!

– На этом фланге у противника войск нет, кроме одного батальона, дороги в очень плохом состоянии. Активно работает только аэродром «Ички», за селом Ислям-Терек, и западнее Феодосии, и в Первомайке, тоже работающий аэродром противника. А нашу авиацию за три недели мы так ни разу и не видели. Чуть погода наладится, будет нам на орехи, – устало проговорил Дима. Ему было все равно, чем закончится разговор, принимавший нехороший оборот.

Худощавый генерал, которого Бархоткин назвал Павлом Ивановичем, обернулся на него, чуть прищурив левый глаз. На узком, покрытом глубокими морщинами лице играли желваки. Ему не нравилось, что лейтенант не испытывает благоговейного трепета перед ним. Помолчав несколько минут, он картинно откинул правую руку, в которую адъютант тут же вложил трубку телефона.

– Четырнадцатого... Алексей Николаевич! Тут разведка Азовской флотилии вернулась... Да-да! Та самая. Предлагают без задержки нанести визиты на аэродромы противника в Ички и в Первомайке. Говорят, что самолетов там много. У меня закончили высадку и сосредоточение 56-я танковая бригада и 24-й отдельный танковый полк. У тебя как?.. Понял! Принимай 24-й полк, кадровый, справится. Кроме того, разведка говорит, что удар будет нанесен по тебе с двух направлений: от Старого Крыма и от Коктебеля. Что говоришь? – указательный палец его левой руки указал на Дмитрия: – Когда?

– Двадцать восьмого – тридцатого.

– Через пять – семь дней, Николаич... Задача? Феодосия. А уж потом за меня примутся.

– Уходим! – послышался шепот Бархоткина. Дойти до машины они не успели. Танки взревели моторами, и пришлось пропускать полколонны. В машине каплей вздохнул:

– М-да, с дисциплиной у тебя действительно не очень. Впрочем, разведка, которая врет, никому не нужна. Но это я так, себе.

Оставшуюся дорогу до Керчи они молчали. Командный пункт флотилии располагался в здании управления Керченским судоремонтным заводом, взвод разведки занимал помещение бывшей столовой. Во взводе осталось восемь человек: два радиста, три пулеметчика, три автоматчика. Один радист не сильно годился для выходов: девчонка. Коротко представив Дмитрия, Бархоткин перешел к постановке задач. Его интересовал аж Геническ и Перекоп. Вскользь он, правда, упомянул, что Перекоп находится в зоне ответственности Черноморского флота. Выслушав с каменным лицом командира, Дмитрий заметил, что стоит ли так замахиваться? Испокон веку одна крепость у Арабатской Стрелки отлично держала это направление. На косе не спрячешься, и окоп не выроешь, сразу вода проступает. Если речь идет о Генической Горке и о Стрелковом, то да, некоторый смысл это имеет, а сам Геническ не удержать. И вообще, его учили, что ко всему надо готовиться заранее. Он бы, например, сделал закладки в Аджимуш-кайских каменоломнях в виде топлива, продовольствия и боеприпасов. А то 51-ю армию месяц назад вышибли из Керчи, и в момент высадки поддержать десант с тыла оказалось некому. А немец воевать в окружении не любит. И вообще, требуется сейчас сосредоточиться на поддержке десанта, а не на распылении его сил, которых и так не много.

– Что ты паникуешь? Видал, сколько танков перебросили?

– Видал! И все с противопульной броней. Их сами защищать надо, а пошлют вперед, как танки прорыва. Это танки поддержки пехоты, и они должны действовать позади нее, поддерживая ее огнем. Вот увидите завтра.

Мужиков жалко. Вы же видели, что танки шли без пехоты и без ПВО.

– Стратег! Но доля истины в твоих словах есть. Что предлагаешь?

– По машинам и туда. Использовать наше положение как разведки флота.

– Ты думаешь, что нас кто-нибудь будет слушать?

– Ну, выслушал же, как его, Павел Иванович, подъедем, дескать, прибыли на усиление.

– С десятью человеками?

– А больше никого нет?

– Нет, обещают послезавтра прислать пополнение.

– А сколько раций на складе?

– Пять.

– И еще одна в блиндаже у Ачи. У вас станции с собой? – спросил он у радистов. Те подтвердили. – Вот и повод, и это – поддержка. Вы с... тебя как зовут? – спросил он у радистки.

– Соня, краснофлотец Красовская.

– Вы с Соней на КП армии, а мы по частям. Все, открывайте склад!

Через пятнадцать минут, не забыв погрузить продовольствие и боеприпасы в машину, выехали в обратном направлении. КП 51-й армии находился на том же холме, но занял какой-то каменный амбар чуть ниже по склону. Александр Сергеевич доложил командующим контр-адмиралу Горшкову и генерал-лейтенанту Батову, что, так как пополнение пока не прислали, то принято решение прибыть в их распоряжение с восемью радиостанциями, с целью обеспечить управление войсками и взаимосвязь с флотилией. На проводную связь в таких условиях надеяться не приходится. Батов улыбнулся:

– Небось, твой неугомонный лейтенант придумал? Ты-то сам без рации ездешь!

– Он, товарищ генерал. Он – опытный, вторую войну тянет. Артиллерийский разведчик.

– А вот это дело! А что без наград?

– Разгильдяй и бабник! Все через это!

– Давай его сюда!

Матвеев подошел и доложил.

– Значится, так, лейтенант, смотри сюда: вот здесь стоит дивизион корпусной 152-мм артиллерии. А тут 24-й танковый полк и 177-й полк 236-й дивизии 44-й армии. Они проведут атаку на аэродром в Первомайке. Твоя задача – обеспечить, по необходимости, корректировку огня крупнокалиберных пушек-гаубиц. Бери еще одного радиста и мой приказ. Дуй туда и побыстрее налаживай связь. Тебя будут ждать.

По приезду в дивизион выяснилось, почему «по необходимости»: снарядов на позициях восемнадцать штук на орудие, меньше трети комплекта, остальное еще на Тамани. Оставив там радиста, Дима понесся в Феодосию. Путем опроса местных жителей нашел 24-й отдельный полк. Его штаб располагался на западной окраине поселка Солнечное. Полковник Лебедев устался на приказ.

– Нет впереди никаких немцев, румыны. И аэродром румынский. Шаз ударим, и побегут.

– Не побегут. Это 2-я королевская горнострелковая дивизия, гвардейская. Вооружена она неплохо, а ваши танки крупнокалиберным пулеметом пробиваются. Зато пушка мощная и снарядов много. Вот и поддержите огнем пехоту, следуйте за пехотой на расстоянии двухсот пятидесяти – трехсот метров.

– То есть как бы прикрыться пехотой?

– Нет, вы прикрываете пехоту, а она прикрывает вас.

– Это не по уставу!

– А товарищ дело говорит!

– Кто сказал?

– Я! Старшина Маслов, командир первого взвода первой роты. Мы так в Финскую действовали.

– Я с Финской, 15-й отдельный артдивизион, – сказал Дмитрий.

– Северные форты? Так же, как там, прикроешь?

– Снарядов мало, постараюсь.

Созвонились с 177-м полком, уточнили задачи и, как только стало темнеть, начали атаку без артподготовки. Пехота двинулась вперед, вслед за ней пошли танки, и они шрапнельными снарядами прижали румын к земле. Полк был действительно опытный, стреляли танкисты очень хорошо: всаживали 45-мм снаряды прямо в амбразуры дотов с первого или второго выстрела. Артиллерийскому дивизиону на первом этапе стрелять не пришлось. Затем пехота уселась на броню, и танки двинулись к аэродрому. Дмитрий ехал на концевой машине. Из-за лесопосадки ударили «Эрликоны», сожгли две машины и были расстреляны остальными танками. Обнаружив на противоположном конце поля еще установки, танкисты, пользуясь большим калибром, расстреляли остальные пушки. Поднялась пехота, тут заговорили 88-мм «флаки», и Дмитрий вызвал пристрелку. Недолет, метров триста! Пересчитав поправку, передал:

– Влево два, больше ноль-три!

По направлению легли точно, перелет.

– Вилка! Меньше ноль-ноль-пять, беглым, три!

Три огромных чемодана перепахали всю позицию. Опять поднялась пехота, пошли танки. Медленно, но верно. Танки дают последнее сопротивление, а затем танкисты с удовольствием раскатывают «Капрони» и «Мессершмиты». Сорок четвертая армия пришла в движение, к ночи взят Старый Крым, передовые отряды к утру заняли Олений и Грушевый перевалы, и начали укрепляться.

Наступление на правом фланге дошло до Золотого Поля и встало на берегу разлившейся небольшой речушки. Левый фланг 51-й армии тоже продвинулся вперед на тринадцать километров, а правый штурмовал Ислям-Терек, где пытались закрепиться части 46-й дивизии немцев, но без тяжелого вооружения. Трофейные пушки Батов активно приобщил к делу, благо что немцы оставили в Керчи большие запасы снарядов к ним. Пятьдесят девятая бригада была обучена ночным боям, и все ее танки были оборудованы для их проведения. Так как он слышал переговоры между 24-м полком и 177-м, а атаку он начал позже, то Батову также сопутствовал успех.

Манштейн беспокоился: передовые отряды русских за ночь продвинулись на сорок километров по шоссе на Симферополь. «Неужели и здесь повторится успех русских под Ростовом и Москвой? Ситуация на фронтах развивается так, что фюрер вряд ли сможет выделить мне дополнительные средства, как обещал. Необходим успех, но погода! Чертова погода прижала авиацию к земле! Необходимо убрать две «группе» пикировщиков из «Ичке», но туман не дает никакой возможности для этого. Остается один способ: удерживать Ислям-Терек». Он стал диктовать приказ Маттенклотту, но через десять минут Маттенклотт прислал шифровку, что выбит из Ислям-Терека и отходит на Киянлы, противник продолжает преследование. Второе неприятное известие было о том, что русские восстановили поврежденный мост на перегоне Феодосия – Владиславовка и пустили по нему восстановленный самими немцами бронепоезд «Орджоникидзевец», который русские повредили при взятии Феодосии в бою между ним и крейсером «Красный Кавказ». Его 85-мм универсальные корабельные орудия уже ведут огонь по аэродрому «Ичке». День 24 декабря Манштейн запомнит надолго! Хорошенький рождественский подарок! Части 170-й пехотной, посланные взять обратно Феодосию, были вынуждены частично сойти с более или менее приличного шоссе и немедленно утонули в грязи.

Части 132-й ПД пока продолжали движение по приморскому шоссе, и только что передовые отряды миновали Алушту. Впереди много километров труднейшей горной дороги.

А генерал Батов вошел во вкус, сменил уставшие части 302-й дивизии свежей 83-й бригадой морской пехоты и продолжал гнать немецкую 46-ю пехотную. Кругом степь, деться немцам некуда. Они практически лишились автотранспорта. А 224-я дивизия спешно грузилась в вагоны на станции Владиславовка, и поезда отправлялись вслед ушедшему вперед бронепоезду, с целью прикрыть его действия и закрепить успех, если таковой случится. У Первушина выступили 9-я и 63-я горнострелковые дивизии с целью надежно захватить перевалы. К сожалению, автомашин не хватало, предстоял пеший марш. Автомобилей у Крымского фронта было кот наплакал! Чуть больше четырехсот полуторок. И сотня трофейных. Каждое колесо на вес золота! Все самолеты в Ичке прищучить не удалось, но сто тридцать пять машин остались на аэродроме. Остальные поднялись и куда-то улетели. Хотя в такую погоду сесть практически невозможно. Батов начал выравнивать линию фронта, наступая левым флангом. В результате марша и боевых столкновений 56-я бригада потеряла более двадцати машин. Часть из них танкисты грозились реанимировать. Вернувшегося от соседа Матвеева принял приветливо, но виду не подал, что копировал действия 44-й армии и 24-го полка.

– Сколько танков потеряли? – спросил он после доклада.

– Мне не докладывали, я видел два на аэродроме. Хороший полк, только командир у них своеобразный: «Это не по уставу!», и техника устаревшая. Надо бы, товарищ генерал, попытаться заблокировать дорогу Алушта – Судак.

– Как и чем? Слушай, а что ты за Сорок четвертую так беспокоишься? Азовская флотилия придана мне! У меня Джанкой и Симферополь. Вот туда и смотри.

– На них идут две дивизии, у нас пока все в порядке, только левый фланг надо укрепить.

– Навязался на мою голову. Откуда ты такой умный?

– Из Ленинграда.

– А воевать где научился?

– Финны обучали.

– Хорошая школа. Ну, и что там было интересного?

– Подвижность и скрытность их частей и соединений. По этому параметру мы отстаем и сейчас. Но когда финны куда-то не успевали, то впереди их войск всегда действовали лыжные отряды, которые организовывали завалы на дорогах, минные ловушки, засады, обвалы и тому подобные мероприятия. С единственной целью: задержать противника и дать своим закрепиться и подготовить оборону.

– Дам я тебе батальон с усилением, но гляди у меня! – генерал снял трубку и запросил «Березу»: – Ко мне, срочно!

Минут через тридцать вошел командир с автоматом ППД на груди.

– Командир отдельного авиадесантного полка ЧФ майор Няшин.

– Значит, так, майор! Есть сведения, что по шоссе от Алушты к Судак выдвигается колонна противника численностью до дивизии. Конкретно, если интересно, 132-я ПД противника. Требуется максимально задержать ее на этом шоссе и, по возможности, нанести ей максимальные потери. Много сил выделить не могу: не мой участок! Но дам человека, который проведет эту операцию. Лебедев твой еще не десантировался?

– Нет, сидит в Геленджике, сегодня ночью обещали пригнать недостающие машины и вооружения.

– Тогда так: батальон Андрейченко переходит в подчинение Матвеева, разведка АВФ, ибо туман, и когда сможет вылететь Лебедев, неизвестно. А батальон Лебедева сменит Андрейченко уже в Ичке. Батарей 82-мм минометов придать Андрейченко. Вопросы?

– Вопросов нет.

- У меня есть, товарищ генерал! – подал голос Дмитрий.
- Задавай!
- Автомашины будут?
- От сердца отрываешь! Будут!
- Нужны 150- или 152-мм снаряды, взрыватели и километра три детшнура, мины всех образцов, тол, огнепроводный шнур, подрывные машинки, трофейные пулеметы, немецкая униформа.
- Машины освободить сразу после выгрузки и у себя не держать!
- Слушаюсь, знаю, что нужны по горло.
- Все, майор. Действуй, времени совсем нет.
- Разрешите идти?
- Идите!

Дмитрий вышел вместе с майором. Тот тихо матерился, было件нятно, что его такой расклад не устраивает. Его батальон взял Ак-Монак почти без потерь, а теперь, когда наметилась перспектива, его куда-то забирают. Ехали на «козлике», молча, прибыли в Ак-Монак, майор вызвал Андрейченко. Тот оказался сокурсником Дмитрия, уже старший лейтенант и командир десантного батальона: в предыдущем десанте из всех командиров выжил только он. Володя радостно улыбнулся, когда увидел Диму, потом нахмурился, выслушав задание. Предстоял стокилометровый рейд по тылам противника, скорее всего, в одну сторону. Пока обсуждали задачи, прибыло тридцать пять автомобилей, пять из них были загружены «саперкой»: три тонны снарядов, полторы тонны мин, около тонны принадлежностей. Доставил инженер 51-й армии. Погрузку закончили в 00:30 25 декабря.

- По машина-а-ам!

До Судака девяносто километров. Средняя скорость километров сорок, постоянно кто-то встает, колонна рассыпается. После трех дошли до Грушевой, еще пятнадцать километров, и наших войск не станет. Дальше – как повезет! Уточнили положение у командира батальона 177 полка, тот сказал, что в Переваловке находится его группа БРД (боевой разведдозор). Контакта с противником не имеет. Колонна двинулась дальше. Остановились у отворота вправо на околице за селом. Подали к машинам, и майор Няшин зачитал приказ командующего армией, представив Матвеева батальону. Дмитрий поздоровался с бойцами и приказал первому взводу первой роты, автомашине «Бюсинг» и двум мотоциклам «БМВ», выйти из колонны для получения отдельного задания. Остальным свернуть направо и выдвигаться по проселочной дороге к лесничеству. Диверсионному взводу оставаться на месте со всем имуществом.

- Исполнять!

Он попрощался с майором, и тот на мотоцикле выехал в Феодосию. В «Бюсинг» погрузили тридцать немецких 150-мм снарядов, две катушки детшнура, три подрывных машинки, пятьдесят противотанковых мин и полсотни противопехоток. Шесть человек из диверсионного взвода пошли переодеваться в немецкую форму вместе с первым взводом, остальные помогли выгрузить необходимое и уехали к лесничеству. Два человека в 1-м взводе говорили по-немецки, бумаг, естественно, не было.

– Смотри сюда, лейтенант! Впереди деревня Лесное, вот дорога, на втором повороте уходишь направо на старую окружную дорогу. Вот здесь вот. Не промахнись! Если будет пост – снимай в ножи. Выскочишь на западной окраине Судака, и еще раз направо в сторону Морского. Здесь постарайся проскочить тихо, если получится. Нет – уничтожай пост, оставляя заслон. Если сможешь по-тихому, то вот точка для засады. Закладываешь снаряды через каждые десять метров, готовится снаряд вот так! – он взял ключ, кусок шнура и показал несложную процедуру. – Если будет время, можно по шашке добавить, положив под снаряд, как при подрыве. Понятно?

«Диверы» покивали головами.

– Места: на подъеме со стороны Морского, и так, чтобы с обратной стороны был обрыв. Самим находиться не ближе двухсот метров! Разлет осколков до полукилометра. Укрытие должно быть надежным! Первый взрыв – самый восточный, потом хвост, потом середка. Твоя задача, лейтенант, обеспечить безопасность работ и прикрыть отход. Отходить вот сюда. Если закладки сделаете удачно, то немцы будут вынуждены свернуть на объездную дорогу, а это больше *тропа* через Межреченскую. Здесь мы их будем ждать. Если серьезного завала создать не удастся, даешь по радио сигнал «666», в случае удачи – «777». Все понятно, лейтенант Иванов?

– Разрешите выполнять?

– Действуй! – Дмитрий сел на мотоцикл и тронулся вслед за основной колонной.

Мотоциклами десантники разжились у немцев, также как и «Бюсингом». Довольно быстро догнав колонну, которая еле плелась по раскисшей дороге, он отправил три мотоцикла вперед на разведку к лесничеству. Через час разведчики доложили, что там расположился взвод румынских горных стрелков. Остановились на горке, где дорога поворачивает на юг, разгрузили машины, разобрали оставшиеся снаряды и мины, распределили все по бойцам, отозвали разведку и углубились в довольно густой лес, отослав машины и погрузив на них мотоциклы. Двое десантников отправились проследить, чтобы «баллоны» не замылили мотоциклы вместе с колонной. Через шесть часов радист принял РДО от Иванова, что закладки они произвели. Автомашину замаскировали и подготовили к взрыву, приготовив «подвижный заряд» для тех немцев, которые подъедут из Судака помогать восстанавливать дорогу. Противника пока не видно. В ответном РДО Митя поблагодарил первый взвод за оперативность и инициативу, хотя было понятно, что кто-то стал смертником. Красное солнце село в море, батальон продолжал спускаться и подниматься по густому смешанному лесу, покрывшему все горы в этом месте. Так прошло 25 декабря 1941 года. За день прошли двадцать один километр. Бойцы устали, в 22 часа сделали большой привал. У многих оказался сухой немецкий спирт, так что даже подогрели консервы и попили чаю. Андрейченко сварил себе и Дмитрию кофе, знал, что Дима его любит.

– Ну, рассказывай, как дошел до такой жизни! – попросил Володя Дмитрия, кладя ему в кофе кусок сахара и подвигая ближе открытую тушенку с хлебом.

– Вы уехали, а меня еще трое суток держали на «губе», потом сунули в руки предписание и включили в маршевую роту 83-й бригады, направили нас Баку. Там покантовался две недели, потом в Емрюке. 27 ноября перевели в разведку Азовской флотилии, оттуда сюда. Здесь с первого декабря. Завтра шторм будет. Видел солнце на закате?

– ОБС? Или прогноз?

– Народная примета.

– Что дальше делать будем?

Они взяли карту и разобрали предполагаемые шаги командира 132-й пехотной Вернера Гальвица и его начальника Эриха Хансена.

Под утро проснулись от холода: дул пронзительный юго-западный ветер, хлопьями валил тяжелый мокрый снег, горы закрыты плотными облаками, в трех шагах ничего не видно. Деревья скрипят, и за их шумом ничего не слышно. В общем, погода – хороший хозяин собаку на двор не выгонит. Батальон построился, проверили снаряжение и укладку, тронулись в путь. Особое место занимало ориентирование в таком тумане. Скорость продвижения меньше двух километров в час. Подъем на гору занял семь часов. Вышли к верхней дороге. Затем чуть вернулись и вышли на связь со штабом армии. Те передали, что тоже не получали сигнала от Иванова. Связи с отделом разведки АВФ не было. Попытались оборудовать позиции, но кроме небольшой пещерки ниже по склону, больше ничего не нашли. Сигнал от Иванова поступил

в 03:24 27 декабря 1941: «777»! Диверсия удалась! Тут же получили поздравления от Батова и Первушина, которые ждали этого сигнала не меньше, чем Дмитрий. Он построил батальон, несмотря на то что глубокая ночь, рассказал о задании первого взвода первой роты, бойцы закричали: «Ура!» После этого он приказал минировать дорогу. А третью роту отправил по дороге к развилке у перевала Маски и урочища Ай-Серез. Вторая рота перешла к хребту Орта-Сырт и начала готовить позиции там. Первая рота осталась на месте и занялась дорогой. Все минные поля делали управляемыми. Спустя два часа от Первушина пришло сообщение, что 9-я горнострелковая дивизия начала движение с задачей захватить Судак. А 63-я получила приказ выдвигаться к Судаку от Коктебеля. Ее усилили 126-м отдельным танковым батальоном армии, в составе которого были и КВ, и Т-34, и Т-60. Девятая наступала с батальоном 24-го полка. Воодушевляющее начало, но погода совсем не радовала. Утром двадцать седьмого шторм стих, облака чуть поднялись, из штаба 44-й армии пришло РДО включить привод. Включили. Через некоторое время послышался стрекот мотора «Шаврушки», и в небе одиноко хлопнул парашют, раскрытый на минимуме. Через пару часов в расположении первой роты появился майор Няшин. Он принес приказ по 51-й армии лейтенанту Матвееву возвратиться во Владиславовку, в штаб армии. Ночью на левом фланге слышались выстрелы сорокапятков, майор сказал, что румыны в лесничестве уничтожены. Принял командование, выделил двух бойцов проводить Матвеева до своих. Диме все это не нравилось, но не подчиниться он не мог, поэтому собрал нехитрые пожитки, бросил на плечо АВС и пошагал с бойцами вниз. Погода была средней паршивости, шли довольно быстро. К утру вышли к лесничеству. Там ждала машина, маленький открытый американский грузовик повышенной проходимости, и пять бойцов сопровождения. Быстро долетели до штаба армии.

– Товарищ генерал-лейтенант! Лейтенант Матвеев прибыл по вашему приказанию.

– Садись! Чай будешь?

– Поесть бы...

– Сейчас сообразят. Гаврилов! Ну-ка, собери что-нибудь поесть! Не обижайся, я сам весь в обидках. Операцию у нас забрали. Сейчас ею командуют Октябрьский и Первушин. А я получил втык от Верховного, что нет данных разведки по Симферополю и Джанкою. Но то, что ты сделал, остановив продвижение 132-й дивизии... За тебя! За нового Героя Советского Союза! – генерал поднял стакан с водкой, а второй пододвинул Дмитрию.

Выпили, закусив рукавом.

– Много времени дать не могу. Требуются данные по двум направлениям, но до первого числа – отдыхай. Можешь штабной «Додж» взять!

Принесли вкуснейшую говядину с каким-то кислым соусом и жареную картошку. Генерал ел быстро и шумно. Еще пару раз выпили. После этого Дмитрий сел в машину, забросил туда продукты, вино и водку, выделенные Батовым, в кармане лежала бумажка о предоставлении ему отпуска до 12:00 1 января 1942 года. Расспросил водилу, как переключаются передачи, выслушал его нытье, что «осторожней, товарищ лейтенант!», запустил двигатель и с визгом развернулся на площадке перед штабом и рванул в Сары-Гель. Погудел у дома Десфины, свет зажегся. Но никто не вышел. Он выпрыгнул из «Доджа», подошел к окну и постучал. В маленьком окошке появилось ее лицо, потом она прижала ладошку к губам и исчезла. Звякнул засов, Десфина выскочила под дождь с босыми ногами и повисла у него на шее. В перерывах между поцелуями, он сумел сказать:

– Машину надо во двор поставить! Танками могут раздавить. И обуйся! Холодно ведь!

Десфина подхватила его под руку, и они вошли в сени. Там она обтерла ноги какой-то тряпкой, сунула в низкие сапожки, накинула плащ и пошла открывать воротца. Дмитрий въехал во двор, заглушил машину, вытащил вещмешок, который сунули туда поварята Батова. В хате передал его Десфине.

– Я в отпуске до Нового года.

Десфина уткнулась ему в плечо и тихо всхлипывала: «Пришел, пришел, не забыл!»

– Я ждала! Я знала, что ты будешь цел.

Три дня пронеслись, как один миг. Дмитрий из постели практически и не вылезал. Только на двор по естественным надобностям. Десфина светила счастием. Но все когда-то кончается! Без двадцати двенадцать первого января он снял ее руки с плеч:

– Мне пора! – рыкнул двигатель при пересечении ворот, он через борт джипа поцеловал ее и дал газ.

В 11:58 сдал отпускное свидетельство в строевой отдел штаба армии и тут же получил вытык от начальника строевого отдела за неуставной вид: на его чистенькой и заботливо заштопанной гимнастерке на рукавах была пришита красная звезда с золотистым кантом, соответствующая званию старший краснофлотец. Званий морской пехоты еще не вводили, поэтому петлиц не было. На правой стороне одиноко висел белый «поплавок» с надписью «ВВМОЛУ им. Фрунзе», который Дмитрий повесил с целью не потерять. Командирскую форму одежды он получить так и не успел, о чем и было доложено полковнику Строгачеву:

– Воинское звание лейтенант мне присвоено несколько дней назад, штаб флотилии, где я стою на вещевом довольствии, находится в Емрюке. Я там еще не был, отпуск проводил в Сары-Гель. Полуостров Крым не покидал, так как не имел проездных документов, товарищ полковник.

– Что, так и будете щеголять в форме рядового состава? Архипов!

– Слушаю, товарищ полковник!

– Старшина, у тебя есть на складе морская форма?

– У меня много чего есть, товарищ полковник. У товарища есть вещевого аттестат?

– Нет, мой аттестат в Емрюке.

– Тогда не положено, товарищ полковник.

– Я знаю, что не положено, Архипов. Войди в положение товарища, он – прикомандированный, а ходит по нашему штабу, а ну как на начштаба попадет?

– А вы откуда, товарищ лейтенант?

– Командир взвода разведки Азовской флотилии, прикомандирован к штабу армии с 23 декабря.

– Слышал, слышал о вас, разведчиках! Я схожу, посмотрю по закуткам, товарищ полковник. Мож, чего и найдется!

– Сходи, сходи, Трофимыч! Идите с ним, лейтенант.

Старшина неторопливо собрался, надел полушубок, опоясал его командирской портупеей с новенькой кобурой от ТТ. Надел новенькую шапку старшего командного состава, взял в руки меховые летные перчатки. Вид у него был прижимистый и фасонистый. Войдя на склад и увидев, как порхнули во все стороны кладовщицы, Дмитрий сразу понял, что нужно делать. Скинул вещмешок, развязал его, засунул туда руку и сказал:

– Товарищ старшина, а что вы с таким несолидным оружием-то ходите?

Старшина хлопнул себя по боку, вытащил новенький ТТ и внимательно рассмотрел его.

– А что тут такого несолидного? Трофейный носить запрещают.

– Так смотря какой! А как насчет вот такого? – и Дмитрий положил на прилавок Browning HP.

– Немецкий?

– Союзнический!

У старшины загорелись глаза.

– Вот что значит разведка! Богато живут! Но и мы не бедствуем! Глаша, Клава, Людочка! Одеть требуется героя-разведчика по высшему классу! Он – флотский, лейтенант!

Девочкам ушла бутылка шоколадного ликера и пачка летного немецкого шоколада. Со склада Матвеев вышел, имея повседневную, парадную и полевую форму старшего комсостава, с пришитыми нашивками и в новеньком белом полушубке, мечте всех младших командиров. Но в строевой отдел он больше не пошел, дабы не подводить старшину. Заглянул в разведотдел, там практически никого не было, кроме радистов. Пошел в оперативный, надеясь найти кого-нибудь из своих, флотских. Никого! Даже странно. Пришлось идти на узел связи и искать Бархоткина через разведотдел флотилии. Связисты из Емрюка сообщили, что он в штабе армии на полуострове. «Сам знаю!» – подумал Дима, делать нечего, надо идти к Батову. Помощник из орготдела сообщил, что командующий сейчас под Джанкоем, в дивизиях.

– А капитан-лейтенанта Бархоткина или контр-адмирала Горшкова не видели?

– Они в Феодосии, на совещании у командующего флотом.

«Черт! Зря машину отдал!» – подумал Дмитрий и вышел из штаба. Водитель «Доджа» пристраивал тент на машину.

– Ефрейтор! Мне надо в Феодосию, не подбросишь?

– Я бы рад, но путевки у меня нет. А вы свою сдали или нет?

– Нет!

– А посмотрите: до какого времени она выписана?

– До второго, включительно.

– Дайте посмотреть!

– Держи!

– Она на вас выписана, товарищ лейтенант. Так что сейчас тент доставлю, и езжайте, я не могу, меня в ней нет.

Дмитрий положил надоевшую винтовку и два тюка с формой на заднее сиденье и дождался окончания работ. Водитель с удовольствием побежал греться в казарму, а Матвеев поехал в Феодосию. Бархоткина нашел в штабе 44-й армии. Тот выходил оттуда вместе с Горшковым. Дмитрий спросил разрешения у адмирала обратиться к капитан-лейтенанту, но такого разрешения не получил.

– Вот его и задействуйте, Александр Сергеевич. Приказание Филиппа Сергеевича должно быть выполнено точно и в срок. От этого зависит судьба Севастополя и всего флота. Идите, оба!

Взяв под козырек, развернулись и пошли к машинам.

– Ну, ты и распижонился! Где так прибарахлился?

– На складах штаба армии. Полковник Строгачев послал переодеться, я же так и не успел форму получить.

– Где тут и чего успеешь! Поехали!

– Не могу! Я на машине, и там вещи лежат. А где взвод располагается?

– Ух, ты! Откуда такое богатство?

– Батов дал до конца второго числа.

– Васильев! Поезжай за нами!

Он сел справа, Дмитрий за руль.

– Куда?

– Дом культуры во Владиславовке знаешь? Это по дороге в штаб армии.

– Видел.

– Вот там твоя рота и находится. Давай, погоняй! Времени в обрез. Через пару часов Батов будет в Джанкое. Манштейн развернул 170-ю дивизию туда, бои у Земляничного он проиграл. Похоже, что у него нет танков, или их очень мало. В основном действует на бронетранспортерах. Пожгли их 177-й и 24-й полки немало. Через Олений перевал их не пропустили. А Батов, воспользовавшись, что 170-я дивизия увязла в боях и грязи, ударил вдоль шоссе на Джанкой, а там, кроме разбитой дивизии Маттенклотта, никого не было. Джанкой обороняют

два батальона охранных войск и около полка 46-й дивизии. По состоянию на 14:00, Батов ворвался на аэродром и вокзал, ведет уличные бои за Днепровку. То есть шоссе и железная дорога им уже перерезаны. Ближайшая станция – Отрадная. Но там поработали наши пикировщики, и успешно! Черноморский флот готовит десант в Красноперекоск. Наша задача – Чонгар. Авиаразведка мало чего дает. Море замерзло, высадить вас кораблями не можем. А тут еще, видишь, морозы ударили. Как можно попасть туда? Как считаешь?

– Лучший способ – аэросани. Хотя я не понимаю, зачем? Что сейчас мешает двинуть туда «Орджоникидзевец»?

– Батов говорит, что этот бронепоезд ему нужен, чтобы удержат Джанкой. А Емрюк встал по ледовой обстановке.

– Тогда «Шаврушками», но тоже ненадежно. Плюс почему они считают, что снабжение Манштейна прервется, если перерезать железную дорогу?

– Октябрьский говорит, что суда в Евпаторию он не пропустит. А мы настилаем ледовую дорогу через Керченский пролив. На той стороне пролива скопилось около пяти тысяч автомобилей с грузами и войсками. Автомобили хорошие, американские, как этот.

– Он же маленький!

– Есть большие, «Студебеккеры» называются. До пяти тонн берут. И в Феодосию идут несколько судов с тяжелыми и средними танками.

– Все, приехали! Здесь?

– Здесь.

Они вошли в расположение. Дневальный рывкнул:

– Смирно!

Подбежал дежурный и начал докладывать капитан-лейтенанту, но тот остановил его:

– Докладывайте командиру. – Увидев смущение дежурного по роте, добавил: – Лейтенанту Матвееву.

– Товарищ лейтенант! За время моего дежурства происшествий не случилось. Рота находится на занятиях по парашютной подготовке в поселке Ичке. Дежурный по роте старшина 1-й статьи Мальцев.

– Вольно!

Каплей провел Диму за сцену, там в небольших комнатках находились жилые помещения комсостава.

– Твоя комната, – указал он на одну из дверей.

– Так я – командир роты? – удивленно спросил Дмитрий.

– Да, Горшков утвердил твою кандидатуру. В роте семьдесят два человека, восемьдесят процентов – курсанты из разведшколы в Саратове. Восемнадцать человек имеют фронтовой опыт, остальные не обстреляны. Кроме тебя еще три командира взводов и политрук. Двое из командиров не имеют опыта в разведке, но все фронтовики. Люди разные, присматривайся. И хотя Горшков настаивает, чтобы ты шел на Чонгар, пойдет Разумовский, командир 1-го взвода. Надо обкатать и проверить его. Он из 83-й бригады, может быть, ты его знаешь.

– Нет, не слышал.

– Итак, ты говоришь, аэросани или «Шаврушки»?

– Можно на «У-2». Но проще всего – на буерах. Во-первых, бесшумно, во-вторых, состояние великовато для саней. Может закончиться топливо. В сороковом их активно применяли в последней фазе войны. Очень эффективное средство в ветреную погоду! Экипаж три человека: рулевой и два «балластника». Скорость до ста километров в час, абсолютно бесшумные, паруса белые, корпус можно выкрасить в любой цвет. Зимой – в белый! Ходят и на коньках, и на лыжах. Поднимают до двух тонн груза и больше. Хорошая штука!

– А где взять буера?

– Я думаю, в Ейске или Новороссийске есть, в Ленинграде у нас было их много. Главное, это мачты и паруса, а остальное не так сложно сделать. Плюс их можно использовать для перевозки грузов с Тамани.

Каплей позвонил в Емрюк и поставил дежурному по базе задачу найти буера. Нашлись в Ейске. Третьего января произвели разведку состояния железнодорожного моста в районе Чонгара. Немцы мост не восстанавливали. Из похода не возвратились три человека, в том числе и командир 1-го взвода лейтенант Разумовский. Они вернулись аж через шесть дней: обмороженные, голодные и злые. На отходе зевнули, и влетели на небольшой торос, потеряв конек вместе с креплением. Их случайно обнаружил патруль на буерах, который контролировал Сиваш и Азовское море. С легкой руки разведроты, буера продолжали эксплуатироваться на фронте. Используя морозы, Манштейн перебросил в район Новожиловки 73-ю пехотную дивизию и навязал Батову бои. Батов же, получив дополнительно с Большой земли пополнение и танки, пересадил обстрелянных и проверенных в боях танкистов 56-й танковой бригады на КВ и Т-34, но оставил там бывшие у них Т-26. А легкие Т-60, которые превосходили Т-26 по бронированию, скорости и надежности, стали использовать как тягачи для противотанковой и дивизионной артиллерии. Особенно для транспортировки трофейных пушек, коих было много – но немцы не дураки, пушки они бросили, укатив на запад на их тягачах. Поэтому подвижность сформированных из трофеев частей была нулевой. Выяснив в первых же боях, что боевая эффективность нового «танка» близится к нулю, Батов, с подачи Дмитрия, превратил их в огневые точки и тягачи. Тут новая беда! В наступившие морозы начали активно выходить из строя катки Т-26. С них слетала старая и не очень качественная резина. В Керчи на судоремонтном заводе рабочие и техники смогли наладить выпуск литых опорных катков для 24-го полка и 56-й бригады. Таким образом, рабочим удалось восстановить много танков.

Рудольф фон Бюнау, прусский генерал, кавалер двух железных крестов еще за Первую мировую войну, командир 73-й пехотной, был старым опытным воякой. В отличие от 170-й пехотной, которая, по сути, была почти корпусом, так как в ее состав входила 240-я дивизия резерва, что существенно повышало ее огневую мощь и мобильность, 73-я была чисто пехотной дивизией, вся артиллерия и обозы перемещались у нее на лошадях и подводах. Эта дивизия предназначалась для непосредственного штурма Севастополя, где техника пройти не могла, где лошадь и солдатские руки решали все. Снятие ее с Севастопольского участка было вынужденной мерой.

Две дивизии застряли в горах и грязи, а сын потомственного промышленника генерал-майор Виттке, который, благодаря связям своего отца в Берлине, натаскал в свою дивизию кучу бронетранспортеров SdKfz 251 «Hанomag» якобы в качестве эксперимента, встал без возможности подвезти топливо еще 27 декабря, после этого Манштейн приказал обеспечить подвоз топлива и боеприпасов тыловым частям 73-й пехотной. Вслед за тылами и сама дивизия развернулась на северо-восток. Когда 28 декабря стало ясно, что армия генерала Батова решительно перешла в наступление на Джанкой и, имея неповрежденную железную дорогу, превосходит немецкие части в подвижности и огневой мощи, стал ясен замысел русских: отрезать 11-ю армию от снабжения, окружить ее по частям и уничтожить. До этого русские всегда наступали всем фронтом, «держали линию», здесь же применили излюбленный немецкий прием – танковые клинья. Как назло, 1-я танковая армия, понесшая большие потери под Ростовом, ничем существенным помочь не могла. Она сама с трудом сдерживала атаки русских на Миус-фронте. Третьего января Черноморский флот высадил тактический десант у Красноперекопска, похоронив надежду на подход резервов ставки. Одиннадцатая армия оказалась в техническом окружении. Манштейн поставил новую задачу фон Бюнау: захватить Джанкой и деблокировать армию.

С наступившими морозами зашевелилась и 170-я дивизия. Оставшимся бронетранспортерам подвезли горючее, в воздух поднялись немногочисленные самолеты, оставшиеся после удачного рейда русских по трем аэродромам.

Подготовка заняла три дня, и четвертого января 11-я армия перешла в решительное наступление на Джанкой.

Поначалу все складывалось удачно, но заменивший нерешительного генерала Первушина на должности командующего 44-й армией генерал-лейтенант Львов, правильно предположив, что немцы ослабили правый фланг, ударил на Карасу-Базар, подрезая во фланг позиции 170-й дивизии Виттке. Виттке был вынужден ослабить давление на Батова. Оставшиеся у Манштейна восемьдесят пять самолетов не смогли предотвратить удары русской авиации по наступающим немцам. За сутки немцы продвинулись на шесть километров, но 5 января налетел ураганный шторм, авиация была прижата к земле, русские перешли в контрнаступление, забрали обратно эти шесть километров и двинулись дальше, пользуясь своим превосходством в танках и артиллерии. Виттке бросил в бой свой последний резерв – остатки 240-й дивизии резерва, и смог остановить продвижение 44-й армии, захватившей часть Карасу-Базара. В городке начались упорные уличные бои.

Там, у Карасу-Базара, и обстреляли роту Матвеева. Послали их туда с благой целью: подвезти боеприпасы, быстренько их загрузить и разгрузить. Тот фланг вообще снабжался боеприпасами хуже, чем правый фланг фронта, где была железная дорога. Фронт, видимо, экономил горючее, поэтому боеприпасы доставлялись в Керчь автомашинами, там перегружались в вагоны, сто двадцать километров ехали в них, затем перегружались на станции Владиславовка опять в машины или шли дальше на Джанкой. Рота располагалась недалеко от вокзала, командовал там подполковник Нечихайло, который взял за правило подключать роту разведки к разгрузке боеприпасов. И в случае чего, тыкал в нос бумажкой, что имеет право привлекать на работы любые воинские части и расстреливать командиров, отказывающихся выполнять его распоряжения. С одной стороны, все правильно: если налетит немецкая авиация и звезданет эшелон с боеприпасами, то от станицы и станции ничего не останется. А с другой стороны, иметь такого соседа было и опасно, и тяжело для бойцов, которые весь день или ночь бегали по полям, а всю ночь или день разгружали эшелон с тяжелыми снарядами. Пятого января Нечихайло потребовал не только людей, но и все машины поставить на станцию, плюс дал свои пять «Студебеккеров».

Грузили вразнобой, по разнарядке, потом пришло сообщение, чтобы Нечихайло обеспечил выгрузку в Карасу-Базаре, так как свободных войск там нет. Колонна из пятнадцати «студебков» и одного «Доджа», которого Батов «подарил» Дмитрию – передал в роту разведки – двинулась через зимнюю крымскую ночь вдоль гор к Карасу-Базару. Вместо разгрузки рота ввязалась в отражение ночного штурма станицы, предпринятого солдатами «свежей» 73-й дивизии. Воевали подготовленные и опытные солдаты рейхсвера, а не юнцы из резервистов. Это чувствовалось по всему: не торопясь, прокладывали себе дорогу гранатами под прикрытием пулемета. Если что не так, поджигали соломенную крышу хаты зажигательными пулями или факелом.

Три роты 236-й дивизии они уже смяли, в батальоне кончились патроны, танки, если их так можно назвать, расстреляли напрасно свой боезапас, большая часть из них сгорела, остальные отошли на восточную окраину, куда и подъехала рота. Еще во Владиславовке, узнав, что предстоит ехать и «разгружать» боеприпасы в Карасу-Базаре, Дмитрий не поленился остановиться возле расположения, несмотря на матюки сопровождающего, и рота полностью экипировалась. Увидев зарево пожаров ночного боя, остановились, Дмитрий собрал командиров, в том числе и отделенных, на карте ознакомил всех с возможной ситуацией. Бойцы разобрали гранаты, командиры – трассирующие патроны для целеуказания. Ночной бой рота недавно отработывала, ну и надо отметить, что этому виду боя в спецшколах учат, и много – основной

вид боя разведки. Подъехали в тот момент, когда в держащем оборону батальоне боеприпасы практически закончились, и он был готов отходить.

– Мои твоих подменяют, комбат! Это рота разведки АВФ.

– Давай! Смотри сюда! – комбат раскрыл карту с текущей обстановкой. – Немцы вышли к реке Биюк-Карасу и сейчас накапливаются у трех мостов.

– Понял, обеспечь тремя-пятью танками, двадцатимиллиметровки в трех машинах в середине. Я пошел.

– Ни пуха!

– К черту.

Рота развернулась, установили связь. Диму чуть потряхивало из-за адреналина, радист бежал сразу за ним. Триста метров, отделявших МТС от речки, преодолели быстро, затем порядок расстроился, так как вошли во дворы. За рекой немцы разворачивали минометную батарею и готовили четыре 37-мм пушки. Снайпера взяли их под обстрел, а рота перебежками двинулась вперед. Часть бойцов несло боеприпасы для батальона, которые начали расхватывать.

– Вовремя вы! – сказал комроты Бирюков подбегающему Дмитрию. Тот упал рядом с ним и через прицел рассматривал картину боя. «Офицер!» – увидел он человека в фуражке. Привычно ударило в плечо отдачей. Взяв микрофон рации, передал:

– Снайперам работать по офицерам и унтерам. Особое внимание пулеметчикам.

Попав под плотный огонь, немцы вызвали артиллерию. С нашей стороны артподдержки не оказалось. Напрасно связист кричал в трубку телефона:

– Оляха, Оляха!

– Оляха, я Брелок! Подавите огонь батареи у изгиба шоссе! – сказал Дмитрий.

– Брелок, я Оляха! Корректуру обеспечите?

– Давай пристрелку!

На шестом залпе «полкачи» пристрелялись и перешли на беглый. В это время начали перебегать немцы, пытаясь задавить роту, но снайперы не давали возможности пулеметчикам поддержать атаку. Атака захлебнулась. Немцы поняли, что вместо батальона подошло другое подразделение. Началась охота за командирами и снайперами уже с их стороны. А Дмитрий начал выдвигать вперед пулеметчиков. В роте их сорок. С тыла поднесли еще боеприпасы для Бирюкова. Тот неспешно распределял их по ротам и взводам. Его связисты восстановили связь.

– Эй, ротный! Хлебнешь?

– В бою не пью, и тебе не советую!

– Оно и верно, но нас чуть не смяли.

– Да выбили вас, чего прибедняешься.

– Ну, метров на шестьсот отошли, щас заберем взад.

Дмитрий непрерывно наблюдал за боем, иногда производя выстрелы, затем сменил позицию. Заметил появившихся огнеметчиков у немцев, и устроил там «подсветку». Пламя осветило разбегающихся немцев, по которым ударили пулеметчики. За кочующей минометной батареей немцев вели охоту часа четыре. Немцы меняли позицию после двух-трех залпов, располагались за хатами и вели беспокоящий огонь. Начало светать. Бойцы Дмитрия уже форсировали ручей и залегли на довольно высоком берегу. Он сам находился сзади, лежал под довольно большим и толстым тополем на другой стороне реки. Подал команду:

– Перебежками, вперед! – внимательно следя за противником. Восход слепил немцев, и их приборы наблюдения бликовали, поэтому участились выстрелы снайперов. Несколько пулеметов противника захлебнулись, в этот момент Бирюков поднял свою роту. Дмитрий недовольно поморщился, глядя, как пехотинцы в рост пошли в атаку.

– Поддержать огнем! – скомандовал он.

Немцы отошли на одну линию домов и открыли сильный огонь, находясь в мертвой зоне для разведчиков. Пришлось выдвигаться вперед, оставив удобную позицию. Дома здесь сло-

жены из известняка, и каждый дом – маленькая крепость. В ход пошли гранаты. Дмитрий заменил магазин и перескочил через ручей, гордо считающийся рекой. Шесть домов – шесть гранат, улица Зеленая, как написано на покосившейся табличке. С рассветом заговорила дивизионная артиллерия, сзади подошел свежий полк. Какой-то чудак на букву «М», послал вперед танки «Братская Могила-2», типа Т-60, пехота за ними не успела, и немцы со вкусом и удовольствием их сожгли, все двадцать. Дмитрий грязно выругался и подал команду выходить из боя на исходные. Увидев, что приказ выполняется, пожал руку Бирюкову, выслушал его многочисленные спасибо и, вместе с радистом, пошагал к машинам. На дворе МТС был остановлен вопросом:

– Почему отходите, боец? – и с удивлением повернулся в сторону говорящего.

– Командир роты разведки Азовской военной флотилии лейтенант Матвеев, товарищ армейский комиссар. Рота прибыла для разгрузки боеприпасов, немцы мешали нормальной выгрузке, поэтому я дал команду выдвинуться вперед и прикрыть выгрузку. Выгрузка закончена, рота следует к месту расположения в станицу Владиславовку.

Вокруг них стали скапливаться командиры и краснофлотцы. Несколько бойцов были ранены, их сразу несли к машинам, а комиссар разошелся, стал кричать что-то о приказе Сталина.

– Я не получал такого приказа, товарищ армейский комиссар. Сталин в Москве, а я у Карасу-Базара. Я получил приказ подполковника Нечихайло: погрузить боеприпасы и выгрузить их на территории МТС в Карасу-Базаре. Приказ мной выполнен.

Тут в дело вмешалась Соня Красовская, потрясающей красоты полуполячка-полуеврейка, которая весь бой находилась на КП 655-го полка, и что-то отрывисто и с возмущением сказала по-еврейски.

– Молчать! – подал команду Дмитрий. Но армейский комиссар уже повернулся к ней. Девчонку спасло то, что она еврейка, и комиссар тоже был им. Соня с вызовом смотрела на него, и он опустил глаза.

– Следуйте в расположение! – сквозь зубы процедил он.

– Есть, товарищ армейский комиссар! Рота! Становись! Командирам взводов доложить о потерях!

Выслушав доклады, Дмитрий повернулся к продолжавшему стоять рядом незнакомому комиссару:

– Товарищ армейский комиссар! Отдельная рота разведки разгрузила боеприпасы на МТС Карасу-Базара. В ходе разгрузки имела боестолкновение с противником. Потери: один убитый, одиннадцать легкораненых. Командир роты лейтенант Матвеев. Прошу разрешения следовать на погрузку!

– Демагог! Следуйте!

– Рота! Напра-аво! На погрузку шагом марш! – повернулся к комиссару и, вскинув руку, сказал: – Разрешите идти?

– Девчонке спасибо скажи! Свободен!

– Есть объявить наряд вне очереди!

– Это за что?

– Чтобы не вмешивалась в разговор старших по званию, товарищ армейский комиссар!

– Клоун! Идите!

Дмитрий бегом побежал к машинам, на ходу подав команду: «По машинам».

Вернувшись на базу, Дмитрий доложил о происшествии и бое Бархоткину и попросил его перевести роту подальше от фронтового склада боепитания. В тот же день перебрались в Ичку, на самую окраину, в какую-то старинную кошару, палуба которой была покрыта толстым слоем овечьего навоза. Сверху набросали соломы, заделали часть окон, старшина добыл

досок, и соорудили нары, комнаты для комсостава и единственной девушки-радистки. Дмитрий поинтересовался, что же она сказала аркому.

– Ничего особенного, товарищ командир, напомнила ему, что он только что хвалил роту и обещал дать Героя их командиру.

– Угу, даст! Если догонит.

Как в воду глядел! Где-то через неделю «Крымский воин» опубликовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении званий Героев Советского Союза трем командирам Крымского фронта: подполковнику Няшеву, капитану Андрейченко, старшему лейтенанту Иванову – а также краснофлотцу Суничеву (посмертно). Под указом громадный подвал, где в красках описан их подвиг. Они остановили 132-ю пехотную дивизию, нанесли ей тяжелые потери и долго мотали по лесным горным дорогам и тропам. Остатки батальона в количестве двадцати пяти человек были представлены к орденам Ленина и Красного Знамени. Об участии в этом приключении взвода разведки АВФ ни одного слова не было написано. Прочитав статью, Дима специально зашел к радистке и показал ее. Он вообще-то сторонился Сони: она была красавицей и знала себе цену. Плюс воспитание соответствующее, романов ни с кем не крутила, хотя охотников было хоть отбавляй.

– Как же так, товарищ командир? Ведь... – Дима прижал палец к своим губам, показывая ей соблюдать тишину.

– Видишь, все описание начинается без дат, даты появляются после 29 января. Сразу после того, как меня в отпуск отпустили. Все тонко! Я в отпуске был, и имеются документы об этом. Поняла?

– Это несправедливо! Надо Сталину написать!

– С ума сошла? Не смей! Этим ты не поможешь, только хуже будет. Переживу, ордена – дело наживное! – забрав газету, коснулся свернутым кончиком носа Сони и вышел из помещения радиостанции. Спустя несколько секунд оттуда выбежала, вся в слезах, радистка. Старший политрук Костин посмотрел на нее и на командира:

– Что с ней? Ты, что ли, ее обидел? Че ты к ней пристаешь? Она же недотрога!

– Поэтому и пристаю! – улыбнулся Дмитрий, хотя на душе скребли кошки и хотелось так же, как Соня, выплакаться, но он понимал, что в том бою, под таким чутким руководством, можно было полностью потерять роту. А так и овцы целы, и волки сыты. Рота работает, за последнюю неделю восемь выходов. Морозы стоят на загляденье. Он никогда и не думал, что в Крыму бывают такие! Немцы прекратили наступать и перешли к обороне. Начальство, помладше армейского комиссара Мех-лиса, довольно и хвалит за точные и своевременные данные о противнике. А комиссара он переживет, если не расстреляют! С такими «веселыми» мыслями он собрал сводки за последние сутки, взял охрану и поехал в штаб армии. Конечно, находиться во Владиславовке ему было удобнее: и штаб рядом, и иногда к Десфине успевал забежать. Теперь об этом приходится только мечтать. Тут же внизу стало немного жарко, и стало неудобно сидеть. Десфина ему нравилась. Но, мечтая о жарких ласках, он не забывал внимательно смотреть за дорогой.

– Стой! К бою! – он заметил легкое шевеление в придорожной канаве и натянутый через дорогу трос. Перекувыркнувшись через плечо, распластался на дороге, изготавив ППД к бою. Но засада молчала! Скаты явно заминированы. Либо группа в мертвом пространстве, либо... Краснофлотцы начали проявлять нетерпение, пришлось прикрикнуть:

– Лежать!

Он достал бинокль, и старлся рассмотреть, с какой стороны немцы. Те не выдержали первыми! Поверх голов ударил пулемет, а камыши у дороги зашуршали в сторону от шоссе.

– Вызывай роту и разведупр! Сообщи о засаде! – прокричал он радисту.

– Станция в машине осталась, товарищ лейтенант.

Немец прошелся по «Доджу», тот загорелся и взорвался. «Каюк рации!» Дмитрий перевернулся на спину, посмотреть в другую сторону, и тут же дал очередь по выскочившему из камышей немцу. «Становится жарковато!» – подумал он. В этот момент на шоссе появилась колонна автомашин со стороны Владиславовки. «Пуфф!!!» – выдохнул Матвеев, видя, как спешиваются бойцы, открывают огонь по пулемету.

– Держим спину! – подал он команду, впрочем, бойцы и без этого четко заняли круговую оборону. Спустя несколько минут по шоссе уже можно было ходить. Одна рота преследовала немцев справа от шоссе, вторая слева. Камыши здесь узковаты, поэтому через некоторое время бойцы провели мимо четырех задержанных: трех немцев и одного гражданского, остальные были убиты. Саперы проверяли скаты и канавы вдоль дороги, а Дмитрий отчитывал радиста за брошенную рацию. Добрались на попутках. Допрос пленных показал, что они работали без наводки, просто хотели взять офицера, желательно штабного. Бархоткин скупой похвалил Митю, что без потерь справился с засадой.

– Матереешь! Скоро таким волчарой станешь, что и не подходи! Удачненько я тебя присмотрел в Емрюке! Пойдем, доложимся!

Горшков был очень доволен действиями разведчиков, и тут же вручил Дмитрию Красную Звезду. Пятерым остальным разведчикам достал из стола пять медалей «За отвагу»! Дмитрий отложил одну медаль в сторону.

– Савельеву вручим, но позже, товарищ контр-адмирал. Он рацию в машине оставил.

– Да ерунда! Он у вас давно, заслужил! А награды только что пришли из Москвы.

– Так я и говорю, что вручим, но позже, пусть проникнется. А пока у меня полежит.

– Ишь, воспитатель! – улыбнулся Сергей Георгиевич. – Ну, как знаешь! Где твои?

– Во дворе.

– Пошли, сам вручу!

Дмитрий построил ребят, и они получили из рук адмирала первые свои награды. После этого Сергей Георгиевич приказал ехать в Феодосию и получить новый «Додж», взамен подбитого, и радиостанцию. На обратном пути Матвеев решил заехать к Десфине и показать ей орден. Остановились возле ее дома, Дмитрий открыл калитку, подошел к двери и увидел, что дверь опечатана! «Вот это номер!» – подумал он и пошел на выход со двора. Когда закрывал калитку, услышал:

– Особый отдел армии! Попрошу предъявить документы!

– Лейтенант Матвеев, командир отдельной разве-дроты Азовской флотилии. Прошу!

– Здесь по какой надобности, товарищ лейтенант?

– Тут живет женщина, которая меня выхаживала после ранения. Привез ей немного продуктов.

– Покажите!

Дима раскрыл вещмешок, показал буханку трофейного хлеба в целлофане, трофейные консервы, трофейный шоколад и несколько пачек трофейных сигарет. Десфина не курила, но сигареты можно было легко обменять на что угодно. Ничего армейского внутри не было.

Хмыкнув, контрразведчик вернул мешок Дмитрию, вернул документы, отдал честь и сказал, что Дмитрий свободен.

– А вы не подскажете, где хозяйка?

– Согласно постановления от 31 января 1938 года, лица греческой национальности, проживающие в Крымской области, подлежат депортации. Она депортирована.

– И куда?

– Я не знаю, контрразведка этим не занимается.

– Спасибо!

«Странно! – подумал Дмитрий. – А почему именно сейчас выполняется довоенное постановление? Обидно!» Сел справа от водителя, и они поехали в штаб армии – доложить коман-

дованию, что все получили, и получить новые задания. По дороге вспоминал, что ему известно о подружке. Рано вышла замуж, в шестнадцать лет, вдова – муж и семилетний сын в первые дни войны погибли в море: самолет проштурмовал фелюку, на которой они ловили кефаль у Судака, – активная участница подполья, и в госпиталь за ранеными сама приехала. Не за что ее выселять! Что-то тут не то! Конечно, идиотизма на войне хватает, но чтобы вспомнили какой-то устаревший приказ, да еще в момент активных боевых действий... И почему у дома крутились контрразведчики? Либо Десфина говорила неправду, либо... «Додж» затормозил у штаба, Дмитрий выпрыгнул из него и вошел в штаб.

Комфлотилией был у командарма. Пришлось ждать возле адъютанта, но не долго. Из кабинета вышел Бархоткин и махнул ему рукой:

– Дмитрий! Зайди!

Он попытался доложить о прибытии – Батова он не видел больше недели. Тот отмахнулся от рапорта:

– Что у тебя произошло с Мехлисом?

– Собственно говоря, ничего, товарищ генерал. Я доложил об этом по команде: мою роту направили выгрузить боеприпасы под Карасу-Базар. А там у батальона, который держал поселок, заканчивались патроны, пришлось выдвинуться вперед и прикрыть район разгрузки, иначе бы их смяли. Удержали правый берег Биюк-Карасу, с помощью полковых гаубиц подавили батарею на западной окраине, а затем минометную батарею. Захватили плацдарм на левом берегу – три квартала поселка по фронту, и сдали их подошедшему 509-му полку. Потери: один человек убит, одиннадцать легко ранено. Носимый боекомплект подходил к концу, патронов к МГ, а их у нас двадцать штук, на складах боепитания не было. Я вывел роту из боя.

– А причем здесь Мехлис?

– Он находился на МТС возле КП 655-го полка. Я отходил первым, вместе с радистом, его за забором не видел. Он слева был, а я шел к машинам. Я был в камуфляже, он меня с бойцом перепутал, у меня же винтовка. Он меня окликнул и спросил: «Почему отходите, боец?» Я представился и доложил, что вышел из боя, так как выполнил свою задачу. Он начал говорить про какой-то приказ Сталина, который нам не доводили. Я ответил, что никакого приказа Сталина я не получал, получил и выполнил приказ подполковника Нечихайло. Тут влезла со своими замечаниями краснофлотец Красовская, которой я приказал замолчать и не вмешиваться. После этого рота отбыла в распоряжение.

– С кем согласовал отход?

– С командиром 509-го полка майором Рыльцевым, с командиром роты, на позициях которой мы располагались, старшим лейтенантом Бирюковым. Мы подменили его сводную группу.

– А с армейским комиссаром почему вопрос не согласовали?

– А откуда я знал, что он находится там? И что произошло, собственно? Приказа штурмовать Карасу-Базар я не получал. Помог мужикам удержать поселок и отошел, так как не своим делом пришлось заниматься. Мало того, что постоянно Нечихайло роту третировал разгрузкой-погрузкой, так еще и за 44-ю армию воевать, что ли?

– Ладно-ладно, ты не шуми! Ты что-то не договариваешь. Я тебя как облупленного знаю! Ты просто так из боя хрен выйдешь! Не ври, а говори, как есть!

– Я бы расстрелял командира 236-й дивизии, – выдавил из себя Дмитрий.

– Я бы тоже, дальше!

– В общем, пока было темно, и командовали всем комбат Шаронов и комполка Князев, все шло нормально. У меня сорок пулеметов, двадцать из которых с оптическими прицелами, двадцать снайперов и двадцать три автоматчика. Задавили мы немцев, только минометчики сильно мешали. Мотались туда-сюда по поселку, никак их накрыть не могли, а в полку мино-

метов нет. Охотились за ними с помощью гаубиц, а стреляют их артиллеристы херово. До утра с ними и промаялись. Тут какой-то козел послал батальонную группу вперед. Немцы отошли на квартал, оставив в каждом доме прикрытие. И положили на землю мужиков. Пришлось идти вперед и выбивать «прикрышку», так как у батальона гранат почти не было. Прошли квартал, но запасы гранат не резиновые. Тут кто-то посылает вперед танки, с 20-мм пукалкой!

А они даже стену пробить в доме не могут. Пехота не пошла, танки сожгли. Двадцать штук. Следующим номером программы явно был бы штурм поселка моей ротой. С пустым боекомплектком. Под таким командованием идти в бой бессмысленно. Рота вела бой грамотно и почти без потерь. Бойцы у меня, что надо. А управлять боем надо уметь, и точно рассчитывать каждый шаг и каждое движение. Была бы безвыходная ситуация, я бы остался, а так, класть роту из-за какого-то...

– Прекрати немедленно! Ладно, все понятно. Тут тебе Мехлис какой-то подарок оставил. Возьми! – он достал из стола и протянул Дмитрию пакет. Дима покрутил пакет в руках и вскрыл его. Совершенно произвольно у него вырвалось:

– Ах, ты ж, сука!

– Что ты сказал? – спросил Батов, но увидев побелевшее лицо Матвеева, протянул руку: – Дай!

Дмитрий покачал головой, но Павел Иванович с силой забрал пакет и вытряхнул его на стол. Оттуда выпала упаковка немецких презервативов.

– Что это? – спросили Горшков и Бархоткин.

– Не понял, что за дурацкий подарок? – сказал Батов.

Дмитрий забрал упаковку со стола.

– Объясни, в чем дело, и почему ты такой белый?

– Разрешите не объяснять!

– Нет!

– Это личное!

– Тем более!

– Мою девушку депортировали.

Все замолчали.

– За что?

– Командир из Особого отдела 44-й армии сослался на какое-то постановление от 1938 года.

– Сядь! Ты мне все сказал?

– Абсолютно, товарищ генерал. Даже то, что никому бы не сказал.

– Хорошо, Дмитрий. Успокойся и, пожалуйста, ничего не предпринимай против него. Найдем мы твою девушку. Обязательно найдем. Если, конечно, дело не связано с контрразведкой. Она же в оккупации была?

– Была. Активная подпольщица.

– Ну, тогда легче. В общем, я подключу нужных людей, но обещай мне: самостоятельно ничего не предпринимать.

– Есть, товарищ генерал.

– Иди! Займись делами, будет легче.

– Есть! – Дмитрий развернулся и вышел из кабинета. Его била дрожь, ненависть просто захлестнула все его мысли. Бойцы, ожидавшие его, видя не совсем обычное выражение лица начальства, быстро и без разговоров уселись в машину.

– В роту! – приказал Матвеев и всю дорогу молчал. Сжав нервы в кулак, Дмитрий выслушал доклад дежурного. Откозырял, сказал:

– Вольно! – и прошел в свою комнату. Полчаса никто его не беспокоил, затем раздался осторожный стук в дверь.

- Товарищ лейтенант, разрешите? – раздался голос Костина.
- Заходи, Владимир Николаевич.
- Что случилось? Почему на вас лица нет? – тут он заметил орден и попытался поздравить Дмитрия.
- Не надо об этом, товарищ старший политрук. Вот, возьмите медаль, удостоверение, и вручите Савельеву. Я не приду на построение, у меня был очень тяжелый день.

Серьезные бои развернулись у села Рейзендорф или Фрайлебен, некогда богатого колхоза. Населения там не осталось, до войны в колхозе жили почти исключительно евреи. Перед самой войной рядом с селом был открыт один из крупнейших аэродромов на территории Крыма.

Здесь базировались тяжелые бомбардировщики ТБ-3 Черноморского флота. Во время войны стояли бомбардировщики Хейнкель-111 сотой дивизии люфтваффе.

Ко дню высадки, Манштейна поддерживало три дивизии бомбардировщиков и одна, 77-я, дивизия истребителей. Из допросов захваченных в Джанкое летчиков и штабных офицеров 27-й бомбардировочной дивизии стало известно, что одной дивизии, 51-й, более не существует. Ее потери после проведенных рейдов по аэродромам и усиления штурмовок составили более ста пятидесяти самолетов, 27-я дивизия пострадала меньше, более половины летчиков сумели улететь из Джанкоя в Евпаторию и Сарабуз, но технический состав по большей части погиб, плюс потеряно техническое и автомобильное обеспечение этой дивизии. Для восполнения потерь, люфтваффе решило перебросить из Германии четыре «группе» из первой учебной дивизии, которая базируется в Кенигсберге. Ожидаемое время прибытия – март месяц. Посылать только самолеты, без наземного обеспечения, Геринг, с согласия Манштейна, отказался.

В Крым перелетело дополнительно двадцать четыре самолета Ме-109F для усиления 77-й дивизии. Хотя наша авиация и вела воздушную разведку, но облачная погода, многочисленные снегопады и метели не позволяли широко развернуть воздушную войну. Плюс большое количество наших самолетов находилось в плачевном состоянии. На территории полуострова базировалось четыре неполных полка истребителей, значительно уступающих основному истребителю немцев. Поэтому основная часть этой войны легла на плечи разведчиков армии и флота. К тому же в Сарабузе находился штаб 11-й армии. В очередном циркуляре, полученном Матвеевым, именно Сарабуз числился как важнейший пункт для диверсий. Штаб 11-й армии находился на улице Октябрьской в здании школы № 1. В том же квартале, но с входом со стороны улицы Карла Маркса, проживал небезызвестный генерал-полковник Манштейн. Недалеко протекает речушка Салгир. Сведения добыла агентурная разведка ГРУ ГШ. От них в роту приехал из Ростова-на-Дону начальник оперативно-инженерной группы Илья Старинов, знаменитый диверсант, с группой опытных минеров. Началась разработка операции по уничтожению штаба 11-й армии и ее командующего.

Полковник Старинов сразу взял быка за рога: начал проверку подготовки личного состава, хотя и поставил ограничения. Рота должна была сопровождать и обеспечить подход к объекту группы его «спецов». Вся остальная часть операции ложилась на плечи восьми совсем неприметных, одетых в гражданку человек, двое из которых были девушки. Старинов гонял роту на проверку до потери пульса, затем удовлетворенно хмыкнул и дал сутки отдыха. Планировал операцию сам Старинов, никто в роте и в группе не знал ни маршрута движения, ни точки назначения. Только Старинов. Косвенно о цели выхода догадывался Дмитрий, исходя из циркуляра. Занятия группа Старинова проводила отдельно от роты. Линию фронта перешли в двадцати двух километрах от Улу-Узенья, высоко в горах. Оттуда ночью рота двинулась к Первому Симферопольскому совхозу – марш в тридцать два километра по горной местности с 40-50-кило-граммовым грузом. Рота была экипирована в немецкую полевую форму разведчиков. Под утро форсировали шоссе Симферополь-Феодосия. Впереди три татарских села:

Чуюнча, Чуйке и Джурчи. По ручью Тубай перебежали в одноименную балку с кучей карстовых пещерок, здесь и разгрузились. Отдыхали до вечера, потом группа Старинова ушла. Из-за этого у Матвеева со Стариновым возник спор: впереди был хутор Беки-Эли, двенадцать домов, там сто процентов был полицейский пост. Была необходимость нарушить связь, но Старинов не соглашался.

– Нельзя нарушать спокойствие! Я дал указание пройти тихо.

Сам однорукий диверсант остался в пещерах. Он был слишком известен в узких кругах. Сразу после отхода группы Илья Григорьевич приказал Дмитрию отходить и уводить людей.

– Товарищ полковник, а если что-то не так пойдет? Кто подстрахует группу?

– Чем? Чем ты можешь их подстраховать?

– Мы можем пройти маршем в Сарабуз, товарищ полковник. Доставить все прямо на место и атаковать обе цели.

– Какие обе? У нас одна цель! Того, что понесли с собой мои люди, для нее достаточно. Маленький домик в «Плодовое».

– А зачем тогда столько тола?

– Закладка, приказано доставить для какого-то партизанского отряда.

– В этой части Крыма нет партизан!

– Есть. Два отряда. Видимо, для них.

– Товарищ полковник! Здесь абсолютно точно никаких партизан нет. Есть два отряда, которыми руководит гауптман Штольц. Базируются в Азеке и Бай-Кияте. Недалеко отсюда. Сто процентов немцы будут использовать этот тол для подрывов в Симферополе.

Старинов выматерился.

– Это точно? Нас же повесят за одно место!

– Эти сведения дал татарин, которого взяли вместе с немецкой группой 12 января. Мы же посылали копии допросов в Ростов!

– Такие сведения не поступали! Так! Подсвети!

Их накрыли плащпалаткой, полковник достал немецкие бланки и начал их заполнять.

– Готово! Строй роту, вместе с грузом.

Рота вышла на дорогу, обрубил провод в Симферополь, двинулись дальше. Старинов, изображавший немецкого майора, шел спереди колонны. Дмитрий, гауптман, шел позади и зачищал полицейские посты с помощью 3-го взвода. К переезду подошли в тот момент, когда одна из девушек пыталась через него пройти, но жандармы к ней пристали. Требовали показать содержимое сумочки и трусиков. В ножи взяли пост, заменили жандармов. Отсюда до штаба армии ровно 1154 метра. Пропустили эшелон, идущий сторону Джанкоя – пополнение на фронт. В садике, на изгибе шоссе, подготовили жерди и заряды. Их несли в середине колонны. На перекрестке Октябрьской и Карла Маркса комендантский пост, с двумя пулеметными точками. Роте подана команда: правое плечо вперед. Бдительный жандарм помахал красно-белым кружком: «Стой!» Майор пошел к нему. Не доходя двух шагов до жандарма, майор уронил смятую бумажку – сигнал атаки. Нож «гауптмана» Матвеева из-под руки влетел в горло пулеметчику, второго пулеметчика заранее прикрыли от «кино» и взяли тоже в ножи. Майор вместе с бумагами «подал» кинжал в горло. На все ушло около секунды. Рота проследовала к зданию штаба, а несколько человек проскользнули в сад колхоза «Садовод». Штаб обошли, оставив его охрану у входа нетронутой. В 22:00 завывали сирены воздушной тревоги, появились самолеты, и рота атаковала штаб армии. Охрана у входа ничего не подозревала до того момента, пока не посыпалось стекло в окнах первого этажа, и туда на жердях были доставлены пятьдесят четыре ящика тола с зажженными шнурами, а в транспортеры у штаба влетело по противотанковой гранате.

Несколько пулеметов поставили жирную точку на посту фельджандармов.

Рота отходила в полном порядке. Задание «два» осталось невыполненным. Домик Манштейна был подорван, но его в этом домике не было. Он находился где-то в частях на фронте. Отходили на Беш-Терек, немного изменив маршрут движения. Рассвет застал роту в двух километрах от леса возле села Бура, и Старинов приказал идти в село и «искать партизан». В разгар проверки приехал взвод фельджандармов, его командир переговорил со Стариновым, довольно усмехнулся, глядя, как солдаты тщательно осматривают каждый дом. Тут захлопали выстрелы, и кого-то погнало в горы. Дали уйти, выстроились в цепь и двинулись следом, имея на хвосте жандармов. Рота углубилась в лес, собралась, и ускоренным маршем двинулась наверх. «Кинокомедия» удалась. Все время в гору, особо не побежишь. Через час пришлось делать привал и восстанавливать сбитое дыхание. Илья Григорьевич помотал головой и платком вытер пот.

– Я уже собирался их атаковать! Как вовремя кто-то из татарчат побежал!

– Да это Кузнецов побежал. Накинул татарский пиджачок, отдал пулемет и рванул в лес, а мы мимо стреляли! – рассмеялся второй взвод. – Вон он лежит!

Но через час над горами повисла «Рама», а снизу начал подниматься батальон в боевом порядке. Немцы все-таки догадались, что видели диверсантов. Поэтому опять рота изменила маршрут следования и двинулась на восток, перевалив в соседнее урочище. «Рама» несколько раз кого-то обстреливала на старом маршруте. Через некоторое время стал слышен бой, яростный, но короткий. Так и отходили лесами в сторону фронта, а у Карасу-Баши свои чуть не обстреляли. Но обошлось. Позже стало известно, что группа Старинова взорвала крупное бензохранилище в Сарабузе. А Манштейн куда-то переехал.

«Старик», уже в Ислям-Тереке, в расположении роты, прощаясь, сказал:

– Ну, Дмитрий Васильевич, дай «краба»! Как ты умудрился сформировать такую роту? Даже немецкий знают!

– Это не я! Это Бархоткин выбил пополнение из спецшколы, после того как у нас во взводе осталось восемь человек.

– Из Саратова, что ли?

– Оттуда.

– Так получается, что вы – наши! Эту школу я и организовывал, еще до войны.

– Ну, получается, что так.

– Я тебе парочку инструкторов пришлю по минной подготовке. Мы тут много чего в Ростове придумали.

– Не откажусь! Есть несколько задумок на тему: «Как нам преобразовать рабкрин». Так, чтобы удобнее было использовать силы специального назначения. Но, видите, весна началась, зима здесь короткая, хоть и злая. Лед растает, пойдем вам навстречу, к Ростову. До свидания, Илья Григорьевич!

– До свидания, Дмитрий Васильевич!

Гибель, почти в полном составе, штаба армии несильно повлияла на положение на фронте, и немцы довольно быстро восстановили управление. Но значительно усилили части охраны тыла, сняв несколько частей с фронта. А это, в свою очередь, ускорило продвижение наших частей. Наступившая распутица остановила их движение в направлении Черноморска. На Перекопе нас продолжала атаковать 22-я пехотная дивизия, пытаясь прорвать там оборону. Немцы ее переделали в танковую, вооружив сорока восьмью танками Т-IV. К 28 января части 44-й армии сумели пополниться, прорвали фронт и продвинулись на двадцать один километр, заняв Зую.

А 51-я заняла Пролетную и немецкое село Китай. Оба немецких аэродрома под Симферополем оказались под артобстрелом, и немцы были вынуждены перебросить авиацию оттуда в Евпаторию и в Новофедоровку. Черноморский флот закончил переброску одной пехотной

дивизии и одной морской бригады в Севастополь, и севастопольский гарнизон, при поддержке Черноморского флота, взял Бельбек. Но состояние дорог было таким, что вязло все! Как у нас, так и у немцев. К сожалению, немцы наладили воздушный мост в Евпаторию, а у авиации фронта и флота не было возможности прервать его.

Тем не менее попытки сделать это не прекращались весь январь, а в первых числах февраля над расположением роты загудели незнакомые моторы. На аэродром Ичке село тридцать два истребителя «Аэрокобра». У них были подвесные баки, и они были предназначены для того, чтобы охотиться за транспортниками немцев. Немцы контролировали около трети полуострова. Затем состоялся Евпаторийский десант: крайне неудачный, немцы сбросили его в море, но десантники значительно повредили порт в Евпатории, плюс флот обстрелял из крупнокалиберных орудий аэродромы в Каче, Новofедоровке, Евпатории и Донузлаве. В принципе, положение 11-й армии было катастрофическим, но Гитлер приказал держаться до последнего солдата, и Манштейн предпринимал все для этого. Рота продолжала работать в интересах 51-й армии, но сделала два выхода для 44-й. Затем Батов вызвал Дмитрия и приказал выдвинуться в район Ангарского перевала и попытаться провести диверсию на шоссе Симферополь-Алушта. Был тяжелейший переход по лесистым горам, где еще лежал снег. Подходы к шоссе были плотно минированы немцами. Посты, собаки, полно фельджандармерии. Немцы не из тех, кто любит наступать на одни и те же грабли. А оборонялась здесь 132-я пехотная дивизия, уже знакомая с методами Дмитрия. Первый взвод сумел подобраться и заминировать дорогу у Курлюк-Баша, второй в районе Лаванды, третий взвод потерял семь человек, но подойти к Ангарскому перевалу не смог. Нанести серьезные повреждения дороге не удалось. Места, где была вероятность что-то сделать, охранялись очень хорошо. А скрипучий снег выдавал движение собакам. Общие потери, в том числе и на отходе, были непривычно большими: двенадцать человек. Операция длилась десять суток. Вышли у Бурульчи. Однако при отходе от перевала, бойцы третьего взвода Сагалаева обнаружили, а взводный нанес это место на карту и нарисовал план, довольно обширную пещеру, имевшую несколько выходов на разные стороны хребта. Входы малозаметные. Боец прятался от карателей, заполз под камень, там оказался провальчик. Переждал. Там сухо, гораздо теплее, микроклимат. Походил немного, нашел еще один выход, вернулся к первому, нашел своих и показал место. У Дмитрия родился план, с которым он подошел к Бархоткину. Все вроде оговорили, пошли к Горшкову. Иметь такую базу в таком месте было выгодно. Немедленно отправили отделение Мальцева туда, рядом небольшая площадка, куда организовали сброс продуктов, снаряжения и боеприпасов. Затем доложили об этом начальству. Батов недоволен пробурчал:

– Вечно тебя на тот фланг тянет!

– Местность там удобная для диверсий. А оттуда оседлаем шоссе, и доставим много неприятностей Манштейну. И потом, Пал Иваныч, я туда один взвод отправлю только.

Тут выяснилось, что район «занят»! Крымский обком заявил, что в этом районе действует его партизанский отряд номер двенадцать. В четырнадцати километрах от этой точки. За последние два месяца провел три операции. Уничтожил до взвода фашистов.

Горшков не выдержал и брякнул от всего сердца:

– Если бы моя флотилия так воевала, я бы со стыда сгорел. Там будет действовать моя рота разведки. Там рокадная дорога, по которой противник перебрасывает значительные объемы грузов и войск. Дорога хорошо охраняется, и партизанам она не по зубам. По докладу командира роты, даже его людям было сложно проводить там диверсии. К тому же погода не позволяла. А имея такую базу, где можно держать значительные объемы взрывчатки и продовольствия, роту можно использовать более эффективно.

После короткого спора, вопрос был решен, Сагалаев с бойцами отправился туда уже ночью. Через неделю туда прибыл и Дмитрий с остальными. Пещера оказалась довольно солидных размеров. Антон Сагалаев, увлекавшийся историей, показал Мите наскальные рисунки

древних людей и их стоянку. Особое внимание уделили обработке следов на отходе. Немцы активно использовали собак для охраны и во время преследования. Готовился штурм Симферополя, перед ротой была поставлена задача: не допустить переброски резервов с юга на помощь Симферополю. Рота скрытно подготовила проходы в минных полях немцев и сделала закладки зарядов на протяжении семи километров. Заминировала двадцать мостов, установив радиоуправляемые взрыватели Старинова. Двадцать третьего февраля начался штурм Симферополя. Двадцать пятого 132-я дивизия получила приказание передислоцироваться в Симферополь и не допустить его сдачи. Выполнить приказ она не сумела. Ее зажали на дороге, обе стороны которой были заминированы самими немцами, а оставленные проходы заминировали разведчики. Колонна, растянувшаяся на сорок километров, была остановлена и блокирована. Хорошая погода позволила разведчиками и авиации разгромить ее на месте. Одновременно с освобождением Симферополя, были взяты Алушта и Ялта. Севастопольцы доложили, что немцы прекратили обстрелы города: у 11-й армии начался снарядный голод, была урезана продовольственная норма, так как вместе с Симферополем большая часть продовольственных запасов армии перешла в руки Крымского фронта. Казалось, что все уже сделано, но в этот момент в Черноморск прорываются три румынских и два болгарских транспорта со снабжением для немцев. Черноморский флот зевнул в тумане этот караван. Попытка потопить транспорты в порту не удалась: «Красный Кавказ» получил 210-мм снаряд во время обстрела города и был вынужден уйти в Севастополь, а плотнейший зенитный огонь не дал нашим самолетам даже подойти к порту. Немцы понимали, что это их шанс на спасение. Пароходы назад они не отпустили и реквизируют их на случай эвакуации из Крыма.

И Манштейн издал приказ, что фюрер помнит и заботится об 11-й армии и требует от ее солдат и офицеров до конца выполнить свой долг. Гитлер, прочитав приказ командарма, прослезился, закатил пафосную речь по радио и присвоил генерал-полковнику Манштейну звание фельдмаршала. А линию фронта перешла та самая неприметная девчонка, которую рота выручила под Сарабузом. Ее доставили в штаб 51-й армии. Там она и рассказала, что фельдмаршал живет в Саках, в пустом селе Горопашник. Его жители были расстреляны 21 ноября 1941 года, так как по национальности они были евреи.

Все село забито войсками. Дом, в котором живет Манштейн, находится у дороги в вишневом саду. С обратной стороны дома – площадка МТС. Манштейн не каждый день бывает там, иногда остается ночевать в штабе фронта, который находится в Саках на улице Куротной на берегу Тобе-Чакпака или Сакского озера. Там в парке санатория есть музей, в нем часто ночует командующий. Теперь штаб занимает не одно здание, а несколько, чтобы исключить такие диверсии, как в Сарабузе.

Анечка еще не отошла после перехода линии фронта, поэтому рассказывала все сбивчиво. Она была слегка контужена. Приходилось направлять ее рассказ. В этот момент у командующего армией появился армейский комиссар Мехлис. Дмитрия аж передернуло, когда он его увидел. Выслушав доклад Батова, Мехлис с интересом подключился к допросу Ани, сел рядом с ней, поздравил с возвращением, очень умело направил ход ее рассказа, достал из шинели шоколадку и дал ей. Через полчаса выжал из нее всю информацию. Вызвал своего адъютанта и вручил девчонке орден Боевого Красного Знамени, напомнив ей, что это самый первый орден СССР, и что он, от имени Верховного Совета СССР и всего советского народа, благодарит ее за тот подвиг, который она совершила. Проводил до дверей, передал своим адъютантам, чтобы позаботились о ней и переправили ее в Новороссийск в госпиталь на отдых и лечение. А сам повернулся к Батову и задал вопрос:

– Как считаете, товарищ генерал-лейтенант, пленение или уничтожение фельдмаршала заставит полностью окруженных немцев сдаться или нет?

– Ну, – протянул Павел Иванович, – сдаться они вряд ли сдадутся, но повлиять в худшую сторону такое событие, конечно, может.

- Саки находятся в полосе наступления вашей армии?
- Да, в моей.
- Может быть, стоит продумать вариант осуществления подобной операции? Тем более что именно ваша армия наиболее часто их проводит, даже взорвала штаб армии.
- Собственно, главный специалист по подобным операциям как раз здесь. Наверное, стоит спросить его.
- Вот как! И кто это? – спросил Мехлис, обводя глазами присутствующих.
- Лейтенант Матвеев, товарищ армейский комиссар. Он вчера вернулся с Ангарского перевала.
- Лейтенант? Интересно!
- Дмитрий опустил руки, встав по стойке смирно и представился.
- Я вас где-то видел! – сказал Мехлис и протянул руку, но Дмитрий так и остался стоять по стойке смирно.
- У Карасу-Базара, товарищ армейский комиссар первого ранга! Я – командир отдельной роты разведки Азовской военной флотилии.
- Да-да, припоминаю, – сказал арком и опустил руку. – Так что вы думаете о проведении подобной операции?
- Судя по тому, что рассказала товарищ Анна, проведение подобной операции в настоящее время нереально. Манштейн предпринял шаги для своей защиты, находится настороже и готов к проведению подобной операции, товарищ арком.
- Вот как! Объясните!
- Прошу к карте, товарищ комиссар. Смотрите, здесь три соленых болота: два средних и одно очень большое. Они непроходимы. В Новофедоровке крупный гарнизон немцев, насыщенный скорострельными зенитными орудиями от 20 до 88 миллиметров. В Горопашнике двести домов, соответственно, по нормам немцев, там расквартирован полк фельджандармерии на бронетранспортерах. В Бай-Кияте располагается разведдиверсионный отряд гауптмана Штольца. Численность до батальона, отличное знание местности, так как они местные – татары. Плюс они знают, что их даже в плен брать не будут. В войсках такое настроение.
- Есть такое! – заметил Мехлис.
- Численность гарнизона в Саках неизвестна, но Манштейн не ночует постоянно в одном месте, а меняет их. Площадь парка санатория примерно четыре квадратных километра, одиннадцать зданий, бомбоубежища. И главное, подход только один: вот по этой дамбе, длиной более километра. Единственная зацепка – вот это здание, Сакский историко-краеведческий музей. Но прекрасно обученная для таких операций товарищ Анна не смогла заложить там свои заряды. Так что штурмом или десантом его не взять.
- А диверсионной группой?
- Я не являюсь специалистом по легальному проникновению в города, оккупированные противником, товарищ армейский комиссар. Я – специалист по войсковой разведке. Так что не смогу быть вам полезным. И потом, у меня еще тот ваш подарок не кончился!
- Какой подарок?
- Вот этот! – Дмитрий положил на стол упаковку презервативов. – Разрешите идти?
- Мехлис огорошенно взял со стола упаковку, но сказал:
- Идите!
- Что это? При чем здесь это? Откуда? – спросил он тихо стоящих командующих.
- Подарок, от вас. Мне его принесли с просьбой вручить от вашего имени, – сказал Батов.
- Что? Кто принес? Вот так?
- Нет, он был в пакете.
- Где пакет?

– Вот! – Батов из стола достал злополучный пакет и передал его Мехлису. Тот, взглянув на почерк, заорал:

– Михайлов! Захарченко ко мне!

Он положил упаковку и прикрыл ее пакетом.

– Мне действительно не понравился выход из боя роты, только что успешно отражавшей атаки 73-й дивизии и умело продвигавшейся вперед. Командир роты, как мне показалось, вместо прямых ответов начал откручиваться, что, дескать, участок не мой, я выполнял прикрытие второстепенных действий и выполнял приказ какого-то неизвестного полковника. Приказал разобраться с этим вопросом полковому комиссару Захарченко. И, увидев в ходатайстве о присвоении звания Героя Советского Союза его фамилию, вычеркнул ее до выяснения обстоятельств. Захарченко передал мне характеристики на него, где он характеризовался крайне отрицательно. Что и в случае с действиями батальона отдельного авиадесантного полка в тылу у немцев он вышел из боя до того, как батальон начал активные боевые действия. И сказал, что он уже наказан. Я, естественно, о нем и думать забыл, пожалел только, что не расстрелял его перед строем. Никаких подарков я ему, естественно, не передавал.

В комнате стояла тишина, все понимали, что Мехлис на пределе и лучше молчать.

– Вы сказали, генерал, что это лучший специалист по диверсиям в вашей армии. Это так?

– Хотя он и не в моей армии, а у товарища Горшкова, но с 23 декабря он прикомандирован к штабу армии. Единственный выживший из группы, посланной на перешеек 1 декабря. Обеспечил точными данными фронт, что можно высаживаться в Феодосии. Разработал и осуществил остановку продвижения 132-й дивизии немцев в декабре, а сейчас полностью ее уничтожил. Обеспечил разведку Чонгара, удержал Карасу-Базар. Взорвал штаб Манштейна. Много что сделал для армии и фронта. Резок, за словом в карман не лезет. Но если ему что-то поручаешь, то либо это будет выполнено, либо это невозможно было выполнить. Он и капитан-лейтенант Бархоткин создали самое боеспособное подразделение, которое мы используем на всех самых сложных заданиях.

– Награды имеет?

– Мы ждали присвоения звания Героя, но 12 января он был награжден мною за уничтожение и пленение разведгруппы немцев у нас в тылу орденом Красной Звезды. За подрыв штаба Манштейна написано ходатайство о присвоении звания Героя Советского Союза. Ответа нет, – ответил Горшков.

Вошел и доложил полковой комиссар Захарченко.

– Подойди к столу!

Мехлис снял пакет и положил его рядом с пачкой презервативов.

– Узнаешь? Твоя работа?

Тот побледнел и кивнул.

– Расстрелять! Оформите протоколом! – сказал ар-ком Михайлову.

Матвеев лежал у себя в комнате, когда услышал:

– Рота! Смирно! Товарищ армейский комиссар!..

– Вольно! Командир у себя? Проводи!

Застегиваясь на ходу и натягивая португепю, он выскочил из комнаты, но Мехлис широким шагом, в расстегнутом реглане уже подходил к его комнате.

– Товарищ армейский комиссар! Отдельная рота разведки находится на боевом выходе и полевых занятиях! Командир роты лейтенант Матвеев.

– Вольно!

– Рота, вольно.

– Разрешите? – Мехлис указал рукой на дверь в комнату командира.

– Прошу.

Мехлис вошел в комнату, и первое, что ему бросилось в глаза, была лежащая на столе крупномасштабная карта Сакского района. На ней непонятные значки, написанные аккуратным мелким почерком. Он повернулся к Матвееву и сказал:

– Вас совершенно незаслуженно оскорбили от моего имени, и хотя не я это сделал, я приношу вам свои извинения и прошу меня простить! – и протянул Дмитрию руку.

Дмитрий подал руку и сказал:

– Извинения принимаются, товарищ армейский комиссар, но совершенно невинно пострадал еще один человек. Поэтому простить смогу только тогда, когда увижу Десфину Илиади в ее домике в Сары-Гель, где она выхаживала меня после ранений в бою у Ближних Камышей.

– Мне об этом никто ничего не сказал. Я посмотрю, что можно сделать. А почему вы карту Сак смотрите? Не все мне сказали? Есть возможность достать Манштейна?

– Проверял сам себя. Нет, возможности его достать в этом месте действительно нет. Разрешите? – Мехлис дал пройти Дмитрию к карте. – Я нанес обстановку по вот этим аэрофото-снимкам и по той информации, которую принесла товарищ Анна. Рассчитал скорости движения при атаках с трех разных сторон. Минимальное время сближения с противником – при атаке через дамбу, но она простреливается насквозь вот с этого берега, и все равно у Манштейна фора почти тринадцать минут. А дамба может быть заминирована. Вот, смотрите, ни на одном из снимков на ней не видно ни людей, ни машин. Так что задание невыполнимо. Но как только войска возьмут Старый Лез, он оттуда уедет. И скорее всего, это будет Кировское, Черноморского района.

Дмитрий достал из-под карты другую карту.

– Скорее всего, поселится он возле вот этих вот домов, – Матвеев ткнул в здания совхозного дома культуры и школы. – Мне кажется, что вот здесь.

– Почему?

– Он всегда селится в домах с садом.

– М-да, а ты – психолог! – улыбнулся комиссар, хлопнул Дмитрия по плечу и вышел из комнаты.

Через десять дней Манштейн поселился в доме директора школы поселка Кировский. Как только он вошел в дом, проверенный саперами 11-й армии несколько раз с миноискателями, собаками и тому подобное, домик взлетел на воздух. «Утерянные победы» остались ненаписанными. Аня, а это была ее работа, отстреливалась до последнего патрона и застрелилась. Одиннадцатая армия сдалась 16 марта 1942 года.

В тот день Дмитрий поседел. После совещания в Феодосии, он проехал через Сары-Гель и увидел свет керосиновой лампы в окошке. Десфина выскочила опять босиком на сырую землю. Ночью она сказала, что у них будет ребенок.

– Вот и хорошо, Фина! Пусть будет! Вот только меня переводят под Барвенково. Но это будет завтра!

Глава 2

«Паровозик» из Барвенково

Сначала о том, как Дмитрий поседел. Сидели под Евпаторией, в блиндаже, принимали сигналы от радиостанции в Кировском. Манштейн осматривает те дома, которые не минированы. В три заминированных дома с садиком не идет. А там все готово! Над позицией сильный воздушный бой. Немцы пытаются сорвать штурм Евпатории всеми доступными методами. Неожиданно раздается грохот, сквозь три наката пробивается стокилограммовая бомба с замедлением и втыкается в середину стола, стол в клочья, бомба в грунт, а старшина 1-й статьи Мальцев от неожиданности кидает шерстяные перчатки, которые попадают в кольцо стабилизатора. Инерциальная вертушка, дающая замедление, зажевывает его перчатки и останавливается. Несколько секунд управление роты смотрит на бомбу, потом все вылетает наружу, валяется на землю и ждет взрыва. Тишина. Все начинают отползать от блиндажа. Проходит минуты три, и бомба взрывается. Никого не убило. Ржали все долго, а потом подарили Дмитрию клочок его седых волос. Почти сразу после этого пришло сообщение, что подрыв осуществлен, затем что радист и Анна приняли бой. Старинов запретил сопровождать группу, и был совсем рядом – на КП 177-го полка. Радист работал минут семь, потом со связи ушел. Было понятно, что это все. Чуть позже Дмитрия вызвали в Симферополь, где на Советской площади в доме бывшей городской Управы, состоялся Военный совет фронта. На нем объявили, что командующий фронтом генерал-лейтенант Дмитрий Тимофеевич Козлов разжалован и снят с командования фронтом, исполняющим обязанности назначен генерал-лейтенант Батов. Его заместителем и командующим 44-й армией назначен генерал Львов, совмещающий эти две должности. ЧВС остается Мехлис. Дмитрий впервые участвовал в совещаниях такого уровня. Он очень стеснялся своих нашивок, тем более что остальные участники были в званиях от полковника и выше. Но его несколько раз хвалили, и в конце концов заставили выступить на совещании. Правда, перед этим, в перерыве, на него насели несколько полковых и дивизионных комиссаров и заставили выучить текст выступления. Дмитрий демонстративно прочел его по бумажке, от а до я! Собственно, его держали на совещании, чтобы наградить в присутствии. Наградили. Похвалили. И выпроводили в буфет – обмывать ордена и медали вместе с такими же окопниками, кто не решал судьбу фронта. В буфете последовал вопрос полкового комиссара Черняева, из 44-й армии:

– Я видел вашу роту на марше в Карасу-Базаре. У вас нештатное вооружение: пулеметы ДТ и МГ-34, снайперские винтовки трех модификаций и автоматы ППД, снятые с вооружения. Другого вооружения я у вас не видел. На каком основании вы используете такое вооружение?

– Товарищ генерал-майор, помимо того, что вы видели, в оружейке роты находится вооружение пулеметной, снайперской и штурмовой роты вермахта; кроме того, роты фельд-жандармерии и СС. Но все сразу не поднять. Вооружаемся в зависимости от задачи. И обмундировываемся тоже. Рота выполняет специальные задачи. При подготовке к операции приходится учитывать в том числе и уставы противника. В какое время вы видели роту? И я смогу сказать, почему она была вооружена именно так.

– Да и так понятно! Нам ведь никто не дает такой возможности! – ответил капитан Храпов, комроты из 177-го полка. – Нас заставляют сдавать трофейное оружие.

– Тимофей, приказ не дает тебе возможности получать боеприпасы на трофеи со складов боепитания, и все. На меня он тоже распространяется.

– Точно?

– Абсолютно, поэтому я использую только то, что захватил во время наступления или притащил с выходов. Единственное исключение – если работаем с ГРУ ГШ. В этом случае получаем в полном объеме. Так что не надо ля-ля!

- Ну, хорошо, уговорил! Все равно, тебя флот снабжает значительно лучше, чем нас.
- Хочешь посмеяться?
- Ну, давай!
- Форму на мне видишь?
- Вижу, хорошо одели.

– Моя собственная, приобрел на складах 51-й армии, частью трофейная. Наш штаб и склады в Емрюке. Я там с 1-го декабря не был!

- Вот о чем я и говорю! Все на нас ездят! – сказал комроты разведки 236-й дивизии.

На этом спор прервался, так как на сцену вышла Изабелла Юрьева, и зал разразился аплодисментами. Зазвучал «Синий платочек», потом «Сердце мое», затем «Я так любила вас». Зал активно поддерживал певицу: мало того, что кроме пулеметных очередей, давно ничего не слышали, так и местные девицы ходят в зипунах и грязных кирзачах, а тут что-то воздушное и небесное. Дослушать Дмитрию не дали: уволокли на совещание. Собственно, оно уже закончилось, в комнате на третьем этаже остались только посвященные.

– Садись, слушай. Есть данные, что справа от нас сосредоточились тридцать пехотных и шесть танковых дивизий. Задача – Баку, – сказал Батов.

– Товарищ генерал-лейтенант! Силы противника раза в три преувеличены. Там их даже поместить негде, плюс они бы нас уже атаковали. А так к нам ломится только одна 22-я дивизия.

– Лейтенант! Сведения предоставлены нашей стратегической разведкой. Проверены и переданы нам из Москвы, – достаточно резко сказал Мехлис.

– Лев Захарович, – обратился к нему Павел Иванович, – у нас с товарищем Матвеевым такая форма совещания: вопросы и сомнения говорим сразу, но не всегда их сразу освещаем. Таким образом мы очерчиваем круг задач и вопросов, на которые у меня нет ответов. Ну, а насчет сведений разведки, они всегда нуждаются в перепроверке, в том числе и те сведения, которые принесет Дмитрий.

- Хорошо-хорошо, не буду больше вмешиваться, Павел Иванович!

«Блин! Сама любезность! Точно что-то не так!» – подумал Дмитрий.

В результате переговоров пришли к мнению, что немцы разводят нас, демонстрируя большие силы, чем имеют. Единственная темная лошадка – 6-я армия Рейхенау, которая куда-то спряталась. Последний раз светила под Ржевом в феврале. Ходили упорные слухи, что ее командующего уже нет: то ли сняли, то ли заболел, то ли погиб.

– Начинать придется с севера, Дмитрий, и больше месяца дать не могу. Нужна расстановка сил на участке от Днепропетровска до Таганрога. Сил и средств у тебя маловато, поэтому я дал задание Бархоткину пополнить роту и довести ее численность до батальона. Это будет отдельный разведбат фронта. Но ты сам этим вопросом не сильно заморачивайся. Твоя работа там, за линией фронта. Командировку тебе выпишем сегодня. Завтра и езжай. И поторопись. Ставка настаивает на начале мая. Успеешь?

- Не знаю, Павел Иванович. Пока – не знаю.

– Самолеты мы вам выделим! – добавил Мехлис.

– Требуется согласовать с Горшковым, товарищ генерал. Я его сегодня здесь не видел, – косвенно задал вопрос Дмитрий Батову.

- Он в Феодосии, готовит совещание, тебе тоже надо быть!

– Может, лучше в роте порядок навести?

Батов показал ему кулак.

– Шибко ты разговорчивый стал, лейтенант Матвеев! Укороти свой язык! После совещания представлю тебя новому командующему 51-й.

– А начальства-то развелось! Просто не продохнуть! – съерничал Дмитрий, тут же получив тумак от Батова. Генерал был молодым и крепким. Служить он начинал в разведке, еще в Первую мировую. Матвеев сделал серьезную мину и попросил разрешения ехать в Феодосию.

– Езжай, послезавтра быть в Ичке, с группами.

– Есть, товарищ генерал.

– Скажешь Октябрьскому, что мы будем завтра в 16:00, – добавил Мехлис.

Дорога в Феодосию представляла из себя грязную лужу посреди степи. Лишь в горах она становилась чуть более проходимой, но добавлялись дополнительные воронки от снарядов. Еще недавно здесь шли сильные бои. Пятеро бойцов с радиостанцией тряслись в кузове. «Додж» хоть и считался полулегковой машиной, но был начисто лишен какой-либо амортизации. Водители чуть приспускали колеса, чтобы не отбивать задницу. Впрочем, эта модель, одна из первых, имела централизованную подкачку колес, правда, не на всех машинах. Грязь и вода часто летели через весь корпус, но жаловаться было некому! На совещание Дмитрий опоздал, поэтому пришлось отираться в коридоре до перерыва. Бархоткин отчитал его, но потащил в столовую и покормил. Флотских талонов у Димы не было. Весело прожевывая пищу, Александр Сергеевич ставил перед ним схожие задачи, о которых говорили Батов и Мехлис, но разворачивал его на то, что Матвеев должен обеспечить, в том числе, и проход флотилии в Днепровский лиман.

– Вернусь из Барвенково, схожу, товарищ капель.

– Только попробуй не вернуться! – и опять ему достался тумак по плечу. Судя по всему, и Батов, и Бархоткин знали что-то о ситуации под Барвенковым и Лозовой, но предпочитали пока молчать. Совещание закончилось затемно, бойцов он отправил давно в роту на попутке. Секретных документов с собой не было. Те записи, которые вел на совещаниях, он сдал в секретный отдел. По дороге в Ислям-Терек Дмитрий и решил сделать крюк и заглянуть в Сары-Гель. Забор без хозяйки кто-то слегка завалил. Увидев свет в окошке, он подумал, что в дом кого-то подселили или кто-то его захватил, и был готов качать права. Постучав в окошко, он неожиданно увидел лицо Десфины, а через несколько секунд ее тонкие руки обхватили его шею, а губы жадно искали его губы. По щекам обоих текли слезы и капли начавшегося дождя. Хорошо, что в вещмешке были продукты, в том числе и вкусные, из Симферополя. И большая банка черной икры, которую выдали в Феодосии участникам совещания. Икра была местного производства. Флот передал немного топлива и предоставил ремонтные доки для рыбколхоза. До войны этим колхозом руководил муж Десфины. Кроме икры выдали по килограмму копченой белуги. Вообще-то, на войне всегда голодно и спать хочется. Обычно слегка протекают сапоги, надо следить за руками, особенно в районе ногтей, потому как это место склонно к воспалениям. Поэтому такие маленькие радости и подарки были приятны и необходимы людям, вырвавшимся на некоторое время из этого ада: когда тебя трясет от избытка адреналина, когда с неба льется сплошным потоком холодный дождь, а ты не имеешь права укрыться от него, когда по восемнадцать часов приходится лежать на снайперской позиции, не имея возможности даже пошевелиться. Война – очень грязное дело.

Десфина сразу затопила баню, которая сильно отличалась от русской. Это «турецкая», точнее, греческая баня. Турки – кочевники, бань у них не было до тех пор, пока они не захватили Византию. Черноморский вариант сильно уступает баням Константинополя и современного Стамбула по размерам сооружений, но хранит в себе ароматы тысячелетий! Десфина колдовала с маслами и настояками, Диму разморило в донельзя горячей бане, но уснуть ему не дали! Чашка крепкого кофе после бани вкупе с очень энергичным массажем – и путь к обоюдному блаженству был открыт. Уже после Десфина немного рассказала о своих злоключениях. Она находилась два месяца в пересыльном лагере в Краснодарском крае. Перед самой посадкой в эшелон этапа ее сняли с поезда. Накормили. Отвели в баню. Переодели, потому что она порядком истрепала свою одежду за это время. Посадили на катер, идущий в Керчь, оттуда

на машине привезли домой. Единственное, что ей сказали: вскрылись новые обстоятельства, и постановление по ее делу отменено. Она приехала три дня назад. Дмитрий должен был получить ее письма, написанные и отправленные сразу по приезду. До этого переписка была запрещена. Десфина еще была слаба: она здорово похудела за это время.

– Кормили очень плохо, хотя умереть с голоду было невозможно, но есть хотелось постоянно. Контингент разный, в основном семьи полицаев и предателей, но есть и нормальные люди, оказавшиеся в сложной ситуации. Из подпольщиков Феодосии, тех, кого я знаю, было двое. Один из них – зам. головы управы. Его связник погиб, и он поехал в ссылку. Некому доказать, что он работал на нас. Как этого добиться?

– Не знаю, Фина. Сложно все это. Завтра, если успеем, сменим тебе фамилию, и ты оформишь все документы на новую. Ты же в управе не работала?

– Нет. Я руководила артелью рыбаков.

– Случайно не той, которая нам рыбу подарила?

– Какую?

– Ну, ту, что я принес!

– Я еще не видела!

– Посмотри!

– Странно! Феодосия, но я этого названия не знаю. Бог с ним! А икра сделана плохо! Пересолена! И сахар надо добавлять!

– Его же добыть или получить надо!

– Ты знаешь, Дима, для меня главное, чтобы ты вернулся, все остальное я сделаю. И еще, Дмитрий, нас стало трое. Я...

Дима закрыл ее губы поцелуем. Он не мог ей пообещать, что вернется, и если вернется, то в каком состоянии. Улицы города были наполнены безрукими и безногими инвалидами. Особенно неприятно выглядели обгорелые летчики и танкисты. Он ушел от этого ответа. О том, что он – разведчик, Десфина не знала.

Утром их разбудил грохот противнейшего звонка будильника. Требовалось успеть в отдел ЗАГС и на аэродром. Быстро позавтракав, они выехали в направлении центра поселка. В ЗАГСе возникли некоторые сложности: отсутствовала справка о смерти мужа Десфины. Бюрократия, она бессмертна, в отличие от людей. Дама с красными усталыми глазами монотонно объясняла Десфине, что это была ее обязанность зафиксировать смерть мужа и ребенка. Уговоры, что Десфина до самой оккупации надеялась, что оба вернутся, были напрасны. А потом ЗАГС не работал. Дмитрий не выдержал, попросил невесту выйти, дескать, надо переговорить с глазу на глаз с заведующей. После этого заведующая и выдала ему целую тираду о том, что это все потому, что есть указание на выселение всех греков, а эти подлейшие бабы меняют фамилии, чтобы избежать выселения!

– А ты где была, когда здесь были немцы?

– В Новороссийске.

– А она здесь, и меня после ранения выхаживала. Мне через полчаса надо быть в Ислям-Тереке.

– Ну, тем более! Вернетесь, и я вас зарегистрирую!

– Сучка! – Дмитрий хлопнул дверью. Многие дома были разрушены, и жители надеялись, что благодаря выселению улучшат свои жилищные условия. Десфина расстроилась и попросила Диму оставить эту затею и ехать по своим делам.

– Слушай, Фина! Прекрати, садись, поехали! – он дал по газам и понесся к штабу армии. Сам штаб уже перебирался в Симферополь, но строевой отдел еще находился здесь. Полковник Строгачев был на месте.

– А, лейтенант Матвеев! Дай взглянуть! – пришлось расстегивать полушубок и демонстрировать новенькую золотую звездочку и орден Ленина.

- М-да! Растут люди! – удовлетворенно крикнул полковник. – Что хотел?
- Зарегистрировать брак с гражданкой Илиади. Вот ее паспорт.
- А сама где?
- В машине возле штаба, пропуск нужен.
- Пойдем, проведу.

Процедуру полковник не очень хорошо помнил, поэтому сразу сказал, что повторять дурацкие вопросы не будет, позвал двух свидетелей расписаться, и выдал справку Десфине, что она действительно является женой лейтенанта Матвеева, при регистрации брака взяла фамилию мужа. Брак зарегистрирован при воинской части 65390. Справка подлежит обмену на свидетельство о браке. Быстро и без проволочек!

- Горько! – даже водка нашлась!

Попросив кого-то довести жену домой, Дмитрий понесся в роту. Успел до того, как рота начала грузиться в машины на аэродром. Разумовский доложил, что рота к посадке готова.

– Сажай людей, сам ко мне! Все погрузили? – спросил он лейтенанта, после того как тот сел в машину.

– Так точно! А что задержались? Вы же сказали, что будете вечером? Мы уже волноваться начали.

- Десфина вернулась, и мы поженились.
- Во даете! Когда?
- Только что! Все потом!

Они двинулись за колонной. Через полчаса началась погрузка на ПС-84, десять бортов которых ждало их в Ичке. Вкруговую, с одной посадкой, добрались до Воронежа, где находился штаб Юго-Западного фронта. Тимошенко, которому Матвеев передал пакет от Батова и Мехлиса, недовольно посмотрел на него:

- Собственно говоря, я не понимаю, зачем ты сюда прилетел.
- Мне приказали, товарищ маршал.
- Н-да, серьезная аргументация. Чего там Захарыч чудит? Ну-ка, Ильин, позови Никиту. Вошел маленького роста лысоватый бригадный комиссар.

– Слышь, Никита, что Захарыч учудил! Прислал к нам свою разведку, дескать, сведения о концентрации в Ростовской области тридцати дивизий ошибочны. То есть он не верит данным ГРУ, ПУР и стратегической разведки. Прислал сопливого лейтенанта проверить. Представляешь?

– Я знаю. Я разговаривал с Хозяином. Товарищ Мех-лис и его сумел убедить в необходимости такой проверки. Так что, Семен Константинович, придется исполнять.

- А приказ об этом есть?
- Есть, вот он. Подписан *самим*!
- А почему он не у меня на столе?
- Пришел циркуляром по ГПУ.

Маршал набылчился и зашагал по кабинету резкими шагами. Затем подошел к вешалке, сдернул полушубок, нахлобучил папаху.

– Давай, лейтенант! Показывай свое воинство! – и, резко распахнув дверь, вышел из комнаты. Матвеев пошел за ним, обогнал и открыл перед ним дверь, придерживая ее снаружи.

– Ну, хоть службу знаешь! – недовольным голосом пробурчал маршал. Следом за ними почти бежал бригадный комиссар. Увидев роту, маршал аж побелел, перед ним стояла «немецкая» рота: маскхалаты – немецкие, оружие – тоже.

- Это что за балаган?

– Первая рота отдельного разведывательного батальона Крымского фронта, товарищ маршал. Пятьдесят процентов личного состава – поволжские немцы, добровольцы из Саратова.

В совершенстве знают язык, обучены в спецшколе ГРУ, имеют опыт боевых разведывающих выходов на Крымском фронте. Эта рота взорвала штаб 11-й армии. Весь личный состав роты – орденосцы.

– Хм, – фыркнул маршал. Он показал пальцем на одного из бойцов, и приказал: – Ко мне!

– Краснофлотец Штерн! – представился подбежавший радист второго взвода.

– Ну-ка, поймай мне Берлин!

Сдернув рацию из-за спины, Володя быстро поймал Deutscher Rundfunk.

– Берлин, товарищ маршал.

– Переводи!

– «Несмотря на некоторые успехи действий русских войск на Южном фронте, наш победоносный вермахт продолжает успешно отражать яростные и бесполезные атаки врага под Петербургом, где в боях уничтожено пять русских дивизий...»

– Достаточно! Хватит слушать это вранье. Товарищ бригадный комиссар, займитесь размещением и покормите бойцов. А ты, лейтенант, за мной. Давно воюешь?

– Вторую войну.

– И все лейтенант?

– Мне недавно присвоили, в конце декабря.

– А на Финской где был?

– Пятнадцатый отдельный артдивизион Балтфлота, товарищ маршал. Артиллерийская разведка.

– Понятно, проходи.

Дмитрий снял полушубок, повесил его на вешалку. Семен Константинович накрыл карту вторым листом, скрыв тыловую часть расположения войск, и пригласил Дмитрия к столу.

– В отличие от вас, фронт у нас большой: четыре армии. Вот смотри. От Курска до Харькова. Напротив стоит армия Вейхса, в составе 6-го и 55-го корпусов. Семь дивизий. Больше моя разведка никого на участке не обнаружила. Южнее стоит 17-я армия Гота, стык армий в районе Сум. От двух до четырех корпусов. От семи до одиннадцати дивизий. Еще южнее стоит первая танковая армия Клейста, но это уже сектор Южного фронта. В январе на правом фланге появился Рейхенау, затем его части были отмечены под Ржевом. Здесь он не появлялся. Считаю, что Ставка правильно определила, что его переместили ближе к вам – в Ростовскую область и под Мелитополь. Дела у немца в Крыму были плохи. Скорее всего, он там.

– Разрешите, товарищ маршал.

– Давай!

– Характер боев на Перекопском направлении отчетливо говорит о том, что свежих войск у противника там не появилось. После капитуляции 11-й армии даже боев местного значения нет. Мы ходили на глубину до ста километров, до Днепра доходили. Там войск, кроме 22-й дивизии, нет. Немцы перевооружили ее, сделав танковой, но они считают, что этих сил и средств хватит, чтобы удержать нас на Перекопе и Чонгаре. В некотором смысле они правы: место для наступления совсем неудачное. Но на аэродромы в Херсонской области начал прибывать 8-й авиационный корпус. Так что в покое нас не оставят, попытаются выбомбить наши войска, как они сделали это прошлой осенью. До захвата плацдарма в Крыму, немцы не станут перебрасывать сюда крупных сил. Так что наиболее вероятен совершенно другой вариант развития ситуации. Им здорово мешает Барвенковский выступ и Днепр. Загонять в почти готовый мешок войска они не станут, товарищ маршал. Ведь удар на Днепропетровск в этой ситуации напрашивается сам собой.

– Угу, но мы имеем несколько другие указания Ставки. Ты же с флота? А что флот планирует?

– Мне даны указания: произвести разведку Бугско-Днепровского лимана. Остальное мне не известно.

– Понятненько-понятненько! Не даст немец этого сделать! Поэтому он туда авиацию и перебрасывает!

– Судя по всему, не только он. Части 44-й армии привлечены к восстановлению всех аэродромов Крыма. Приходят новые самолеты американского производства.

– Вот это хорошо! Так каким образом собрался действовать? Немец у нас сильно закрепился. Разведка работает с большим трудом. Имеем большие потери.

– Самолетами забросим три группы прошупать рокадную дорогу Льгов – Суджа, затем переместимся южнее в район Перещепино – Красноград, потом район Орехово и Токмака. Всего будет задействовано двенадцать групп. Остальные на подстраховке и восполнении потерь.

Маршал покачивал головой и отмечал места на карте.

– Толково. И сразу рокадки шупаешь. Так далеко мои не ходили. Жандармов много. Когда начнешь?

– Ночью. Меня очень просили поторопиться с данными.

В этот момент в дверь постучали, и вошел Хрущев.

– Разрешите, Семен Константинович?

Маршал прикрыл карту, чуть оттолкнулся от стола и выпрямился.

– Заходи-заходи, Никита. А не такое уж и глупое предложение сделал Лев Захарович. Посмотрим, как масть ляжет, но есть возможность словить фон Бока на мизере и прицепить ему «паровозик»!

Дмитрий тоже отошел от стола и пошел вслед за маршалом.

– Ух, ты! – воскликнул бригадный комиссар, взглянув на грудь Матвеева. – За что?

– В Указе написано, что за все сразу, товарищ бригадный комиссар.

– Как написано? Ты что ж, не понимаешь, что от того, как написано, все и зависит?

– За разработку и осуществление ряда разведдиверсионных операций, обеспечивших успех Крымского фронта по разгрому 11-й немецкой армии в Крыму.

– Вот это формулировочка! У лейтенанта!!! – воскликнул Никита Сергеевич, обращаясь к Тимошенко. Тот покачал головой, соглашаясь с Никитой, но добавил:

– Поплавок видишь? Высшее военное образование! Голова у него работает, я проверил! Так что готовь приказ по фронту: оказывать полное содействие, Никита! Чего-зашел-то?

– Доложить, что дал указания разместить роту ближе к аэродрому и поставить на все виды довольствия по летной норме, с фронтовыми, как указано в приказе Ставки.

– Добро! Готовь бумаги. А мы продолжим. Ильин! Вызови начальника разведки!

Еще несколько часов уточняли данные по районам высадки, сгоняли туда «разведчиков» за свежими аэрофотоснимками. Один из них не вернулся, остался закрытым район возле Конопта. Затем специалисты из ГРУ готовили для них документы и легенды. Первые три группы ушли глубокой ночью в полет. По заявлениям летчиков, выброска прошла удачно. Оставалось дожидаться сеансов связи. Одна из групп вышла на связь с опозданием на три часа: отрывались от противника. Начали готовить резервную группу для этого района, но все три группы продолжили работу в заданных районах. Наблюдение за противником ничего не дало, поэтому было дано указание: захватить и допросить языка. Язык из Новой Слободы дал информацию, что видел автомашины и танки с желтой вздыбленной лошастью на кабинах и башнях, но сейчас этого знака на тех же машинах нет. Машины – те же, водители – те же, а знака 6-й армии не стало. Обер-лейтенант фельджандармерии, захваченный другой группой, сказал, что командующий армией сейчас Паулюс, бывший командир одного из корпусов. Базируются западнее Харькова и представляют собой резерв фон Бока. К линии фронта их не подпускают. На станциях накапливается подвижной состав на случай переброски резерва. Третья группа на связь

не вышла. Дмитрий дал команду группам отходить и выходить к своим. С двумя РДО он пошел к командующему. Несмотря на глубокую ночь, тот не спал.

- А, разведка! Заходи! Тоже не спится?
- Есть сведения из районов Новая Слобода и Сужда. Вот дешифровка, товарищ маршал.
- Молодцом! А чего невеселый такой? Устал?
- Одна из групп на связь не вышла.
- Необходимо установить численный состав армии, сынок. Действуй! А насчет группы...

Не хорони людей раньше времени, лейтенант.

- Прошу разрешения перебазироваться южнее, здесь при разведотделе оставляю радиста.
- Пока работаешь на моем фронте, докладывать мне лично! Самолеты у тебя есть. Никакой радиосвязи! Понял?

– Да, товарищ маршал.

– Ну, ступай, а мне надо доложить о твоих делах! – он снял трубку ВЧ.

– Товарища Васильева! – услышал, уходя, Дмитрий. Доклад пошел в Ставку. Дмитрий сел в приданный автомобиль и поехал на аэродром, оттуда рота вылетела в Купянск.

Типичный южнорусский городок, расположенный на холмах. Самое высокое место – Никольский собор, в котором расположился штаб 57-й армии Южного фронта, которой командовал генерал-лейтенант Подлас. Генерал немного косил на левый глаз, имел «ворошиловские» усы, носил полушубок и папаху, как Тимошенко. Пятьдесят седьмая армия в сорок первом была резервной у Тимошенко. Именно она отбила Ростов 28 ноября 1941 года, но командовал ею тогда генерал-лейтенант Рябышев. Подлас командует этой армией второй месяц. В штабе вечный переполох, разносы по делу и нет. Короткую передышку, на время сильнейшей распутицы, используют для пополнения частей. Зимнее наступление армия провела довольно успешно, но потом запуталась в сложных инженерных сооружениях немцев. Немцы применяли здесь развитую систему опорных пунктов, с огневыми мешками между ними.

При попытках их обхода, пропускали части в огневой мешок, а затем уничтожали. К таким действиям армия оказалась не сильно готовой, поэтому задачу – выйти к Днепропетровску – она и ее соседка, 9-я армия, выполнить не смогли. Увязли в боях, выбивая немцев с господствующих высот. Фронт от Купянска совсем близко, с колокольни его отлично видно. Рота расположилась на аэродроме Ковшаровка, в пяти километрах от Купянска. Ночью с пяти бортов выбросили шесть групп.

А Дмитрий с третьим взводом выехали в Лозовую через Изюм. Железная дорога работала только до станции Красный Лиман, Славянск был занят немцами. Освободить его 9-я армия не смогла и отошла за Донец. На севере фронт проходил между Балаклеей и Савинцами.

Выдвинутый вперед «язык» Барвенковского выступа был длиной больше ста километров, а шириной – семьдесят три километра в самой узкой части. На плацдарме было две дороги: одна рокадная, в самом начале между городами Изюм и Славянском, и директриса Изюм – Красноград по северной границе плацдарма. Остальная территория превратилась в сплошные плавни из-за разлива многочисленных рек, заполненные водой оврагов, и жирного, пропитанного водой, чернозема, по которому не могла пройти никакая техника. Шоссе находилось под постоянным обстрелом немцами, которые активно применяли авиацию для регулярных бомбежек шоссе. Весь март противник контратаковал 57-ю и 9-ю армию. Двенадцатого марта противник предпринял сильную атаку, овладел Анна-Николаевкой, Елизаветовкой, Фидлерово и создал угрозу левому флангу 57-й армии. Трое суток непрерывных боев позволили восстановить положение, а тут ставка потребовала изменить направление ударов: в качестве ближайших целей были названы Краматорск и Первомайка. То есть последовала попытка начать расширение плацдарма вправо и влево, с целью окружить Славянскую и Балаклейскую группировки одновременно. Для этого в бой введена 6-я армия, начавшая перегруппировку еще в начале марта. Но должного успеха это не принесло: дивизии вводили в бой «с колес», и кроме потерь,

это ничего не дало. Шестнадцатого марта противник прекратил контрнаступление. Наступило затишье. Каждая сторона использовала его по-своему. На территорию плацдарма стремительно накатывалась весна, ухудшая и без того сложное положение со снабжением войск.

Ехали на выдавших виды полуторках, которые каждые несколько километров приходилось на руках выталкивать из очередного оврага. Восемьдесят километров ехали девять часов. В Лозовой, конечной части маршрута, взвод разделился. Одна группа следующей ночью перешла линию фронта и продвигалась в сторону Днепропетровска, вторая направилась в сторону Сталино. Обеим группам дано задание: нарушить железнодорожное сообщение на перегоне Днепропетровск – Сталино. Еще две группы отправились из Купянска под Орехов и под Черниговку. Их целями были железнодорожные мосты через Конку и Токмачку. Они должны были подготовить площадки для приема диверсионных групп. Убедившись, что группы прошли через фронт, Дмитрий выехал назад в Купянск. Там его ждало сообщение, что заработала радиостанция группы, работавшей под Сумами. Она вышла на связь из-под Харькова. Командир группы старшина 1-й статьи Мальцев и радист Штерн побывали в Харькове. Штерн под видом чиновника Остканцелярии из Полтавы, а командир в виде полицейского. Захваченный ими по команде язык, имел на руках командировочное удостоверение в Харьков. Мальцев передал состав 6-й армии Паулюса: семь корпусов, один из них танковый, в составе семнадцать дивизий. Имея такие сведения, не стыдно и перед Тимошенко предстать. Через два часа он был уже в Воронеже.

– Выходит, что немцы дурочку валяли, разрешая нашим войскам сидеть под Барвенковым? И, имея такие резервы, не атаковали? Быть такого не может! Врет твой Мальцев!

– Нет, товарищ маршал! Немцы пополняли армию Паулюса все это время. Вот же написано слово: «переформирование». Не готова была армия Паулюса наступать.

– Ладно, что на других участках?

– Вот, товарищ маршал, карта. То, что удалось выяснить по глубоким тылам немцев.

Наиболее плотно немцы стояли в районе Нововодолаги, куда сходились три важнейшие железные дороги. Тимошенко с грохотом стукнул по столу:

– Вот сволочь! Долбаный фон Бок! Ждет он нас! Ладно, лейтенант, иди! Молодец! Задание ты выполнил! Дуй отсюда, к чертовой бабушке, на свой Крымский фронт. Передай частоты групп, которые находятся за линией, полковнику Серову. По мере выхода будем отправлять к вам обратно.

Выйдя от начальства, Матвеев выматерился. Роту он, считай, потерял, остался один взвод. Вот и делай добро людям! Двое суток собирались, потом вылетели на Ростов. Там Матвееву приказали задержаться, а второй взвод полетел дальше. На аэродроме встретил через сутки Батова, Горшкова и Октябрьского. Горшков сказал ему, что сегодня состоится заседание военного совета юго-западного направления, и поздравил его со званием старший лейтенант.

– Если так пойдет, то скоро меня обгонишь! – улыбнулся командующий флотилией.

– Спасибо, товарищ контр-адмирал! А я-то зачем нужен на совещании?

– Страна должна знать своих героев! В приказе по направлению фигурирует твоя фамилия. Тимошенко приказал.

Совещание собралось в здании Ростовского Совета. На нем присутствовали командующие пяти фронтов: Брянского, Юго-Западного, Южного, Закавказского и Крымского, а также командующие Черноморским флотом и Азовской флотилии. Члены Военных советов этих фронтов и начальники разведки. Выступления начал Тимошенко, и оно было разгромным для всех фронтов, кроме Крымского. Особенно досталось разведке, которая пропустила сосредоточение и переформирование 6-й армии немцев, под носом у всех. В результате были напрасно потрачены людские и материальные ресурсы. А над южным направлением нависла угроза нового немецкого наступления, в то время как сами просили дополнительно войска,

чтобы освободить левобережную Украину. Войска начали поступать, и тут выясняется, что они неправильно оценили потенциал противника!

– Как это понимать? И каким образом можно исправить сложившееся положение? Я про-
верил отчеты начальников разведки всех фронтов: разведка ведется на глубину от пяти до два-
дцати километров. Дальше стоит «густой туман войны»! Эта дистанция для командира полка
или дивизии, но никак не для командующего корпусом, армии или фронтом! Всех началь-
ников разведки всех фронтов и соединений я предупреждаю о неполном служебном соответ-
ствии, за исключением Крымского фронта и Азовской военной флотилии. В результате поте-
рян, отбитый с такими потерями, Белгород. С целью совершенствования способов и методов
организации этой работы, я предоставляю слово начальнику разведки АВФ майору Бархот-
кину, который поделится с товарищами теми наработками, которые сделаны им и полковником
Савватеевым, начальником разведки 51-й армии.

«Оригинально! – подумал Матвеев. – Что-то я не припомню, чтобы Савватеев что-нибудь
делал». Но фамилия прозвучала!

Александр Сергеевич выступал уверенно и аргументированно, что во время десанта на
Керченский полуостров, в момент, когда положение было предельно неясным, отделом раз-
ведки флотилии было принято решение об увеличении глубины операций, причем с проведе-
нием диверсионных действий против войск противника. Используя сложный рельеф местно-
сти и дополнительные силы из числа авиадесантных войск, разведка флота смогла задержать
продвижение резервов противника, заставила его сойти с шоссе и атаковать разрозненными
силами, тогда еще очень непрочную, оборону десанта. После первого успеха было принято
решение вместо разведзвода развернуть разведроту, куда, по согласованию с ГРУ ГШ, были
включены курсанты одной из школ ГРУ, хорошо подготовленные к боям и действиям в тылу
противника. Роту укомплектовали сверх штата немецкими радиостанциями, обмундирова-
нием и вооружением, значительно усилив ее боевой потенциал включением большого коли-
чества пулеметов немецкого производства. В роте их двадцать, не считая такого же количе-
ства пулеметов ДТ. Рота выполняла рейды по тылам противника на всю глубину полуострова,
высаживалась на Кинбурнскую косу, отдельные группы ходили до Херсона и Каховки. Многое
для роты сделал генерал-лейтенант Батов, лично следивший за работой разведчиков, который
превратил приданную ему роту в надежный инструмент работы армии и фронта. По результа-
там боев и проведенных операций, командир роты лейтенант Матвеев стал Героем Советского
Союза и командиром отдельного разведывательного батальона фронта. Дальше он углубился
в состав разведбата, который состоял из роты глубинной разведки, двух рот оперативно-так-
тической разведки, минометной роты, транспортной роты и роты танков, в составе которой
восемнадцать танков: восемь Т-34, восемь Рз-IV и два Т-60. Такой состав предусматривает
возможность проведения операций по разведке боем для вскрытия огневых точек обороны
противника. Матвеев удовлетворенно хмыкнул: все, о чем они разговаривали с Бархоткиным
и Батовым, было ими реализовано. Вот только первый взвод... Когда люди вернутся, и в каком
состоянии – неизвестно! Бархоткин закончил выступление. Тут с места Тимошенко и ска-
зал, что именно первая рота этого батальона вскрыла полную картину положения на Южном
участке фронта. Участие Матвеева в совещании было ограничено тем, что он встал, по при-
казу Тимошенко, и показал присутствующим, что он – реальный человек, а не «очередной миф
пропаганды»!

Назад летел вместе с «большим начальством», но в хвосте самолета. Батов и Мехлис
много переговаривались между собой и хохотали, но из-за рева двигателей было не слышно,
о чем они говорят. Сели в Аэрофлотском. Оттуда Бархоткин подвез Матвеева в Рейзендорф,
где и базировался батальон. Старший политрук Костин доложил, что происшествий не слу-
чилось, за исключением... и таинственно замолчал.

– Ну, что встал, докладывай! Что случилось!

– Пройдемте, товарищ командир! – Они вышли из штаба, немного прошли по улице, затем Володя показал на уютный небольшой домик. – Проходите, товарищ командир!

Дима вошел в сени через незапертую дверь, постучав, вошел в комнату. Из второй комнаты вышла Десфина! Она была в форме с нашивками старшины второй статьи.

– Как это? Ты почему здесь?

– А мой дом кто-то поджег. Но твои друзья, Александр Сергеевич и Строгачев, мне помогли. Теперь я служу в твоём батальоне военфельдшером, курсы я перед войной заканчивала. Ты не рад?

– Рад, милая, просто совершенно не ожидал тебя увидеть, и все время думал, как попасть в Сары-Гель. – Он обнял жену и поцеловал ее.

– У меня все готово, так что, товарищи командиры, прошу к столу! Проходите, Александр Сергеевич и Владимир Николаевич!

– Минуточку, Десфина Георгиевна, сейчас Архипцев подойдет, я за ним послал, – сказал Костин. Вошли оставшиеся бойцы того самого первого взвода: лейтенант Архипцев, старший краснофлотец Соня Красовская, старшина 1-й статьи Юра Головин и полная неожиданность – главный старшина Иннокентий Андрушко!

– Живой! – воскликнул Дима и обнял вернувшегося из госпиталя Кешу.

– Не полностью, Дмитрий Васильевич, врачи, вот, полкисти оттяпали. Так что... Назначен командиром хозяйственного взвода.

– Это ничего, Кеша, главное, живой, и вернулся.

– Я Александра Сергеевича в Емрюке поймал, меня ж комиссовать хотели. Но мы не просто так, мы по поводу!

– Проходите, проходите! – сказала Фина. Во второй, большой комнате стоял накрытый стол.

– Не понял, а у кого праздник? – спросил Дмитрий.

– Вот гад! Свадьбу зажилить хотел! – рассмеялся Бархоткин.

Дмитрий стукнул себя по лбу:

– Точно! А у меня с этими путешествиями это совсем из головы выпало! К столу, товарищи.

– Нет-нет-нет, Дмитрий Васильевич! – захлопала в ладошки Сонечка. – Мы подарки принесли!

Долго и церемонно вручали подарки, а потом закричали «Горько!» и обвязали молодых длинным рушником. Десфина смущенно улыбалась. Сидели довольно долго, затем раздался сильный гул моторов.

– Что это?

– Американцы взлетают. Пошли бомбить Плоешти и Германию. Сядут в Англии. Челночные рейсы, – ответил Бархоткин.

– Такие приставучие, просто слов нет! – добавила Соня, но покраснела.

– Что, Сонечка, никак роман закрутила?

– Ну, не роман, но ухаживают красиво! Умеют!

– Вот-вот! Из-за этого батальон будет передислоцирован в Биюк-онлар, приказ уже получен, Дмитрий Васильевич. Здесь организуется авиабаза особого назначения. Завтра и начнешь, но хватит о делах. Горько! – сказал Бархоткин.

Утром поспать не дали. Начались сборы, к обеду первая колонна ушла на Биюк-онлар. Расположили их в опустевшем поселке у аэродрома. Здесь базировался полк ПВО, но только часть техников и зенитчики, а летчики жили в Биюк-онларе, где было много опустевших домов:

несмотря на татарское название, село было русско-немецкое. До войны жило много еврейских семей. Немцев выселили наши, евреев расстреляли немцы. Многие сельчане находились в армии и в партизанском отряде, который не расформировывали, а использовали в

качестве отряда милиции, в том числе и для выселения татар из Крыма. На полуострове шла незаметная гражданская война: вспоминались старые обиды и новые злодеяния.

В городах и селах постоянно заседали суды и трибуналы.

Вешали тех, кто сотрудничал с немцами. По словам Десфины, сразу, как она переоформила документы на новую фамилию и переделала ордер на дом, ей аккуратно подпалили крышу. Соседи прибежали довольно быстро, дом погасили, но крышу надо было переделывать. Одной ей было не справиться, и она пошла к полковнику Строгачеву. Тот сходил в поссовет, внес Дмитрия в домовую книгу и предложил Десфине записаться добровольцем в армию.

В этом случае дом отремонтирует военкомат, его могут использовать для расквартирования военнослужащих, но по закону, он остается в собственности военнослужащих, находящихся на фронте. Так что, если они не погибнут, то вернутся туда после демобилизации. Для самой Десфины, это через пять месяцев. Дмитрий согласился, что это было правильным и своевременным решением. За полгода страсти чуть поутихнут, да и «служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии трудна и почетна» и гарантирует довольно большие права и привилегии.

Тимошенко не обманул! Бойцы роты, выходившие с той стороны, начали возвращаться в батальон. Пока вернулось одиннадцать человек, но и это что-то. Три дня дали на обустройство и организацию, затем вызвали в штаб фронта. На Тамани начала концентрироваться 18-я десантная армия генерала Камкова, часть которой ночами перебрасывается в Крым и концентрируется в районе Сиваша. Туда же переправляется большое количество лодок и плотов. А в Емрюке опять появились десантные средства Азовской флотилии, ранее располагавшиеся в Новороссийской бухте. В Симферополе собрались все командующие: Батов, новый командующий 51-й армией генерал-майор Шепетов, генерал-лейтенанты Львов и Камков, командующие Октябрьский, и Горшков. На совещании присутствовал Мехлис. Начальник разведки фронта Савватеев, майор Бархоткин с группой других начальников разведок стояли недалеко от кабинета командующего и что-то обсуждали, когда к ним подошел Дмитрий. Он доложил о прибытии. Савватеев стал расспрашивать его о том, как перебазировались и устроились. В общем, стал проявлять заботу и интерес, чего раньше никогда не делал. Видимо, последствия того совещания в Ростове. Дмитрий отвечал на вопросы, иногда бросая недоуменные взгляды на Бархоткина. Но тот почему-то помалкивал. Затем вышел адъютант командующего капитан Гаврилов и пригласил всех в кабинет. Вошли плотной толпой, встали по стойке смирно. Батов, по очереди, вызывал начальников разведки каждой из армий и разбирался с их картами и схемами. Стоять пришлось долго. У Дмитрия самого были только те данные, которые он привез из Воронежа. Батальон находился в стадии формирования и на фронте не работал. Из нового было только восемь радиogramм от восьми групп 1-й роты, сведения которых нанес на карту новый начальник штаба батальона Филатов. Командующий закончил опрос Савватеева и хотел перейти к другому вопросу, но поймав недоуменный взгляд Дмитрия, спросил:

– И у тебя что-то есть, Дмитрий Васильевич. Ты уже работать начал?

– Да мы вроде и не прекращали... – пробурчал Дмитрий, протискиваясь вперед к столу.

Он передал по очереди дешифровки сообщений, затем положил на стол карты.

– Сколько человек в первой роте?

– Тридцать пять на утро, к вечеру будет тридцать восемь. Вылетели в Ростов трое.

– Да-да, я читал. Хорошо, по поводу остального – позже.

– Есть! – Дмитрий прошел на место.

– Товарищи командиры! Ставка и штаб направления разработали новую задачу для нашего фронта, и мы приступили к проработке будущей наступательной операции. Ее выполнение во многом зависит от ваших активных действий и успехов ваших подчиненных. На совещании в Ростове маршал Тимошенко отметил успешные разведывательные действия на нашем фронте и пожелал вам таких же успехов в летней кампании. Николай Петрович, раз-

дайте пакеты начальникам разведок! – обратился он к начальнику штаба фронта. Тот быстро раздал пакеты и получил расписки.

– Вскрыть в расположении!

Дмитрий и Бархоткин пакетов не получили.

– Все свободны! Бархоткин и Матвеев – останьтесь! Прошу к столу!

Родинцев расстелил новую карту, на которой был росчерк Сталина. Дмитрий внимательно рассмотрел план операций.

– Задача фронта: совместно с Южным фронтом, не допустить маневра сил и средств 1-й танковой армии, завершить ее окружение и уничтожение под Таганрогом и в Донбассе. Наша задача – Очаков, Херсон и Запорожье, кроме того, отвлекающие десанты на Мариупольском направлении. На твоём батальоне, Дмитрий, самые сложные задачи: мосты через Днепр и Карачекрак в Васильевке. Шесть мостов, Дима. Очень серьезные инженерные сооружения. С соответствующей охраной.

– Много, товарищ генерал.

– Проработай задачу и завтра ко мне с предложениями. Вы, майор, тоже, по обеспечению этих операций! – сказал Батов Матвееву и Бархоткину. – И с вас обоих не снимается задача по обеспечению отвлекающих десантов, товарищи. Часть сил и средств выделите и на это! Но с этим позже, пока не определены точно точки высадки. Пусть армейские поработают вначале. Все, свободны!

Бархоткин и Дмитрий вышли от командующего в легком недоумении от поставленной задачи. С точки зрения стратегии, все верно! Немцы имеют под Харьковом сильную группировку, а чуть ниже – Барвенковский выступ. Срезать его можно только ударами с двух сторон. Понятно, что сверху будет давить Паулюс, а снизу может ударить только Клейст. В распоряжении Клейста вся насыщенная сеть железных дорог Донбасса. Он может, при необходимости, быстро и скрытно перебросить значительные силы к Славянску, который прочно и надежно удерживает. А вот наши армии на выступе, практически лишены дорог. Стоит им тронуться с места, как обязательно образуется пустота, по которой и пройдут танки Клейста. Сил и средств у Южного и Крымского фронтов хватает, но немцы бросили на весы 8-й авиакорпус Рихтгофена, который расположился в Таврии и начал свою работу. В небе над Таврией сошлись свежесформированная Четвертая воздушная армия и 8-й авиакорпус Люфтваффе. Здесь начала сказываться разность полученных задач: немцам требовалось выбомбить русских на Перекопе, поэтому они прислали сюда много JU-87D-1, новейшую модификацию «лапотника». А задача 4-й армии была сформулирована: «Не допустить бомбежек наших позиций», – поэтому в войска через Иран поступило более трехсот истребителей «Кобра Р-39» серий К и N, которые имели высотность равную или большую, чем «Штуки», мощную 37-мм пушку и большое количество пулеметов с большим боезапасом, позволявшим успешно бороться и с «лапотниками», и с «Мессершмитами» серии F. Кроме того, немцы считали, что им предстоит второй раз штурмовать Севастополь, поэтому они подтягивали Рихтгофену тяжелые тонные и полутонные бомбы.

Этим и решил воспользоваться Дмитрий. Он прибыл к командующему на следующий день, сказав, что выделил шесть групп по три бойца на выполнение задачи по уничтожению мостов.

– С ума сошел?

– Почему? Сил и средств достаточно! Их задача – заложить радиоуправляемый заряд в платформу с авиабомбами большого калибра, пометить платформу и вести наблюдение за ней, в момент прохождения платформой опоры моста, дать сигнал взрывателю. Отобраны только бойцы, хорошо знающие немецкий. Пойдут в форме и с документами люфтваффе. И нами подготовлен запасной вариант: в помощь основным группам будут высажены дополнительные

группы, задача которых – остановить поезд с авиабомбами на перегоне, совместив это с воздушным налетом на него. И заложить туда радиовзрыватель.

- Он ведь довольно большой.

- Не очень, примерно половинка кирпича. И замаскирован под кирпич. Кирпичами немцы крепят клетки с бомбами, чтобы не шатались на переездах и стрелках.

- Немцы усиленно охраняют станции.

- Совместим закладку с налетом на станцию.

Из Москвы и Ростова приехали специалисты готовить группы, полковник Старинов лично привез свои модернизированные мины. Появились американские радиостанции, поэтому размер мины удалось немного уменьшить. Теперь мина состояла из трех частей и собиралась вместе либо заранее, либо непосредственно перед закладкой. Была возможность заменить батарею, от которой многое зависело. Остальные спецы проверяли лексикон, готовили документы, обучали поведению в различных ситуациях, проверяли обмундирование и легенду каждого из забрасываемых бойцов. Дмитрий проводил первую группу на причале в Черноморске. Звено торпедных катеров выскользнуло из порта и полетело в ночь в направлении Одессы. Вторая группа ушла на подводной лодке, чтобы высадиться у Херсона. Партизаны отряда Куцевола под Никополем приняли три группы, выброшенные на парашютах в районе поселка Кирова, севернее Никополя. Партизаны обеспечили выход этих групп к Днепропетровску, Запорожью и в сам Никополь. Судя по проявленному интересу некоторых представителей из Москвы к четырем бойцам, их назад ждать не стоит. После выполнения задания «ждет их дорога дальняя и казенный дом». ГРУ, скорее всего, наложит на них лапу. Уж больно тщательно их готовили, и отдельно вручили им приказы. Но такова жизнь. Подойти к последнему мосту, в Васильевке, никакой возможности не было. Кругом степь, раскисшая и превратившаяся в болото, довольно высокая насыщенность территории войсками противника.

Воспользовавшись дождливой погодой, вторая и минометная роты высадились в Хорлах, предварительно создав управляемое минное поле на перешейке. В коротком ночном бою вырезали батарею береговой обороны и два взвода немцев, захватив восемь 88-мм орудий. Вокруг этого десанта и завертелась воздушная карусель: немцы, базировавшиеся под Херсоном и Каховкой, с грунтовых аэродромов, и наши, действовавшие с крымских аэродромов, заботливо заасфальтированных самими немцами еще осенью-зимой 41–42 года в целях подготовки к штурму Севастополя. Мост в Херсоне был взорван 13 апреля. Сдетонировало четырнадцать платформ с бомбами. От моста совсем мало что осталось. Немцы расстреляли полностью жителей села Приднепровское и раскатали его танками. В тот же день рванул мост в Каховке, рухнуло четыре пролета. Немцы перебросили гешвадер в Чернобаевку, на правый берег Днепра, а из Таврийска аж в Снегиревку, за восемьдесят километров, ближе ничего не нашлось. Снижение активности вражеской авиации немедленно отразилось на линии фронта: был высажен десант в Скадовске, Лазурном и Железном порту, а в далеких Трихатах и в Ингуле упало еще два моста. Шли повальные аресты железнодорожников, так как все движение на юге Украины оказалось парализованным. Две группы сработали великолепно, но продолжали функционировать мосты в Никополе, Запорожье и Днепропетровске. Немцы перебросили снабжение 1-й танковой через эти станции. Очень мешала Чернобаевка, и в одну из ночей двести «В-17» из Рейзендорфа уложили на нее весь свой груз, облегчились и пошли на Лондон.

Двадцать третьего апреля части 18-й десантной и 51-й армии ночью начали высаживаться на широком фронте от Генического до Железного порта, форсировав Сиваш и Каркинитский залив. С моря их поддерживал Черноморский флот и Азовская флотилия. Двадцать вторая дивизия немцев не смогла оказать серьезного сопротивления и начала отход, потеряв большую часть тяжелого вооружения. Степь была уже проходима для наших танков, а немецкие еще вязли в ней. На третий день боев части 18-й армии вышли к Днепру в районе Голой пристани,

а третья рота, усиленная 1-м авиадесантным полком ЧФ, перерезала единственное шоссе у Цюрипинска.

Почему в таком порядке? Первой высадилась третья рота и обеспечила прием первого полка. Им навстречу пробивалась 14-я гвардейская стрелковая дивизия 18-й армии. Пятьдесят первая армия развивала наступление на Каховку. Таврия – наша! Батальон собрали и пополнили, предстояло взять небольшую крепость. Готовились очень серьезно. Ночью с подводной лодки высадили разведгруппу. К Кинбурнской косе прижались, в ожидании, торпедные катера с десантом. Нервы на пределе: с моря эту крепость еще никто не брал. Вдруг от разведки приходит РДО с тремя семерками! Остров зачищен! На нем было отделение солдат, обслуживающих прожектор. Трое морских пехотинцев справились с ними, сняв двух часовых и метнув в жилое помещение противотанковую гранату. Так как стены толстые, то даже взрыва никто не услышал. А столько времени готовились!

– Где твои группы? – довольно злобно спросил Батов.

– Не знаю, товарищ генерал! Высадились успешно, партизаны их встретили. Мы получили двадцать шесть дней назад подтверждение о том, что они приступили к исполнению заданий. Но результатов нет, на связь они не выходят, – ответил Дмитрий.

– Готовь второй вариант.

– Они готовы, но ГРУ не дает их высаживать.

– Это еще почему?

– Не знаю! Этими группами особо интересовалось ГРУ, и меня не допустили к работе с ними.

Батов взял телефон и позвонил в Москву, вызвав какого-то товарища Успенского. Задал вопрос о том, почему не дают высаживать группы-дублеры. Замолчал. Потом повесил трубку.

– Иди! Говорят: «Не вашего ума дело! Работа групп на контроле Ставкой».

Продолжали возвращаться люди с Юго-Западного фронта. Не все, потери большие. Три дня назад группа старшины 1-й статьи Савинкова доложила из-под Сталино, что задание выполнено: мост через реку Бык у Калинино взорван. Чуда не произошло: пришлось штурмовать мост, это обошлось в семь человек. Отходят, имея на хвосте СС. До линии фронта шестьдесят восемь километров. Максимум, что смогли дополнительно организовать для них – сброс боеприпасов и продовольствия через разведотдел Юго-Западного. Весь месяц был нервным, постоянно куда-то дергали, что-то кого-то не устраивало, где-то кто-то не те данные отослал, потом выяснялось, что все отправлено верно и именно по адресу. Просто все ждали более добрых вестей. А их не было! Немцы активно противодействовали, усилили репрессии против мирного населения, сняли несколько батальонов с фронта и гоняли по степи партизан, так как до них еще не дошло, что это действуют не партизаны, плохо вооруженные и слабо подготовленные, а бойцы армейских и фронтовых разведок, руководителям которых накрутили хвоста, и все были вынуждены равняться на уже известного в узких кругах Матвеева.

Наступление Крымского фронта было неожиданным и стремительным. Уж больно неудобным местом был Крым: один перешеек шириной в девять километров! Там у 22-й дивизии было море средств и сил: доты, дзоты, вкопанные танки, четыреста орудий. А бойцы 18-й и 51-й переправлялись на сколоченных плотках, гребя саперными лопатками, а когда плот упирался в мель, ползли по жидкой вонючей соленой жиже до двух-трех километров, выходили из непроходимых соленых болот и атаковали противника. Фронт развернулся за десять дней! Укрепил левый фланг и начал наступление в сторону Ростова. Миус-фронт, атаку которого продолжал Малиновский, оказался в тактическом окружении.

Зашевелился фон Бок: начал запоздалое перемещение частей 17-й армии южнее. В Синельниково начали погрузку в вагоны две дивизии. Здесь еще не просохло, поэтому войска были вынуждены использовать железную дорогу. Именно там сработала очередная мина, пол-

ностью выведя из строя узловую станцию, огромное количество техники и личного состава. После взрыва станцию немедленно обработала авиация АДД, разбив пятитонными бомбами восточную и западную горловины. Старший группы краснофлотец Видерман был представлен к ГСС и получил звание лейтенанта. Батальон покинул обжитые места и переместился в Чкалово. Рядом маленький полевой аэродром, на котором базировался 55-й полк подполковника Иванова. Двенадцатого мая три фронта начали наступление: Брянский фронт на Белгород, Юго-Западный на Харьков, Южный, поддержанный двумя армиями Юго-Западного, двинулся на Днепропетровск. Батов создал мобильную группу, в которую собрал почти все танки фронта, посадил на броню 7-ю гвардейскую дивизию и придал группе конный корпус. Группа разрезала фронт у Ивановки и через шесть часов ворвалась в Мелитополь.

Оставив часть пехоты разбираться с гарнизоном, повернула на Новобогдановку и перерезала последнюю железную дорогу, которая еще функционировала на фронте у Клейста. Видя, что положение становится чрезвычайно опасным, фон Бок снял 11-й корпус Карла Штрекера из 6-й армии и начал переброску его под Николаполь, с целью ударить Крымскому фронту во фланг. Три дивизии сели в вагоны, пересекли Днепр в Днепропетровске. После прохода поездов с войсками, Ставка дала команду взорвать последние три моста: в Днепропетровске, Запорожье и в Никополе. Семнадцатая армия была разрезана надвое. Гот и Паулюс смогли остановить наступление, закрепившись на болотистых берегах реки Самара. Преодолеть эту преграду войска фронта не смогли и перешли к обороне. Не слишком удачное наступление Брянского фронта, который не смог прорвать оборону немцев на всю глубину и ограничился тем, что еще раз отбил Белгород, позволило немцам удержать Харьков и Днепропетровск.

Наличие рокадной железной дороги давало им возможность нормально снабжать войска Паулюса и Гота через Кременчуг и Полтаву. Барвенковский выступ расширился на пятьдесят километров в результате операции, и 1-я танковая армия была полностью блокирована к 22 мая 1942 года. Южный фронт продолжал атаки на нее со всех сторон, Крымский исчерпал наступательные способности, заняв Токмак и Запорожье. Возникла пауза, которой воспользовались немцы, ударив от Краснограда по войскам Тимошенко и Малиновского. Завязались тяжелые оборонительные бои. Но, потрепанные люфтваффе, потерявшие в весенних боях 8-й авиационный корпус, который отвели на переформирование, не смогли помочь Паулюсу прогрызть оборону Тимошенко. Операция по деблокаде Клейста не удалась. Но самым слабым звеном был наш Крымский фронт! Трех армий, одного кавкорпуса и одной авиационной армии не хватало, чтобы создать надежную оборону. А Клейст готовился выпрыгнуть из кольца. Первые признаки этого доложили летчики 55-го полка. В транспортниках стало перевозиться много топлива. А агентурная разведка дала информацию, что топливо сразу распределяется по частям армии, не задерживаясь на складе. Плюс штаб армии переехал из Мариуполя, установить новое место его базирования не удавалось. Дмитрий приехал в штаб фронта и вошел в кабинет к Батову. Тот разговаривал по ВЧ, сильно волновался, часто вытирая лоб свободной рукой, и доказывал, что ему требуются подкрепления, а не советы, как залатать тришкин кафтан. Потом вдруг вытянулся, даже лицо изменилось, он замолчал, слушая собеседника.

– Я вас понял, товарищ Васильев! Постараемся! Будем надеяться, что в течение двух недель ничего не произойдет. – После этого он отвел трубку от лица, выразительно посмотрел на нее и аккуратно положил ее на место.

– Сам сказал, что перенаправил в наш адрес 20-ю армию с Центрального фронта.

– Поздно, товарищ генерал. Читайте! – сказал Дмитрий и положил перед командующим разведсводки.

– И как будем выполнять приказ Сталина?

– Единственный шанс – высадка в Мариуполе.

– Чем, чем высаживаться?! Ты думай, что говоришь!

– В Керчи стоит 404-я дивизия.

– Ты охренел? Она практически небоеспособна, а ты ее в десант! Там по-русски почти никто не говорит! – закричал Мехлис, находившийся возле командующего.

– Мой батальон пойдет в первой волне, товарищ арком. Главное – зацепиться за Азов-сталь и ее причалы. Потом рассую своих бойцов в качестве командиров рот, только приказ нужен, и ваша, персональная, накачка всех этих «слонопотамов», товарищ Мехлис, что это так, и эти бойцы являются командирами с исключительными полномочиями.

Мехлис в очередной раз выматерился. Ругался долго и складно, потом, успокоившись, сказал:

– Давай свой батальон, лейтенант! И поехали в Керчь!

Это надо было видеть! Как он разносил комдива 404-й!

– В общем, так, шакал недоделанный! Вот командир десанта, а вот мой маузер! Я передаю его ему! Чтобы он тебя, осла вислоухого, пристрелил, если твоя дивизия в очередной раз обо... ется! Понял???

– Понял, батоно. Все сделаю!

– На погрузку!

Караван отошел от Керчи в 14:00. Ход маленький, поэтому к Мариуполю подойдут только в три ночи. Самое то! Боевые корабли отойдут чуть позже и нагонят караван в пути. Через пять часов стемнело. К часу ночи подошли к косе Долгой. ТК-1 подвалил к борту СБ-12, на которой находился комдив-404, и Дмитрий еще раз напомнил ему, что надо высаживаться на причалы, и быстро! Торпедные катера рванулись в темноту, ориентируясь по усам впереди идущего. Немцы открыли заградительный еще на подходах, и их начали давить мониторы, бронекатера и эсминцы флотилии. Пятьсот девятнадцать человек первой волны высадились быстро и организованно, с ходу выбив немцев с площадок у причалов по обе стороны ковша.

Пулеметчики и снайпера ломанулись наверх, занимать позиции, заранее распределенные еще перед боем. Немцы не ожидали такого плотного огня и отошли, но попали под артиллерийскую подготовку с кораблей. Через час двадцать повалила неорганизованная толпа 404-й дивизии, все, кроме снайперов и пулеметчиков, разведчики ушли в свои роты. Где пинками, где оружием, заставили рыть окопы на берегу Кальмиуски, два наиболее толковых батальона зачищали завод; 1368-й полк занял оборону на востоке. Требовалось создать видимость того, что нас можно сбросить в море, задержать начало прорыва на четырнадцать дней. Первый день прошел довольно спокойно, расширили плацдарм до Виноградного, немцы вели обстрел, но он был не шатким, не валким. Удалось навести хоть какой-то порядок в частях, принять еще одну волну десанта, в том числе свою танковую роту.

Поставили их в качестве огневых точек в узловых местах обороны. А утром началось! Завыли «ишаки», появились немецкие «трешки», пошла пехота. Под давлением противника отошли от кладбища за заводом. Отход удалось выполнить нормально, подстраховывая 1368-й полк при отходе пулеметами. Задержались у домов, и около полутора суток вели бой в поселке Орджоникидзе. Затем отступили на триста метров до Волнистой улицы. Там попытались задержаться, но место больно неудобное, пришлось отойти глубже. К пятым суткам Драганишвили перестал прижимать голову при каждом взрыве и начал понемногу руководить боем, так как не всегда русский язык доходил до уроженцев Мингрелии и Сванетии. Дела пошли чуть веселее. Да и бойцы обвыклись, хотя стрельбы наугад и без прицеливания было много. Разведчикам приходилось много внимания уделять бойцам. Удивительно, но в дивизии было много людей старшего возраста, мало молодежи, а средний возраст практически совсем отсутствовал. Обучены они были из рук вон плохо. Несколько человек во второй день попытались сдаться противнику, но были уничтожены огнем пулемета с домны.

Больше такие случаи не повторялись. К девятому дню весь поселок был уже у немцев, десант находился только на заводе. Потери в составе дивизии превысили 35 %, батальон поте-

рял двадцать шесть человек. Ночь прошла спокойно, приняли несколько кораблей с боеприпасами.

Отремонтировали сбитые гусеницы трех танков. Утром до рассвета подняли бойцов. Но вместо немецкой атаки – жиденькие очереди нескольких пулеметов. Клейст догадался, что происходит, и начал отводить войска. Дмитрий связался со штабом и получил указания начинать штурм города. Указания, конечно, ценные, но десантники подорвали все мосты через Кальмиуску. Поэтому ограничились занятием поселка строителей, а на правый берег переправилась одна рота. Немцы отходили на север к Сталино, но по-прежнему удерживали улицу Ленина и Металлургов, видимо, ожидая кого-то из Бердянска.

Там 404-я дивизия дралась еще четыре дня. А батальон сняли катерами, так как с очередной волной десанта подошли свежие дивизии Южного фронта.

Клейст ударил от Славянска, и не по Крымскому фронту, как все ожидали, а по 6-й и 28-й армиям, пытаясь напрямую соединиться с Паулюсом, но от Красного Лимана по нему ударила 20-я армия, как только наметился его успех у Славянска. Огнем тридцати шести 203-мм гаубиц 517-го артиллерийского полка Резерва Верховного Главнокомандующего, генерал Макс Рейтер, бывший полковник царской армии, проломил оборону у Славянска и ввел в прорыв три дивизии и две танковые бригады на КВ. Фланговый удар такой силы не держит никто, тем более потрепанные во многих боях «тройки» и короткоствольные «четверки» остатков армии Клейста. Клейст потерял в этом бою почти все танки и отошел к Сталино.

Батальон выгрузился в Геническе, это уже тыл. Дмитрий стоял на причале и наблюдал, как выносят раненых и убитых. Батальон никого на Азовстали не оставил. Сзади раздался скрип тормозов, остановился ГАЗ-61, и из него вылез вездесущий Мехлис. Он начинал нравиться Диме своей удалью и храбростью. Начальники его ранга гораздо более, как бы это помягче сказать, осторожны. Этот мог лично поднять батальон в атаку. Бывало.

– Товарищ армейский комиссар! Отдельный разведбат фронта вышел из боя. Мариуполь находится под контролем войск нашего и Южного фронта. Потери: двадцать восемь безвозвратно, шестьдесят четыре ранены, из них тридцать пять – тяжело. Сгорело одиннадцать танков танковой роты, остальные оставлены на плацдарме. Командир батальона старший лейтенант Матвеев.

– Вольно! Живой?

– Да вот, зацепило. Ваш маузер, Лев Захарыч, спасибо, не пригодился, – сказал Дмитрий, стаскивая с себя перекидной ремень кобур-маузера.

Мехлис взял пистолет, подкинул его в руке.

– Жалко, конечно, с восемнадцатого года со мной. Держи! Подарок! – он сунул руки в карманы реглана и зашагал прочь к машине.

Потом хоронили погибших, ждали машины из Чкаловской, тряслись на них через полтаврии. Наконец, добрались на место. Короткий доклад Бархоткину, и падение в койку.

Через день в штабе фронта возникла потасовка: Матвеев врезал по зубам какому-то курчавому капитану из штаба фронта, который поинтересовался у него, каково командовать «туземцами». Драку прекратили Батов и Мехлис.

– Старлей Матвеев! Прекратить! В чем дело?

Матвеев встал по стойке смирно и замолчал, потом сдвинул вперед командирскую сумку и достал оттуда рапорт, подал его комфронта.

– Что это?

– Представление на звание Героя Советского Союза на красноармейца 404-й дивизии Иоселиани Георгия Иосифовича, 96-го года рождения. Лег под прорвавшийся немецкий танк у домны номер пять с гранатами. Их просто очень плохо учили, товарищ командующий, и он остановил его, как сумел. А этот козел их туземцами назвал, сволочь.

Батов посмотрел представление.

– Сумку!

Дмитрий перевернул командирскую сумку и подал ее Батову. Тот положил на нее представление, подписал и передал ручку Мехлису. Мехлис проставил недостающую запятуя и тоже подписал его.

– Пять суток ареста, капитан. На досуге подумайте, в какой стране живете, и сколько у нас национальностей, – сказал Мехлис.

Прибыло пополнение, новые танки с пятиступенчатой передачей. Несмотря на то, что бои на Донбассе продолжались – там добивали 1-ю танковую и части 17-й армий – основной задачей стали Очаков, Николаев и правый берег Днепра. Фронт изменил название и стал 3-м Украинским. Двадцатая армия, наконец, дошла до места, заняв побережье от Запорожья до Воронцовки. Она стала 2-й гвардейской армией. В центре встала 51-я армия, а южный фланг держала 18-я десантная. Части 44-й находились в Крыму, на Перекопе и у Чонгара; 404-я дивизия продолжала действовать у Сталино. Жизнь в обороне приятна и удивительна для всех, кроме разведки, для нее начинается самая беспокойная жизнь – постоянное наблюдение за противником, ведение и анализ журналов наблюдений. Поиск возможных путей проникновения в тыл противника. Изредка выходы или попытки выходов туда. Потери, которые неизбежны при неудачном пересечении линии фронта. Плюс проведение разведок боем, во время которых засекаются огневые точки противника. Все это компенсируется нормальным питанием и более-менее размеренным образом жизни. В июле 42-го года ввели погоны и офицерские звания, таким образом отметили успехи РККА в боях на юге, где остатки двух немецких армий сдались под Сталино, и на северо-западе, где усилиями трех фронтов – Карельского, Волховского и Ленинградского – была прорвана блокада Ленинграда. Захвачены Синявинские высоты, проложена узкоколейка до Шлиссельбурга и наведен наплавной мост.

Второй и первый Украинские фронты располагались правее Третьего, были более крупными и держали оборону от Белгорода до Запорожья. Им было тяжелее: здесь, на Третьем, происходили только артиллерийские перестрелки через Днепр, поэтому в июле фронт несколько расширили до села Терновка на границе Днепропетровской и Запорожской областей, прибавив фронту еще шестьдесят километров. Благо что инженерные работы выполнять не пришлось. Здесь Днепр делает крутой поворот, и левый берег становится выше правого. Во многих местах это наоборот. На фронте затишье, бои идут много севернее, где 2-й Украинский пытается сбросить Паулюса с позиций на берегу Самары. Наблюдение за противником показало, что этот участок держат венгры и румыны. В самом Запорожье стоит эсэсовская дивизия «Мертвая голова», попытка захватить там плацдарм закончилась для 18-й армии провалом, да и течение там быстрое. Дмитрий направил на правый берег группу из трех бойцов-саперов проверить подходы. Все прошло тихо, сняли двадцать мин, сами солдаты противника к минному полю и близко не подходили. После этого собрались у Батова. Москва таких задач уже пару месяцев не ставила. В резерве – одна дивизия, правда, боезапаса почти два армейских комплекта. Начали поступать американские плавающие бронетранспортеры. Но их ничтожно мало пока. Тимошенко забрали на север, командующего направлением нет. Наш «медвежий угол» мало кого интересует. Основные бои идут подо Ржевом.

– Вот здесь вот, в этом овражке, можно спрятать переправочные средства. Тут – сбросовое течение, как только его пересекаешь, начинает тянуть к тому берегу. Здесь – село Вовниги, несколько причалов самопальных, в селе – командный пункт батальона на западной окраине. Шесть наблюдательных пунктов. Здесь дзоты, шесть штук, ниже по течению – немцы, 11-й корпус. Вот здесь, между оврагами, плацдарм удержать можно: направление не танкоопасное. И главное! Левее сто метров – блок старой паромной переправы.

– Уговорил, хорошее место. Вот сам туда и пойдешь, а мы от Васильевки. По течению, – сказал Макс Андреевич.

– Со Ставкой надо согласовать, – осторожно предложил Батов.

– Да, по шеям могут надавать.

Запросили Москву. Там думали сутки, затем разрешили подготовку. Шесть дней готовились, потом погоду ждали. Наконец вечером прошел дождь, ночью лег туман. Дмитрий пошел с первой группой из десяти человек. Пошли в ИДА, уравнившись на метровой глубине. За ними тянулся линь. Попали почти в точку. В заливчике чуть не прошумели! «Мамалыжники» сетку поставили, рыбу ловят, стервецы. «Рыбаки» спали на берегу возле небольшого костерка, который с нашего берега не видно.

Экспресс-допрос дал пароль и отзыв для караульных, но он и не потребовался. Верхний пост сняли тихо. Через двадцать минут в овражке было уже девяносто человек второй роты. Три группы под прикрытием пулеметчиков двинулись вперед, к дзотам и позициям 75-мм пушек-гаубиц. Дмитрий метнул нож и снял часового у первого орудия. После этого дали сигнал на тот берег, что разве-дрота 2-й гвардейской армии может начинать переправу.

Долгие-долгие тридцать минут ожидания, затем у Никольского взлетели в небо ракеты и загремели взрывы.

Выбежавших по тревоге румынских солдат встретили взрывы «растяжек», дзоты взорвались через десять секунд. На Дмитрия выскочил офицер, который был сбит с ног и запеленован. Его тут же потащили к переправе.

А через Днепр, ревя моторами, пошли катера двух батальонов гвардейцев, натягивался трос переправы, от левого берега отошли плоты с 57-мм пушками, а 517-й арtpолк начал обстрел позиций немцев слева и справа от плацдарма. За ночь успели перебросить полк 33-й ГвСД и 475-й истребительно-противотанковый полк. Войска 2-й армии заняли населенные пункты Башмачное, Ореховка и Николаевка, создав плацдарм глубиной до десяти километров. Создана паромная переправа и два наплавных моста. Девяносто человек в батальоне и восемьдесят пять человек в разведроте 2-й гвардейской были представлены к ГСС. Но тем, кто его уже имел, ГСС заменили на орден Богдана Хмельницкого, статус которого предусматривает форсирование водной преграды, учрежденный еще весной, как только началось освобождение Украины. Наиболее тяжелые бои шли в районе Николаевки и Башмачки. Но переправы были скрыты от артиллерийского огня, позиции быстро укрепили, авиационная поддержка была хорошей. Потери на плацдарме были довольно большими, но держался он крепко. Получив от Резервного фронта два корпуса, 52-й и 53-й, и 1-ю танковую армию генерала Катуква, в августе 42-го года войска фронта взяли город Днепропетровск и освободили правобережную часть Запорожья. Действия фронта были признаны успешными, и у них забрали Батова, Рейтера и Мехлиса. Командующим фронтом стал Малиновский, ЧВСом назначили Желтова. С Малиновским и Желтовым сразу же «не сошлись характером», в итоге вместо второй звезды получил Дмитрий «Богдана», тут он и вспомнил, что он «прикомандированный», и вернулся в Азовскую флотилию.

Этому событию предшествовали другие, не относящиеся к боевым, действия, просто «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Случилось это в Москве, на «разборе прыжков в сторону» в Ставке, по окончании ликвидации 1-й и 17-й армий немцев. Выступавший первым генерал Малиновский присвоил в докладе все лавры Южному фронту, лишь однажды упомянув действия Крымского фронта. И то в контексте, что у него забрали 18-ю армию в Крым, поэтому он не смог нарастить силы на плацдарме на реке Миус и был вынужден отойти, оставив плацдарм. Батов усмехнулся, но промолчал, а Мехлис, со свойственной ему прямоотой, начал уличать Малиновского в подтасовках:

– Южный фронт, имея вчетверо больше сил, чем Крымский, не сумел наладить взаимодействие с авиацией и флотом. После удачно проведенной операции по освобождению Ростова – кстати, проведенной другим командующим – в течение более полугода не мог взломать 15-километровую глубину укреплений на Миусе. Не смог ни обойти противника, ни растянуть его силы.

А гробил людей и технику в лобовых атаках. И даже на последнем этапе 20-я армия – это армия Крымского фронта, и действовала она по приказу командующего Батова. Я лично возил этот приказ генерал-лейтенанту Рейтеру. В приказе однозначно говорилось, что если Клейст начнет прорыв, определить место прорыва и нанести фланговый удар. Что он и сделал, а с правого или левого фланга, это значения не имеет. Плюс я был на допросах Клейста, он восемь дней считал, что в Мариуполе высадился Малиновский, у которого достаточно сил и средств, чтобы организовать преследование его корпусов. Во второй день у него появились пленные из десанта, но они не говорили ни по-русски, ни по-немецки, и их не смогли допросить. Только на исходе восьмого дня в плену оказался раненый офицер 404-й дивизии, который сообщил немцам, что дивизия снята из Крыма, а товарищ Малиновский его преследовать не собирается! Но перебросить войска к рубежам в Чаплино он уже не успевал. Его удар из-под Славянска никто из немцев поддержать не смог. Так что дело решил десант отдельного разведбатальона Крымского фронта и 404-й дивизии 44-й армии нашего фронта, и добивали группу Клейста воины Южного фронта при активной поддержке войсками 51-й, 44-й и 2-й гвардейской армий. Лишь 18-я десантная армия нашего фронта не участвовала в последних боях с Клейстом, но она обеспечила форсирование Сиваша и выход Крымского фронта на оперативный простор, что в конечном итоге и предопределило судьбу всего южного фланга немцев.

Все в кабинете Сталина молчали, ждали реакции хозяина. Тот, не спеша, раскурил трубку, несколько раз затянулся и тихо сказал:

– Мы согласны с такой оценкой операции, товарищ Мехлис. Именно настоятельные просьбы товарища Батова, который верно просчитывал ходы противника, предупреждал их, и малыми силами наносил сокрушительные удары по противнику. Он вовремя остановился и озаботился своими флангами, и доказал нам, что без дополнительных сил может произойти катастрофа, поэтому он и получил дополнительные резервы, которые и решили исход сражения.

– Батов получил две армии, и за мой счет, – пробурчал Малиновский. – И его еще и флот поддерживал!

– Ви нэ правильно считаэте, товарищ Малиновский! – с раздражением сказал Сталин. – У вас было семь армий! На фронте в двести восемьдесят километров, а у товарища Батова – три, гораздо меньшего состава, на фронте в пятьсот сорок километров. А вот подвижность и активность войск Батова в несколько раз превосходила вашу! Поэтому товарищ Батов поедет на Первый Украинский, Второй возьмет генерал-полковник Рейтер, а вы возьмете вспомогательный 3-й Украинский. Потому что опять пробуксовываете и не можете выбить немцев с берегов Самары.

Но между этими словами и приказами прошел месяц с лишним, поэтому вернувшегося с правого берега Дмитрия встретили неласково. Батов и Рейтер опять отличились, а Малиновский и молодой Желтов вынуждены отражать атаки 11-го корпуса немцев и танковой дивизии «Мертвая голова». А пять дней назад на Первомайском форту погиб Бархоткин: немецкий снаряд попал в наблюдательный пункт. Командовал теперь полковник Савватеев, которого Дмитрий не жаловал. Дима связался с Горшковым и объяснил ситуацию. Сергей Георгиевич прислал приказ, отзывающий батальон к месту службы, и, в связи с гибелью начальника разведки, назначил Дмитрия на его место. Но Малиновский понял, что остается без разведки, и уперся: флотилия по-прежнему придана 51-й армии, даже не фронту. Горшкову пришлось

выходить на Октябрьского, доказывать тому, что 51-я армия находится далеко от моря, и флотилия ее поддерживать не может, тогда как 18-я армия – нуждается в такой поддержке, и готовится к десантам. Адмирал Кузнецов, до которого дошли эти дрызги, распорядился забрать батальон во вновь формируемую Дунайскую флотилию, костяк которой составляла Азовская флотилия, и новая флотилия активно получала бронекатера и корабли, готовясь к новым боям. Пока шли штабные дрызги, мимо пролетели представление к званию майор морской пехоты, вторая звезда Героя, благо что сумел сам проводить Десфину в Сары-Гель – ей скоро рожать, поэтому ее отпустили свободно. А в батальон вцепились зубами и не отдавали.

Самого «скандалиста и карьериста» особо не держали, но Горшков и Октябрьский поставили ему задачу забрать всех, кто имеет отношение к флоту и соответствующий опыт. К флоту имели отношение все: формировал батальон Бархоткин. В итоге «штабного сражения» потеряли восемьдесят человек, оставшихся служить на 3-м Украинском. Батальон перебазировался в Таврию, в Железный Порт, и с сентября приступил к разведке подступов к Очакову. Положили цветы и поставили водку на могилу Александра Сергеевича, которому посмертно, но все же дали Героя. Пять человек, оставшихся в живых от того самого первого разведвзвода флотилии, распили наркомовские на его могиле и дали трехпатронный залп. Чем немедленно вызвали артобстрел Первомайского: 18,3 артиллерийских кабельтова отделяет их от ближайшего немецкого орудия. Немцы и румыны минировали подступы к Очакову, минировали вход в Березанский лиман. Есть сведения, что Березань тоже минирован, и проход между ним и берегом. Периодически мины появляются и в других местах. Немцы продолжают минирование с воздуха. Доложил обстановку: «Противник успел подготовить противодесантную оборону. Ускоренными темпами строят аэродром севернее Очакова. Насытили местность 88-миллиметровками. Крепость и аэродром надежно защищены от ударов с воздуха. Большое количество орудий не дает возможности вести траление».

Операцию признали невозможной, потому что флот пока не получил должного количества боеприпасов, чтобы «снести» Очаков. Тогда Дмитрий предложил разместить в Покровке 152-мм орудия, прикрыв их батареями МЗА и КЗА, плюс, пока погода позволяет, переместить сюда один из истребительных полков для прикрытия батареи.

– У немцев нет орудий, способных достать эту батарею. Мы можем вести беспокоящий огонь как по крепости, так и по аэродрому.

– Шестидюймовых снарядов у нас хватает.

Ночью на Первомайку доставили дальномер, отъюстировали его, замаскировали. На следующую ночь привезли тяжеленные бронесегменты, снятые с Северного форта, которыми три ночи укрывали дальномер. Обстреливали и бомбили форт часто. Сегменты не сильно помогли, дальномер все-таки повредили немцы, но он позволил нормально пристреляться, и впоследствии использовали таблицы, полученные с его помощью. Первый налет дивизион МЛ-20 совершил утром 22 сентября. Флот прислал три тральщика, работу которых должна была прикрыть артиллерия. На глазах у немцев они начали тралить подходы к Кинбурнской косе. Немцы начали пристрелку. Последовала пристрелка со стороны нашего дивизиона. Через залп перешли на поражение. Батарея была подавлена, больше открывать огонь они не решились. Тральцы пробежались между Кинбурном и Березанью, вытралили несколько мин и расстреляли их. Отошли. Немцы, со второй батареи, открыли огонь по Первомайке и получили сразу точный ответ по своим позициям, так как привязка уже была. Батарея замолчала. Дима доложил командующим флотом и флотилией.

– Давай сюда!

«Давай сюда!» – это в Севастополь! Пришлось трястись на полutorке до аэродрома, потом лететь в Херсонес. Оттуда в штаб флота. Намечалась операция, поэтому он взял с собой Соню Красовскую, которая обычно находилась в штабе или на КП руководителя операции. С апреля месяца, сразу после свадьбы, Дмитрий стал еще более официально относиться

к ней: подвыпив на свадьбе, она расплакалась с Финой и сообщила той, что для нее существует единственный мужчина, который ее привлекает, и это муж Десфины. Фина, естественно, почти сразу сообщила об этом Диме, тот фыркнул, но решил про себя, что надо быть насто- роже: может подставить. Впрочем, Соня поняла, что болтнула лишку, и тоже заняла такую же позицию: строго официально, сухо и выдержанно. Обоих это устроило. Со временем это вошло в привычку. Полет на малой высоте над теплым морем в условиях начинающейся осени – это нечто! В Херсонесе Соня вышла из самолета совершенно зеленой, ее шатало. Благо что машина, присланная командующим, пришла с небольшим опозданием. Отказавшись от кабины, она залезла в кузов. Там ее проветрило, она покраснелась, повеселела. Подъехали Г- образному двухэтажному зданию штаба, с трехэтажной башенкой, на Матросском бульваре, машину пропустили во двор, оттуда по ступенькам поднялись в приемную командующего флота. Вдруг Соня как заверещит:

– Дядя Степан! – и кинулась на шею какому-то летчику, который оказался генерал-май- ором Красовским, командующим 2-й воздушной армией, которая недавно прибыла на Южный фланг фронта для усиления. Шуму было довольно много, среагировал даже Филипп Сергее- вич, вышедший из кабинета. Дмитрий доложил, а генерал-майор представил свою племян- ницу командующему. Октябрьский сказал Матвееву пройти в кабинет.

– Шуму-то, шуму сколько! Откуда она взялась в штабе?

– Начальник радиостанции моего батальона, товарищ комфлота, прибыла со мной, будет обеспечивать связь со штабом флота.

– А справится? На вид вроде кукла! – недоверчиво спросил вице-адмирал.

– Она с начала войны в разведке АВФ, еще раньше меня начала служить здесь. Всегда ее в этом качестве используем. Никогда не подводила.

Горшков тут же подтвердил, что это так.

– Ладно, как знаете. Вам виднее. Итак! Задача: провести дивизион бронекатеров проек- тов 1124 и 1125, и монитор «Железняков» в устье Днепра. Задача очень непростая, товарищи. Эти скорлупки по морю ходить не могут, мореходность у них ноль. Однажды «Железнякову» повезло, и он добрался до Азова. Второй раз может и не получиться. Пока погода стоит нор- мальная, Сергей Георгиевич, давай, переводи его сюда, и свои скорлупки тоже. Ставь на стан- цию размагничивания все. И начинай готовить базу! Теперь ты, майор!

– Я – старший лейтенант, товарищ комфлота.

– Не понял? – Филипп Сергеевич недоуменно посмотрел на Дмитрия. – Я сам, лично подписывал!

– Не объявляли, и приказа в штабе нет, товарищ вице-адмирал.

– Как так?

– Мир не без добрых людей, Филипп Сергеевич.

– Касатонов! – рявкнул командующий.

Вбежал молодой порученец, замер и вытянулся.

– Где-то полтора-два месяца назад был приказ о присвоении звания майор старшему лейтенанту Матвееву. Найди, и копию – мне!

– Есть! – порученец крутнулся и выскочил из кабинета.

– Так вот, майор, коли получилось один раз протралить, надо создать видимость у нем- цев, что мы готовимся высаживаться в Очаков, а самим подготовить позицию для еще одного дивизиона, но уже не нашего, а 18-й армии. Есть еще два места, где немец может прищучить наши корабли: мыс Станислав и Кизомыс. По нашим прикидкам, наиболее удобное место для дивизиона находится на южном берегу озера Аджиголь.

– Там же сплошное болото и дорог нет!

– Ну, есть такое дело, но вот тут вот – старые кошары и небольшая возвышенность. Посмотри это место, и если надо – привлеки саперов. Камков выделит, он согласен. Вслед за

дивизионом, начнем протаскивать туда десантные средства Дунайской флотилии. На тебе – визуальная и артиллерийская разведка северного берега Днепровского залива. И поторапливайтесь! До ледостава Херсон должен быть наш!

– Здесь же обычно не замерзает!

– Шуга идет такая, что мама не горюй, Дмитрий Васильевич, – сказал Горшков.

– Но основная задача – проход бронекатеров, эта задача должна быть выполнена как можно быстрее, до начала штормов! Понял, майор?

– Так точно! Разрешите идти?

– Идите! Копию приказа заберите!

Касатонов заканчивал печатать, затем забежал в кабинет к комфлота, выскочил оттуда, поставил печать, зафиксировал в журнале и попросил Дмитрия расписаться.

– Поздравляю, товарищ майор!

– Спасибо, товарищ капитан 3-го ранга.

– И извините, товарищ майор, у нас не принято в полевой форме приходить в штаб.

– Спасибо, товарищ капитан 3-го ранга береговой службы, я непременно учту это положение! Соня! Перенеси станцию в штаб флотилии!

– Есть!

Смерив худосочного кап-три презрительным взглядом, Сонечка гордо продефилировала мимо него и вышла из приемной командующего. Штабу флотилии выделили три комнатухи на первом этаже. Дождавшись Горшкова, определили место для Сони. Тут же выяснилось, что с первого этажа связь с батальоном неустойчивая. Ей пришлось тащить станцию в башенку, туда же протащили телефон для связи с обоими штабами. Решив организационные вопросы здесь, Дмитрий вылетел из Херсонеса в Каланчак, где находился штаб 18-й десантной армии. Генерал Камков, кавалерист до мозга костей, как нельзя лучше подходил на должность командующего десантной армией. «Все свое ношу с собой!» – основной принцип кавалерии и десанта. Принял он Матвеева радушно, тем более что в момент подготовки десанта через Сиваш они много раз встречались. Уточнили задачи, удалось разжиться приличными машинами в батальон, так как Малиновский зажилил всю транспортную роту отдельного батальона и передал ее в 18-ю армию. Теперь Камков «прикомандировал» роту обратно к батальону. Таким образом, батальон стал вновь полнокровным. Проблема заключалась в том, что Черноморский флот и Дунайская флотилия получали исключительно отечественную автотехнику, а ленд-лизские машины шли в первую очередь к сухопутчикам. Ссылаясь на приказ Верховного, Малиновскому и удалось оттяпать транспортную роту, в которой почти весь личный состав был с сухопутным ВУС. Пересев с «полуторки» на полюбившийся «Додж», Дима почувствовал себя человеком! Загрузили приданных саперов и поехали в Памятное. Дороги избитые, плохие, добирались долго. Как сюда тяжелые орудия тащить? В сельсовете сразу сказали, что в Аджигольских хуторах почти никого не осталось: активно сотрудничали с немцами и ушли с ними. Немцы в полицию набирали не русских, а украинцев. Все мужское население хуторов служило в полиции. Осталось несколько семей, но ни одного мужчины. Через день подошли трактора батальона, и начали укреплять дорогу. Еще через пять дней стали прибывать орудия и личный состав второго дивизиона артиллерийского полка РВГК. Вместо более-менее легких МЛ-20 пришли тяжеленные Б-4 510-го полка. Восемнадцать штук пришлось протаскивать по солончаку.

Наконец их установили, Дмитрий выехал в Виноградное вместе с корректировщиками дивизиона. Провели стрельбу по мысу Станислав, затем пристрелялись по Кизомысу.

Доложили о готовности, и Дима выехал на Кинбурнскую косу. Оттуда ночью в шлюпке в Первомайский. На следующую ночь назначили выход из Железного порта, где уже стоял дивизион и «Железняков». Ближе не подойти, негде укрыться. Дивизиону предстояло преодолеть восемьдесят семь миль. А у «Железнякова» парадный ход – 8,3 узла!

Остальные катера, переоборудованные двумя двигателями Паккард по 1200 сил, могли дать до двадцати узлов, но грохот будет стоять такой, что мама не горюй. У «Железнякова» машины тоже довольно громкие. А погода, как на зло, ни ветерка, полный штиль, хорошо, что новолуние и ночь темная! Горшков не выдержал и сам прилетел в Таврию, добрался до Первомайки. Сидит в каземате, подзуживает. «Железняков» вышел за четыре часа до заката, чтобы подобраться поближе. У немцев есть довольно мощный прожектор и три «ночника» Ю-88 на аэродроме. Ночью они периодически, не каждую ночь, взлетают: патрулируют акваторию, производят минные постановки. У нас есть шестерка МиГ-3 с летчиками-ночками ВВС флота.

Все что есть! Пока тихо! Слышно, как у Горшкова тикают часы, где он такой будильник достал?

– Союзники подарили! – недовольно буркнул он. – Швейцарские, хронометр.

Вышли покурить из каземата. Небо звездное, немцы сидят спокойно, изредка стреляют ракетами, проверяя, не высаживаем ли мы десант.

– Хоть бы туман, что ли! – сказал адмирал, разглядывая вражеский берег.

– Тогда они вообще не доберутся! – резюмировал Дмитрий.

– Эт точно! – усмехнулся Сергей Георгиевич. Из батальона передали по телефону, что монитор на траверзе Тендры.

– Час сорок ходу!

– Это если напрямую, напрямую он не пойдет, будет к косе прижиматься.

И точно! Передали, что сделал поворот, следует курсом 30 градусов к Кинбурнской косе. Затем командир монитора кап-лей Харченко доложил, что следует курсом 300 градусов вдоль косы самым малым ходом, с промером глубин ручными лотами. Они обогнули косу и пошли к Первомайскому. Еще через час, оставив остров слева, они прошли Первомайский. С кабельтова монитор смотрелся большим стогом сена: весь был увешан ветками, мачта завалена, легкий булькающий звук выхлопа двигателей. Как тень, он проскользнул в залив. А к Кинбурну уже бежали четырнадцать катеров. Шли тем же фарватером, Харченко передал все свои наблюдения.

– Похоже, что «Юнкерс» готовится взлетать! – передал Мальцев, выскочивший из каземата.

– В укрытие! «Тарань», я – «Бекас»! Цель четыре, заградительным, беглым, огонь!

Где-то далеко на востоке полыхнуло огнем, над головами пропели шестидюймовые снаряды, нанося удар по аэродрому и его ВПП. У немцев зажегся прожектор.

– «Тарань», цель два, три! Огонь!

– «Тарань», ближе ноль-ноль-один, повторить!

Прожектор погас. Через полчаса мимо острова на самом малом ходу проскочили катера. У Станислава стрелять не пришлось, а вот у Рыбачьего разгорелся артиллерийский бой: «Железняков» был обнаружен воздушной разведкой немцев. «Рама» пыталась корректировать огонь немецких батарей, но они были подавлены артиллеристами 510-го полка.

Днем с Первомайского не выбраться, Горшков достал припасенный армянский коньяк, пара бутылок водки нашлась в загашниках у главстаршины Мальцева. Отметили удачную проводку, Горшков долго смешил всех занятыми морскими байками. Затем отдохнули, и как стемнело, перебрались на косу. Три километра по песку и ракушечнику до развалин Покровского, там стояли машины, и на аэродром.

– Снимай разведчиков отсюда, их заменят артиллеристы. Займись островами в устье, их надо очистить от немцев, от Кизомыса до Янтарного. Задача ясна? – спросил Горшков, прощаясь.

Дмитрий откозырял. Через четыре дня пришло сообщение, что 29 сентября у него родился сын. Назвали Сашкой. Дмитрий отказывался проставляться:

– Ребята! Он уже большой! Смотрите, как поздно письмо пришло. Ему уже две недели! Съезжу, привезу его в батальон, и обмоем! Каждую пяточку! Десфина тоже не посторонняя в батальоне!

– Хорошо, командир, уговорил! Обмоем вживую!

Через пару дней, ночью, ему постучали в дверь хаты, где он квартировался. Вошла Соня:

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

– Да, что у тебя?

– Вот, меня переводят.

– Ну, хорошо! Куда?

– В полк связи ЧФ. Разрешите, я пройду?

– Проходи! А в чем дело?

– Я не хочу туда ехать!

– Кто приказ подписал?

– Вице-адмирал Октябрьский.

– Не понял? Младшего сержанта морской пехоты переводят по личному приказу командующего? Охренеть!

– Да. И сегодня мой дядя приезжал, просил не отказываться и сказал, что Октябрьский подходил к нему и посватался.

– Хм, – усмехнулся Дмитрий, – так я же не задерживаю, Соня!

– Вот это и плохо! Задержите меня, товарищ майор! Понимаете, сердце мое давно отдано другому человеку, а он – женат...

– Садись, Соня. Знаю я эту притчу. Давай начистоту! Мне Десфина все рассказала.

– Я знаю. Знаю, что у вас ребенок, знаю, что вы ее любите. Знаю, что у меня никаких шансов. Нужно было быть смелее и настойчивее, а я ждала, когда все само собой решится.

– До того, как я познакомился с Финой, я видел тебя пару раз во взводе, и ты открыто демонстрировала, что я тебе не нравлюсь. Было?

– Ну, не могу же я кинуться на шею первому же встречному! Хоть он и понравился внешне. А когда узнала вас, то было уже поздно. Разрешите мне остаться у вас сегодня, завтра я уеду.

Дмитрий отрицательно покачал головой:

– В тебе говорит обида, злость на то, что произошло, а это не лучшие советники, Соня. И потом, как я смогу посмотреть в глаза Фине? Да и остальным... Перевод я подпишу, давай!

Она резко подала бумагу, Дмитрий подписал, и она выскочила из хаты, даже не закрыв дверь.

Еще через полмесяца потребовалось доставить в Севастополь секретные бумажки – журналы наблюдений и операций в устье Днепра. Можно было лететь самолетом, но в этом случае Феодосия была бы недоступной. Доложив Горшкову ситуацию на участке фронта, в том числе, что его задача по очистке островов устья выполнена, Дмитрий попросил разрешения съездить домой.

– На денек, Сергей Георгиевич! Туда – обратно! Жену и ребенка заберу, и в батальон.

– Ну, давай, счастливчик! Первого быть в батальоне!

– Без вопросов!

Выписали командировочное и пропуск на семь человек, и рванули! Ехать туда почти сутки. Кравченко, водитель, успел расспросить других «баллонов», как лучше ехать. Решили кружным, через Судак, там дорога получше. Рассмотрели место подрыва, которое сделал лейтенант Иванов в сорок первом. Теперь там мост. Несколько раз придиралась «комендатура», но документы были в порядке. Заскрипели тормоза возле дома, окна горят, и уже есть электричество! Неожиданно дверь оказалась открытой. Дмитрий зашел в дом, а там не сильно трезвые летчики сидят, выпивают и зовут за стол, присоединиться.

– А где хозяйка?

– Не знаем, никого не было. Ключи и предписание получили в комендатуре. Присаживайтесь! Вы откуда? Мы – с 1-го Украинского, за новыми самолетами! Давайте, мужики, а сами вы откуда?

– Дунайская флотилия. Где комендатура? – спросил Дмитрий, разглядев, что в комнате стоит детская кровать.

– В Феодосии, Айвазовского, 7. На горке.

Они рванули в комендатуру. Помощник коменданта сообщил Дмитрию только то, что домом давно пользовались, потом был перерыв, а недавно на него опять была подана заявка как на свободный.

– Честно говоря, товарищ майор, мы этим не занимаемся, списки формирует военкомат. Это рядом: следующая улица направо, потом еще раз направо, угловой дом на Куйбышева.

Там было довольно много людей, но майор прошел к помощнику комиссара.

– Товарищ старший лейтенант, майор Матвеев, Азовская флотилия. Есть несколько вопросов по моей квартире.

Он объяснил ситуацию.

– Я не могу ничего сказать, товарищ майор. С середины октября квартира числится свободной. Вот смотрите: Матвеев Д. В. – ДА (действующая армия), Матвеева Д. Г. – СВ. № 645791. Примечание: доступен для квартирования.

– Что такое «СВ. № 645791»?

– Номер свидетельства о смерти, товарищ майор.

Дмитрий сел.

– Чьей смерти?

– Матвеевой Д. Г., конечно. Постойте, товарищ майор! Как ваша фамилия? Господи, извините, ради бога, товарищ майор, столько посетителей, что сразу все не сообразить. Так вы не в курсе?

– Нет, это моя жена.

– Я советую, товарищ майор, обратитесь в милицию, в райотдел, я сейчас позвоню, там у меня приятель работает. Он поможет. Петров его фамилия. Знаете, где?

– Проезжали мимо.

Дмитрий подвинул водителя и поехал в райотдел. Через десять минут он беседовал со следователем. Фину убили в Феодосии ударом ножа в почки, недалеко от автобусной остановки, по плачу ребенка было найдено тело.

– Банда у нас орудует, приезжие, гастролеры, работают чисто. Взять не можем. Улик они не оставляют.

– Диверсанты?

– Нет, не похоже. Больше золотом, деньгами и продуктами занимаются. И меняют «союзнические» товары, «контрабас», на рынке на карточки и продукты, а продукты на золото. Рыжые, по-ихнему. У вашей жены было что-нибудь на левой руке надето?

– Браслет и кольцо.

– Рыжие? Извините, золотые?

– Да, браслет не снимался, его еще задолго до войны заклепали, так как застежка сломалась.

– Значит, из-за этого! – младший лейтенант вытащил из дела фотографию, где была видна рука без кисти. – Как же она так неаккуратно?

– У нее ребенок на руках был, кстати, где он?

– В доме малютки, в Краснодаре, вот справка, возьмите.

– А теперь, лейтенант, как на духу, что тебе известно о них, – глухо сказал майор, укладывая справку во внутренний карман.

– Товарищ майор, это...

Дмитрий тяжело положил и развернул в сторону младшего кобур-маузер, на золотой нашлапке которого было выгравировано: «Пламенному бойцу революции товарищу Мехлису. И. Ст.».

– Извините, товарищ майор! Работают они на рынке и в ресторане, потом следят за жертвой, и в тихом месте режут. Где живут – не знаем. Кепочки у них клетчатые. И осторожно, вооружены.

– Спасибо! Близко своих людей не держи, без надобности!

Лейтенант промолчал, майор вышел к машине.

– Ткачук, у тебя часы золотые были с собой?

– Так точно, товарищ командир.

– Дай-ка! Понадобятся.

– Держите.

– Объясняю ситуацию: Десфину убили. Едем брать тех, кто к этому причастен. Есть метка: клетчатые кепки. Оружие к бою, без команды не стрелять, только если очень попросят.

Подъехали к рынку на Крымской, вдвоем с Гавриловым походили, поторговались, купили водки, затем поехали на Курортную, в ресторан. Водку – во фляжки, в две бутылки – воды.

– Я видел двух в клетчатых кепках, пытались прижаться к вам, товарищ командир, но вы так руками размахивали, что это им не удалось. Сели в грузовичок, едут за нами.

– А мы – в ресторан! Гуляем!

В коммерческом ресторане «Феодосия» разыграли пьяную ссору, и начальник всех выгнал, потом расплатился, соря деньгами, и вышел на улицу. Медленно, шатаясь, пошел по улице, направляясь к пляжу. Сзади слышались легкие шаги, постепенно ускоряющиеся. Уход в сторону, разворот и тычок, прямой в горло, по руке полилось что-то теплое.

– Говно, он Кольку... – навстречу ему летел огромный «бык», выдвинув вперед нож. Отбой и подсечка, затем прыжок обеими ногами на спину, с проворотом. Рывок вперед. Прикрывая главаря, остановился худощавый пацан с папироской во рту, играя ножом в руке:

– Я из тебя сейчас лапшу делать буду!

Из-под левой руки вылетел тяжелый штык-нож от АВС, воткнувшийся в глаз бандиту до самой рукоятки, пробив череп. Трое остальных не выдержали и рванули к машине. Маузер плавно отследил дальнего и выплюнул гильзу. Живые так не падают. Еще одна спина, и затвор послушно выбросил еще одну гильзу.

– Этого – живым! – слышался крик сбоку, Дима рванулся вперед, догнал мужика, которому здорово мешало бежать длинное пальто, выполнил подсечку, а потом сломал ему обе руки в локтях.

– Забирай, младшой! Просил живым? Держи!

– А если бы убежал?

– От кого? – спросил главстаршина Мальцев, выходя из-за дерева в двадцати метрах дальше по улице.

– Спасибо, товарищ майор, не могли бы вы зайти завтра и подписать показания?

– Не могу, лейтенант. Мне первого надо быть под Херсоном. А насчет «спасибо»... Лучше бы было, если бы ты мою жену уберег. Тебя для этого в тылу и держат!

– Не могу я так действовать, товарищ майор. Четверо нас, на весь город. Нас каждая собака знает!

– Возьми, и ребят покорми, не своих, тех, которые на рынке крутятся. Они меня сдали. Рыжий такой, Степкой зовут. Сделай так, чтобы они к тебе бежали, а не к «клетчатым». – Дмитрий достал из машины и протянул младшему лейтенанту вещмешок с продуктами, купленными на рынке.

«Додж» выскочил на перевал, и огромная луна высветила дорожку на чернеющем море. Но красивое зрелище вызвало у Дмитрия приступ тупой боли. У Судака свернули направо, подсвечивая дорогу узкими «щелями-фарами». Комендантский пост, жезл вытянулся поперек дороги, приказывая остановиться. Подошедший постовой отдал честь и улыбнулся:

– А, разведка! – на пути в Феодосию этот пост довольно долго проверял их документы. – Товарищ майор, по распоряжению коменданта района, ночное перемещение военнослужащих не в составе колонн запрещено. Тут у нас в домике до утра переночевать можно, сворачивайте направо, вон туда, к машинам.

– Сержант, нам надо поскорее добраться до Симферополя!

– Не имею права, товарищ майор. Я вас пропущу, а потом Авакумов с меня не слезет. Наверху еще три поста, не пропустят. В шесть утра тронетесь далее.

– Хорошо, давай к домику.

Но оружие, больше по привычке, бойцы привели в готовность. Небольшой домик вмещал довольно большое количество людей, в основном водителей. Раздавался храп, густо пахло маслом и гуталином. Распределив людей отдыхать, Дмитрий пристроился у фонаря «летучая мышь» и сел писать письмо. Майор задумался, он не знал, что своими действиями предотвратил две катастрофы на советско-немецком фронте в сорок втором году, не допустил Сталинградского сражения, спас около миллиона солдатских жизней и выиграл у войны минимум год. Для него этот ход войны был естественным: Красная Армия потерпела серьезное поражение в приграничных сражениях, затем нанесла поражение немцам под Москвой, перехватила стратегическую инициативу и громит противника на его Восточном фронте. Его волновала совершенно другая проблема: как сделать так, чтобы его сын оказался в Перми, куда эвакуировалось мамино хореографическое училище? Он старательно переписал адрес и все из справки, которые получил в милиции, он попросил мать списаться с домом малютки и на этом основании получить проездные документы из Перми в Краснодар и обратно. Он понимал, какое невыполнимое задание он ставит перед матерью. Но другого выхода не было. Личное горе строевого офицера никого не волновало. Таких трагедий – просто море: ткни в любого, кто находится в этой комнате, и попадешь в такую же трагедию. Пока дописал, наступило время подъема, Дмитрий сел в джип, который был дозаявлен Кравченко под самую крышку. И «доджик» рванулся вперед. К вечеру были в Симферополе, там Дмитрий отправил письмо. Он опаздывал на сутки, поэтому они свернули в Биюк-онлар. Там переделали бойцам командировочное и отправили их на машине, а Матвеев, самолетом и на перекладных, добрался до Железного Портка.

Пятого ноября части 18-й десантной начали высадку на правый берег Днепра. Огромное количество плавсредств устремилось к берегу, а бронекатера флотилии маневрировали и вели огневую дуэль с вражескими дотами и танками, прикрывая десант с воды. Батальон Матвеева на катерах ворвался в Дедово озеро и высадился в Кизомысе, где находился один из узлов обороны немцев. Минометчики высадились на острове, отделяющем Золотое озеро от Рвача, и поддерживали высадку огнем. Сам Дмитрий находился на острове Забич, и оттуда руководил боем из замаскированного командного пункта; 150-мм батарея немцев была уничтожена артподготовкой, там высадился взвод первой роты и производил зачистку траншей, блиндажей и окопов противника. В глинобитных домиках засели немцы и упорно огрызались огнем, но шансов на успех у них было мало. Бойцы уверенно шли вперед, выполняя свою привычную работу. Дмитрий в стереотрубу видел, как его ребята начали штурм последнего ряда домов в селе. Плацдарм захвачен, о чем он немедленно сообщил Горшкову. Подошли самоходные баржи, и началась погрузка второй очереди десанта. Теперь пойдет 18-я армия, 14-я гвардейская стрелковая дивизия, бывшая знаменитая 96-я горнострелковая. Из Рыбачьего идет еще волна десанта, которые вошли в Рвач и идут к Дедову озеру. В этот момент немцы

атаковали караван «лапотниками». Истребители 2-й и 4-й армии пытаются сорвать их атаку, в воздухе очень много машин, но несколько немцев прорываются, а много ли надо перегруженной барже? Десант несет потери. Дмитрий сорвал голос, пытаясь хоть как-то скоординировать действия летчиков. Однако Камков не зря учил своих людей! Идет борьба за живучесть, выжившие десантники используют подручные средства и гребут вперед. Подскочивший бронекатер выбросил шкентели с мусингами с обоих бортов и начал подбирать людей, буксируя их ближе к берегу. Общие потери около 20 %, приемлемо. Десант вышел на берег, и его фигурки двинулись к Новодмитровке и Янтарному.

– «Бекас», я – «Печка»! Отводи своих по мере замещения! – послышался приказ Горшкова.

– Вас понял! Исполняю!

Все! Батальон задачу выполнил, можно отходить. На катерах, по протокам выскочили в Конку, оттуда поднялись к Голой Пристани. Там находится НП флотилии. Приказав пополнить боезапас, комбат побежал на НП. Доложиться не дали: Горшков и Прокофьев полезли обниматься. Но длилось это не долго:

– Сколько времени требуется для пополнения боезапаса?

– Еще не все подошли, час – полтора.

– Возьми комендантскую роту, пусть помогут грузить боезапас на катера. И шустро!

– Макс, передай в роты и Филатову! – сказал Дмитрий своему радисту Грейхсвитцу. – И спроси, когда Колчин подойдет. Слушаю, Сергей Георгиевич!

– На судозаводе серьезная драка, и там цел мост. Постарайся, чтобы остался целым. А?

– Он заминирован.

– Я помню! И там бронеплощадка у немцев бежит по берегу, головы поднять не дает.

– Вот это можно. Это реально, а мост... Мои ребята дважды там были: заряды немцы положили в обе опоры. Чудес не бывает, товарищ адмирал.

– Вечно ты споришь, Дмитрий Васильевич! Это не мой приказ, и я тебе его передал! Как пойдешь?

– Через Кошевку, с воздуха прикройте, узко там, не поманеврируешь.

– Давай, удачи!

– К черту такую удачу!

Недовольный, он выскочил из НП. Этот дурацкий мост никакого стратегического значения не имел:

соединяет город с островом Карантинным. «Хоть бы его немцы взорвали до того, как прибудем на место!» – подумал комбат, приближаясь к катерам, на которых бойко шла погрузка боеприпасов.

– Филатов, Разумовский, Колчин, Сагалаев, Архипцев, ко мне!

– Комроты один, два, три, четыре, к командиру! Начштаба к командиру! – разнеслось, повторяясь, по причалам.

– Где Костин?

– Капитан ранен, не будет его.

– Опять куда-то полез? Кто его просил!

– На погрузке осколком бомбы зацепило, товарищ майор.

– Тяжело?

Санинструктор помотал головой и махнул рукой. Замполит вышел из строя надолго, если не навсегда.

Подбежали командиры рот.

– Колчин, почему долго отходил?

– Потери большие в расчетах. Немец какую-то бомбу новую применил, – и он протянул майору небольшой продолговатый предмет. – Уже разряжена. Высыпал кучу вот таких вот,

прямо сверху. Начинает падать как бомба, потом рассыпается на вот такие маленькие бомбочки. Даже не взрыв, хлопок, но осколков много.

Колчин повернулся спиной: весь ватник был посечен осколками.

– Сколько потерял?

– Восемнадцать человек безвозвратно, сорок раненых, у двух минометов трубы в хлам.

– Так сколько труб у тебя осталось? Десять?

– Шесть! Фактически десять, но четыре наводчика в минусе.

– Заменить есть кем?

– Есть, заменил, но они хуже стреляют.

– Хреново, Василий Филипыч. Сагалаев, Архипцев, Разумовский! Выделить по отделению в четвертую роту. Слушай боевой приказ!

Командиры приняли положение смирно. По мере услышанного, на их лицах рот появились кривые усмешки.

– Задача ясна?

– Никак нет, товарищ командир! Танковая рота на левом берегу, а немецкий монитор на правом.

– Спасибо, Саня, а я и не знал! – ответил комбат худенькому Архипцеву. – В общем, так, мужики! Высаживаемся на кирпичном заводе. Задача: заминировать пути в порт, захватить завод. С помощью трех бронекатеров я попытаюсь расстрелять эту чертову колесницу или повредить ее, чтобы не елозила, а стояла и подставилась под артиллерию или летчиков. Колчин! Придай минометы каждой роте. Дальше поглядим, как и что. Сигналы обычные. По местам, соберите мне командиров катеров!

– Есть!

Дмитрий поставил задачу всем командирам катеров. Трем бронекатерам предстоял бой с бронепоездом. Закончили погрузку боеприпасов, Матвеев вышел на связь и напомнил о воздушном прикрытии.

– Обещали! – послышался ответ Горшкова.

– Мы начали, отходим!

– Принято! 14:10.

Катера по Конке выскочили в Старый Днепр, там увалились по течению и, мимо Белогрудово, выскочили на главный фарватер. Затем крутой разворот, и нырнули в узкую Кошевую протоку. В Днепровском идет бой, поэтому, прикрываясь островом, катера на полном ходу проскакивают мимо. Их ДШК время от времени бьют по обнаруженным огневым точкам. Бронекатера идут замыкающими: у них ход больше, и так удобнее держать строй. От Петровского ударили немецкие «эрликоны», но били не по катерам, а по воздушному прикрытию. Проскочили это гиблое место. Потом заговорили немецкие минометы из Комышан. Катера пошли зигзагом, уклоняясь наудачу от мелких, но противных мин. На левом берегу обнаружили два пулеметных гнезда, которые в упор расстреляли пулеметчики катеров. Головной катер, выписав виртуозный поворот, уклонился от снаряда и влетел в речушку Веревчина, ткнулся носом в плавни. Летит сходяня, но десант сыплется на берег со всех сторон, кроме кормы. Бронекатера прибавили скорости, затем прижались к берегу, прикрываясь причалом силикатного цеха от огня бронеплощадки немцев. Моторы сотрясаются на реверсе, за борт летят «кошки», с помощью которых десант подтягивает катер к берегу и десантируется на него. Швартовы отданы, баковая башня ведет постоянный огонь по площадке, но снаряды рикошетируют от брони.

– Катужкой! Бей катушкой, пока подставился!

Снаряд ударился о броню и исчез. В наушниках Дмитрий услышал:

– И чаво?

– Давай еще раз! Пробитие! В паровоз!

Вот теперь видно! Густо повалил пар, бронеплощадка дернулась и попыталась отойти за поворот. Прошла нефтестанцию и встала. Лишившись поддержки бронепоезда, немцы стали отходить к мосту. Три бронекатера, без десанта, вошли в Карантинный ковш судозавода и открыли по ним огонь. Тем предстояло пробежать по дамбе к домам заводууправления, но шесть орудий и двенадцать пулеметов не давали такой возможности. Откуда ни возьмись, сзади в ковш влетает десантный катер, выписывая пируэты, проскакивает в узкий проход между молом и берегом, крутит крутую циркуляцию, отрабатывая левым движком назад, и влетает в Карантинную протоку, прикрываясь от огня зданиями завода, там замирает у причала. Дмитрий видит, как с него ссыпается группа.

– Козлы! Куда! – срывается он на крик. Захлопали гранаты, непрерывно грохочут несколько МГ. Кто по кому бьет, совершенно не понятно, с группой связи нет. Ясно, что это ребята Сагалаева – по номеру катера, Сага-лаев на запрос не отвечает. В этот момент звучит взрыв, мост падает в воду. Немцы на острове прекратили стрелять. Потом кто-то из них замаршал какой-то белой тряпкой. Бронекатеру в Карантинную не пройти. Дмитрий стоял у носовой башни и бил по ней кулаком.

– «Бекас», я – «Бекас-три», – послышался голос Сагалаева. – Начал отход от левого быка. Двое контуженных. Не успели.

– Антон! Ты дурак! Ко мне даже не подходи! По морде дам!

Катер отвалил от стенки и подошел к борту «БКТ-26». Антон перепрыгнул через леера.

– Старший лейтенант Сагалаев прибыл за «по морде».

– Че ты туда полез! Надо было на плечах противника идти!

– Второй пост был в здании заводууправления. Я туда шел в надежде, что удастся отключить схему. Но немцы убрали все оттуда. Тот майор был прав, что все, что он сейчас нарисует, будет немедленно изменено.

– Вот именно. Ладно, по коням! Снимать надо батальон с кирпичного завода!

Хрен там! У начальства совсем другая точка зрения, и батальон еще двое суток держал оборону на заводе и обеспечивал прикрытие переправы с Карантинного на правый берег. Затем их вывели из боя, поселив в трехэтажном здании школы на углу Гоголя и Декабристов. В тот день состоялся парад войск в честь освобождения города и годовщины Октября. Вечером состоялось «торжественное заседание», если его так можно назвать, в здании Херсонского Совета. Желтов, уроженец этих мест, по просьбе секретаря Николаевского обкома партии товарища Бутырина Сергея Ивановича, комиссара партизанского соединения области, пригласил отличившихся солдат, матросов и командиров на встречу с местными жителями. До этого тоже много говорили о зверствах немцев на оккупированной территории. Земли тут богатые, поэтому понаехали сюда немцы-колонисты и стали устанавливать собственные порядки. В перерывах между выступлениями награждали солдат и офицеров, затем застолье. Дмитрий вышел из здания Совета и пошел к себе. По дороге к нему подошла, укутанная в какое-то огромное пальто, женская фигура:

– У вас поесть не найдется, товарищ командир?

С собой ничего не было, но до дома, где разместился батальон, каких-то несколько шагов.

– Пойдем, покормлю.

Она молча двинулась за ним, шаркая сваливающейся обувью.

– Пропусти, со мной! – сказал он часовому.

Подскочил дежурный по батальону, но Дима отмахнулся от него:

– Происшествий нет?

– Нет, часть людей на митингах, остальные отдыхают.

– Кешу ко мне позови!

Прошли в его комнату. Он, включив свет, рассмотрел обноски, в которые была завернута женщина.

– Снимай и положи за дверью.
– Украдут!
– Они здесь никому не нужны. Умывальник справа в конце коридора, сейчас кушать будешь.

Прибыл Андрушко.

– Там от ужина что-нибудь осталось? Покормить человека надо. И с собой что-нибудь дать.

Вошла «гостья». После того как умылась, она оказалась молодой и красивой девушкой, точнее женщиной: грудь у нее была большая, а в районе сосков расплывались мокрые пятна. Кеша принес теплую картошку, хлеб, консервы, горячий чайник. «Гостья» молча и быстро орудовала ложкой. Было видно, что очень голодна.

– Благодарствуйте, товарищ командир. Денег у меня нет! – сказала женщина и попыталась начать раздеваться.

– Дура, что ли? Ребенок где?

– Фриц? Дома, в подвале, холера его заberi! – злобно сказала она. Это было немного неожиданно для Дмитрия, и он переспросил, в чем дело.

– Немец ссильничал, потом несколько раз полицаи, вот и понесла, – разревелась гостья.

– Зовут тебя как?

– Вероника.

– Кеша! Найди Веронике шинельку и ватник. И вещмешок дай.

– Товарищ командир, а закурить не будет?

– Найдем! На, кури.

Та жадно раскурила папироску, рассказывая о житье-бытье в оккупированном Херсоне. Дом сгорел, живет в погребе с ребенком и матерью. Стала проситься в батальон, так как местные ее шпыняют, называя «овчаркой», хотя немцам она не служила.

– Не возьмут тебя, ты – кормящая мать. Сходи в райсовет и получи карточки на себя и ребенка. Ты местная?

– Местная.

– И на работу устройся. Город надо восстанавливать, рабочие руки нужны. А солдат из тебя никакой. Нет у нас в батальоне женских должностей.

Все пять дней, пока батальон стоял в Херсоне, Вероника приходила вечером на камбуз и уносила домой остатки матросского ужина. Показала рабочие карточки, отмылась, стала напоминать женщину. Помогала Кеше, коку Рахмонову и наряду убираться на камбузе, чистить картошку, но очистки заботливо укладывала в сумку и уносила домой.

Фронт и флотилия удостоились отметки в приказе Верховного, был упомянут и отдельный разведбат ДВФ. За освобождение Херсона Дмитрий получил Красное Знамя. А Колчин и Сагалаев звезды Героев. Камков продолжал наступать на Николаев и, получив от 51-й армии дивизию, начал движение на Кривой Рог. Затем Малиновский, правильно рассудив, что немцы в этих условиях форсировать Днепр не станут, снял полностью армию Ивана Шепетова с позиций и ввел ее в прорыв, усилив ее 1-й танковой армией Катуква. Основным направлением удара стала узловая станция Знаменка. Вторая гвардейская наступала от Днепропетровска и Запорожья, стремясь разрубить 11-й армейский корпус Карла Штреккера пополам и уничтожить его. А флотилия усиленно трала Бугский лиман, готовясь к высадке десанта в Николаев, где находились крупнейшие доки в СССР. Флотилия действовала вместе с Черноморским флотом, готовилось три десанта: от ЧФ, от ДВФ и от 18-й десантной армии. Самое активное участие приняло командование вновь сформированной Одесской военно-морской базы. Взаимодействие с Черноморским флотом было отработано еще в 42-м году. Значительно пополнили парк десантной техники. Большую ценность представляли собой цехи и доки Морза-

вода, крупнейший в СССР элеватор, склады броневых листов, которые немцы еще не успели вывезти, так как мосты через Ингул и Южный Буг в Трихатах были уничтожены во время летнего наступления. Подготовка осложнялась холодной погодой и шугой, идущей по реке и забивавшей кингстоны мелкоосидающих катеров. Часть катеров и монитор «Железняков» в Херсоне срочно обшивали буковым лесом, что повышало прочность бортов и позволяло работать в небольшом льду. Но мотористам приходилось совсем несладко: каждые полчаса или чаще чистить лед, налипший на сетки кингстона. В лимане обнаружили много неконтактных мин. Траление производилось в основном ночью. Но немцы забросали ими только главный фарватер, поэтому корабли Дунайской флотилии проходили довольно свободно. Как только 18-я и 51-я армии перерезали последнюю железную дорогу в Новом Буге, дали команду на высадку: отдельный батальон Дмитрия высаживался на Морзаводе, отдельный 384-й батальон морской пехоты должен был скрытно захватить элеватор в порту и разминировать его. Посадку производили в Широкой балке. До траверза Лупарево отряд лейтенанта Ольшанского тащили на буксире катера флотилии, там отдали буксир, и отряд перешел на весла. Погода мерзейшая: туман, из которого сыплется не то изморозь, не то дождь, шуга. Отряду предстояло пройти на веслах шесть миль против течения, тихо, чтобы не насторожить противника. Незаметно проникнуть в охраняемое здание элеватора, разминировать его, и «продержаться до подхода основных сил» – обычная формулировка для десанта. В состав отряда передали саперов и две группы разведки из третьей роты. Батальон Матвеева высаживался выше по течению в трех милях в ковш Морзавода, двумя волнами на бронекатерах – у них скорость больше, но весь батальон они взять не могут. По данным разведки, заминирован пока только док, точнее его ворота, идет завоз взрывчатки в цеха, которые не успели взорвать в сорок первом. Батальон начинает движение по сигналу группы Ольшанского. К ним на усиление готовятся два батальона 14-й гвардейской дивизии.

Вернулись бронекатера от группы Ольшанского, батальон погрузился и смешанной группой выдвинулся к Лупарево, легли в дрейф в ожидании сигнала. Туман становился все гуще. Катера начали обледеневать. В 04:15 Ольшанский подтвердил высадку, через час дал сигнал, что можно начинать движение. Полный ход дать не удалось, получилось чуть больше пятнадцати узлов минус течение! На траверзе Галицыново услышали взрыв, а через некоторое время звуки разгорающегося боя. Лоцман на лидирующем катере дал полный, несмотря на туман, остальные катера прибавили тоже, ориентируясь по кильватерной струе. Впереди песчаный мыс и небольшая отмель – нужно попасть посередине. Ход двадцать узлов, при видимости менее кабельтова. Неожиданно справа показался мыс с краном. Проскочили! Дмитрий командовал высаживаться на достроечную стенку и в малый док. А из ковша выскочил «шнелльбот», и бронекатера вступили с ним в огненную дуэль. Завершив циркуляцию, высадили десант в полуковше у пятого цеха. Пришлось карабкаться по высокой причальной стенке! Темп высадки потерян, выгрузить боеприпасы невозможно.

Наконец, лидирующий катер подал сигнал ревунотом, что нашел подходящую площадку. А на реке крутилось уже три немецких катера, таякая 20-миллиметровыми орудиями. Дмитрий недовольно сморщился, видя, как мажут наводчики 1124-х. Наконец, накрытие, немец увалился на циркуляцию и вышел из боя, скрывшись в тумане, два других последовали за ним. Закончили высадку, но десант уже ведет бой с охраной завода. Но минеры работают, как в цехах, так и на доке. Третья рота ворвалась в первый цех, он самый большой. Там режут металл, гнут его и подготавливают для установки заклепок. Кругом ящики со взрывчаткой, мешки с ней и противопехотные мины. В основном не снаряженные, но наверняка есть и установленные. Саперы начали разгадку этого ребуса, а бойцы роты выносят мешки со «Шпренгкорпер 88» и сбрасывают их в реку. Через час услышали сильную перестрелку из орудий ниже по течению. Начали подходить бронекатера, два из них дымилось, но пожар был уже потушен.

Шесть катеров Дмитрий не отпустил, а оставил прикрывать десант. На весь батальон двадцать противотанковых ружей. Два из них уже потеряно.

Территория завода захвачена, плацдарм расширен до ближайших домов. Появились добровольные помощники – таскать тяжелые мешки со взрывчаткой. На танкоопасных направлениях уложили немецкие ящики с толом и создали несколько управляемых полей. Теперь дело за 14-й дивизией и за немцами. У Дмитрия отличный НП на самом краю достроечной стенки, просто дот! Да еще и отделанный толстенной броней. В 08:40 немцы провели первую атаку, очухались от неожиданности. Они ударили от станции Судостроителей – до роты пехоты, подержанной тремя новыми «четверками». Смогли подойти до стрелки и там остались. Противник недооценил численность десанта. Затем справа, от Кульбакино, заговорили немецкие 150-мм орудия, но корректировщиков быстро засекли и уничтожили, поэтому плотного огня у немцев не получилось. Немцы пытались бить по цехам, где, как они думали, лежали запасы тола и гранатфюллонга, и они пытались сдетонировать взрывчатку. А третьей волны десанта не было! Горшков передал, что третья волна в тумане вылетела на мель, снимают, по готовности пойдет наверх. Сначала 14-я дивизия высадилась в порту у элеватора: от группы Ольшанского за сутки боев осталось шесть человек. У Димы чуть лучше: триста сорок семь. Чуть больше трети батальона. Его погрузили на катер, с тремя ранениями, и доставили в Херсон. Сделали уколы, и он потерял сознание. Очнувшись, прочел письмо мамы: «Я все сделаю, написала письмо в Краснодар». Месяц валялся в госпитале. Ранения были сквозными, только один осколок от кумулятивного 88-мм снаряда застрял между ребрами. Ими пробили башню у достроечной стенки. Николаев взят, но Дима потерял много крови. Весь НП батальона был уничтожен противником. Броня полной защиты не дает. Несколько последних дней в госпиталь приходила Вероника:

– Товарищ комбат! Возьмите меня в батальон!

Он улыбался и отказывал. Выписка состоялась за день до Нового года. Получил свою форму – выстиранную и поглаженную, забрал справку, на выходе его ждала Вероника.

– Мама приглашает, товарищ майор. Мы крышу починили, у нас новоселье. И вообще, вы нам жизнь спасли. Пойдемте, тем более что вас никто не встречает.

Чуть прихрамывая, прошел два квартала: старый, еще дореволюционной постройки, «одесский» дворик с очень шумными соседями. Вывешенное белье и куча криков, с одесским выговором. Собрались все! Довольно долго ждали какую-то тетю Степу, у которой никак не закипало какое-то блюдо. Вероника села рядом с ним, с каменным лицом. Постепенно самогон и две бутылки водки разговорили всех. Посыпались взаимные претензии, характерные для жителей маленьких городков. Вероника активно огрызалась от претензий. Затем объявили танцы, и о грудь Дмитрия, украшенную шестью орденами и Золотой звездой, стали тереться весьма солидные бюсты энного размера. Было видно, что Нику это бесит и не устраивает. В конце концов она сказала, что это ее гость, и что он много сделал для их семьи. Дамы хищно улыбнулись, и праздник закончился.

– Тебе это надо? – спросил Дмитрий.

Вероника зарделась и ответила:

– Нет, я этого очень боюсь!

– Ну, а какой смысл был отвоевывать меня?

– Не знаю, просто захотелось, чтобы вы на час, на миг, на день были бы моим. Вы уйдете, я не смогу вас удержать, но это останется со мной.

А Фрица в тот день она впервые назвала Федором.

Ее мама предусмотрительно ушла ночевать к соседке, от Ники пахло молоком и уютом. Утром Дима проснулся, посмотрел на разметававшиеся по подушке длинные волосы Вероники, аккуратно снял ее руку с себя и встал. Кровать предательски заскрипела. Тут же проснулась Ника:

– Вы куда?

– Мне пора!

– Не уходите! Вам же отпуск положен по ранению, я знаю!

– Его еще получить надо! И надо съездить в Краснодар и в Пермь. Сын у меня в Краснодаре, чуть старше твоего.

– И жена?

– Жены нет, убили ее.

– Везите сюда, Дмитрий Васильевич. Где один, там и второму место найдется.

Он посмотрел на жалобное лицо Вероники, понимал, что она хочет, чтобы он остался и навсегда. Она красива, у нее красивое тело, что ее и подвело, красивые темные волосы, выразительные глаза, готовые в данный момент разреветься. Всем в этом страшном мире войны хочется хоть какой-то уверенности в завтрашнем дне.

– Я подумаю, обещаю. А там как получится.

Захныкал Федор, Вероника накинула длинную ночную рубашку, показав всю себя: темный треугольник волос, красивые ровные бедра, большую набухшую грудь – и пошла кормить сына. Дмитрий тоже оделся.

– Чаю попейте, подождите, я сейчас поставлю! – Она выскочила на кухню вместе с ребенком, довольно долго гремела керосинкой. – Сейчас-сейчас!

Ей не хотелось, чтобы он уходил, она понимала, что это может быть навсегда, и хотела оттянуть расставание. Дмитрий развязал вещмешок, достал оттуда буханку хлеба и банку тушенки, полученные в госпитале при выписке, положил на стол. Вошла Вероника, по щекам у нее текли слезы. Дмитрий уже был в черной шинели.

– Ну, куда ж вы, не позавтракав!

Дмитрий поцеловал ее, тронул за щеку присосавшегося малыша.

– Я подумаю о твоём предложении, а сейчас мне надо идти! Я должен был быть еще вчера в штабе флотилии.

– Подождите, сейчас, я провожу! – она положила сына в кроватку, накинула ватник на плечи и надела сапоги. Спустились по скрипучей лестничке во двор.

– О господи! Почту, полевую почту не записала!

Дмитрий написал номер полевой почты на снегу, лежавшем на подоконнике соседской квартиры. Ника повисла у него на шее и тихо всхлипывала. Еще раз поцеловав ее, Дмитрий отстранил Нику, повернулся и пошел через двор на улицу. Из соседних окошек высунулись лица вчерашних кумушек-соседок:

– До свидания, товарищ майор!

Дмитрий свернул на улицу и пошел в сторону порта. Ему требовался комендант, чтобы узнать, где находится штаб флотилии. Комендант сказал, что в Николаеве, а у причала катер, вышедший из ремонта, идет туда. Комендант выписал требование и по радиостанции задержал катер. Дмитрий спустился к причалу, там, с работающими двигателями, стоял бронекатер «БКТ-26». На причале – швартовная команда. Дмитрий аккуратно перенес левую ногу через леера и прошел в рубку.

– А где Антонов? – спросил он молодого незнакомого лейтенанта, передавая предписание.

– Я за него, нет больше Антонова, – и он показал свежеекрашенную заплату в рубке. – Мы только с ремонта, в Николаеве катер получил пятьдесят шесть попаданий. Месяц ремонтировались. Лейтенант Кравцов, – представился он.

– Вот и я месяц ремонтировался, после Николаева.

Рывкнул ревун, давая отход, отданы концы, а на деревянном трапе от комендатуры появилась Ника, отчаянно махающая рукой. Она немного не успела. Катер выписал циркуляцию,

круто накренившись на борт, справа скрежетнула кремальера, и в рубку протиснулся «мех», старший лейтенант Бородин, обтирая руки ветошью.

– Здравия желаю, товарищ майор! С возвращением!

– Здорово, Николаич! Живой?

– А что нам будет! Вот командира убило. И двенадцать человек из экипажа. Еле-еле дочапали. Алексей! Сбавь обороты! Я же просил не газовать пока!

Мимо проплывал Карантинный остров. Дмитрий услышал, как Кравцов спросил у «меха», кто такой майор. «Большой начальник! Это начальник разведки флотилии, Герой Советского Союза майор Матвеев, слышал?» Лейтенант взглянул на улыбнувшегося Дмитрия.

– Я только из училища, товарищ майор.

– Ну, видишь, как повезло, только из училища, и сразу командир корабля!

– Корабль! Четвертого ранга! Больше корыто напоминает!

– Эх, молодо-зелено, Николаич! Им бы всем линкоры водить! А тут – речной танк подсунули!

– Вот именно! Пойдемте, товарищ майор, в каюту провожу. Отдохнете! – сказал механик.

Дмитрий пожал плечами, но потом подхватил свой вещмешок и пошел за старшим лейтенантом. Спустившись вниз, тот открыл дверь в каюту и пригласил Дмитрия пройти. Затем залез в рундук, достал фляжку и два стакана, тарелку с хлебом, огурцом и кусками отварной говядины.

– Мишку помянем, какой командир был! – он плеснул немного себе и полстакана майору, присел на баночку у столика.

– Бой был страшный, товарищ майор! Четыре длинноствольных танка, а нас трое. Ох и покрутиться пришлось! Брони-то у нас практически нет, одно название. Только башни бронированы. Хорошо туман, так удавалось прятаться. Выскочим, жажнем и обратно. А они по нам! Все изрешетили. Но крепок! Ох, крепок, катеришко! Еще по одной, за вас и ваш десант, и побегу, а вы кушайте! Похудели!

Отдохнуть не удалось! На переходе катер был атакован «Мессершмитами», но свой первый бой лейтенант Кравцов провел вничью: бомбы упали мимо, попаданий не было, пулеметчики тоже ни один из пары не сбили. «Все – вернулся на войну!» – подумал Дмитрий, стоя в боевой рубке. Через час они были уже у причала, Бородин дал матроса проводить Дмитрия до штаба флотилии. Тот располагался на улице Дзержинского в небольшом здании какой-то конторы, видимо, таможни, но кроме следов вывесок, на нем никаких надписей не было. Кроме: «Проверено, мин нет». Прошел в свой отдел. Его замещал капитан-лейтенант Гольцов из оперативного отдела. Они обнялись.

– Сергей Георгиевич будет через час, уехал на какое-то совещание. А нам сказали, что вы умерли в госпитале. В левом ящике стола ваши письма. В отпуск поедете?

– Если отпустят...

– Это да!

– Что с батальоном?

– Пополнен до штатной численности, но работает пока одна рота. Остальные учатся.

– Из командиров кто остался?

– Сагалаев. И Архипцев написал, что выписывается 2 января. Остальные новые.

Дмитрий достал письма, ему не терпелось узнать, где сейчас Сашка, и удалось ли матери получить проездные документы. Писем было пять, четыре от раненых бойцов и командиров и одно от матери. Его он развернул первым. Внутри лежал бланк официального ответа из дома малютки: «Ваш внук передан на воспитание гражданке Ивановой С. В., проживающей в Крыму, в городе Севастополь». И никакого адреса не было! Даже имени и отчества! Блин! Отдали на деревню дедушке! Где искать эту гражданку Иванову? Черт знает что! Он уже смирился с мыслью, что если матери не удастся поехать в Краснодар, то он съездит туда и передаст

ребенка Нике: у нее есть молоко, перевести аттестат на ее имя – небольшая проблема. Квартира есть, две комнаты, пусть маленькие и после пожара, но Ника и Евдокия Николаевна натаскали из развалин мебель, постельные принадлежности, посуду. Соседи поделились одеждой. Ника носила уже платья, а не обноски. А тут такая задница. Он сел писать письмо в дом малютки. Затем забежал в строевой отдел и оформил официальный запрос, заверенный печатью штаба, и отправил его. Тут подъехал Горшков. Майор зашел доложить.

– Товарищ контр-адмирал, майор Матвеев прибыл из госпиталя после ранения.

– Чудны дела твои, господи! А у меня справка из госпиталя, что ты умер от ран! Мы тут тебе вторую звезду выбили, посмертно, а он живой, сукин кот! – маленький Горшков обнял Дмитрия, похлопывая его по спине.

– Арсений! Ну-ка, сообрази что-нибудь! Вот, Дмитрий Васильевич, смотри! – он передал справку из госпиталя, в которой говорилось о его смерти. Дмитрий вытащил свою и сличил их.

– Год рождения не мой, и номера воинских частей на печатях разные. Только звания и фамилии совпадают.

– Это эвакуогоспиталь 18-й армии. А ты где лежал?

– Во фронтовом.

– Ладно, Арсений, – позвал он еще раз адъютанта, – верни эту справку в 18-ю армию, пусть найдут воинскую часть этого Матвеева. Ну, Дмитрий Васильевич, прощу к столу!

Через некоторое время Дмитрий задал вопрос об отпуске.

– Не ко времени это, конечно, Дмитрий. Надо восстанавливать батальон, а кто, кроме тебя, сделает это лучше. Ставка и Малиновский хотят освободить Одессу. Малиновский – одессит. Вишь, как получилось: ночью все прошли, а днем заплутали и все сорвали по срокам.

– У меня тут семейная проблема, – и он показал ответ из дома малютки.

– Ты об этом! Не беспокойся, он в хороших руках. Все же думали, что ты погиб. В общем, его усыновили одни очень хорошие люди.

– Но я же живой!

– Живой, живой. Тут с кондачка так сразу не решить, майор. Мне посоветоваться надо.

– То есть вы знаете эту Иванову?

– Да, знаю. Ребенок твой, как за каменной стеной. За него не беспокойся. Кто ж знал, что это ошибка. Да и куда ты его сейчас денешь? И фамилию ему твою оставили.

Тут до Дмитрия дошло!

– Красовская?

Сергей Георгиевич прикрыл глаза и мотнул головой.

– Понимаешь, у Филиппа Сергеевича детей быть не может, вообще, врачи в свое время залечили. А тут такое дело: влюбился он в молодую, красивую и очень властную женщину. Она из него веревки выет. И здесь его в оборот взяла. Я уж не знаю, что у вас с ней было, но как только она узнала, что ты погиб, она в самолет, и в Краснодар, назад вернулась с ребенком и поставила вопрос ребром. А мне очень не хочется делать ему больно. Да и тебе лучше, чтобы он пока побыл там. Куда ты его? Ты ж на фронте, а тут, как ни планируй, все равно от судьбы никуда не денешься. Отпуск дать могу, но если пообещаешь мне в Севастополь не ездить.

– Ох, Сонька-Сонька! У нас с ней никогда ничего не было. Только, что всю войну в одном подразделении служили. А так нет, ничего.

– Октябрьский очень ревнив, не надо давать ему повода.

– Я понял, война кончится – будем разбираться. А сейчас я хочу в Феодосию съездить, к Десфине, Сергей Георгиевич.

– Отказать не имею права, но прощу: в Севастополь ни ногой! Пусть пока там никто ничего не знает. Договорились?

– Договорились!

Но человек предполагает, а судьба располагает. Через три часа, вместе с Горшковым, Дмитрий летел в Каховку, в штаб фронта, с ними вместе летел и Гольцов, но отпуск, похоже, накрылся медным тазом. Хотя приказ о нем, сроком на десять суток плюс дорога, лежал в кармане кителя у Матвеева. Малиновский все старые обиды забыл и вычеркнул из памяти: батальон Матвеева – гордость не только Дунайской флотилии, но и всего 3-го Украинского фронта. Так получилось, что живым десанникам звания Героев не достались, все награждены посмертно, а шестеро живых из группы Олышанского – лежат в госпиталях. Под рукой оказался только «оживший» Матвеев. С ним и сфотографировался уже генерал-полковник Малиновский, вручив Дмитрию вторую Звезду. Заметив, что Дмитрий сильно прихрамывает, Родион Яковлевич распорядился отправить его в Ялту, в санаторий ВВС, на отдых и продолжение лечения. К тому же передал ему, вспомнив давнишние проделки с транспортом, новенький «Додж». Обласканный начальством, с новым отпуском, уже на месяц, после совещания Дмитрий отправился в Крым, предварительно основательно «ограбив» фронтовой вещевой склад, так как имел предписание об этом от командующего. Все свое было в Николаеве. Двое суток он добирался дотуда. Особенно тяжелый участок был от Каховки до Приветного. Руль можно было не держать: колея такая, что выскочить из нее невозможно. И по степи не поедешь, кругом минные поля, работает целая армия саперов. Так шестнадцать часов и двигался в колонне. Дальше чуточку проще, и дорога получше, но все равно медленно. Зато после Симферополя дорога оказалась свежееуложенной, довольно хорошо отремонтированной. Только постов НКВД и «комендачей» было выше крыши! Очень тщательно проверяли документы. Причину такой бдительности он понял уже в санатории. В соседней Ливадии было полно американцев, англичан и наших. Поговаривали, что там что-то важное происходит на самом высоком уровне. На рейде Ялты стоял линкор «Севастополь», два крейсера и несколько эсминцев. В Курпаты направили в объезд через Горное. Немного поплутав по незнакомым улицам, дважды заехав в тупики, наконец, добрался до санатория. Сдал документы и завалился спать.

Санаторий забит ранеными летчиками, но в палатах не более двух человек. Соседом оказался майор Виктор Кана-рев, командир 5-го минно-торпедного полка. У него тоже конечность повреждена и обожжена рука. Рука уже зажила, а ногу ему разрабатывают из-за сложного растяжения.

Смеется, что все травмы получил на родном аэродроме.

На второй день все забегали и засуетились. Всем ходячим вместо халатов приказали надеть форму и все ордена, тут и выяснилось, что в санатории «живой дважды Герой». До этого особо никто не спрашивал, а Матвеев молчал. Санаторий посетили Сталин, Черчилль и Рузвельт. Вместе с ними были и вице-адмирал Октябрьский с Остряковым, командующим авиацией ЧФ. Адмирал изумленно уставился на него, затем представил его Сталину и остальным:

– Начальник разведки Азовской и Дунайской военной флотилии, дважды Герой Советского Союза майор Матвеев, Дмитрий Васильевич. Участник Керченского, Сивашского, Мариупольского, Днепровского, Херсонского и Николаевского десантов. Один из лучших офицеров флота, товарищ Сталин.

Черчилль встал рядом, и снизу вверх посмотрел на Дмитрия.

– Он просто русский богатырь! – перевел переводчик слова премьера. Затем Черчилль повесил на грудь Дмитрию какой-то орден или медаль, потом американцы сделали то же самое. Награждали всех, кто оказался в этот момент на излечении. У них есть специальные медали для этого, за ранение. У нас полагаются только нашивки, у Дмитрия их три: две красных и одна желтая. Представление окончилось, делегация уехала. Офицеры с интересом рассматривали иностранные награды, пытаясь прочитать, что написано. Пятицветная ленточка, которую дали англичане, с орлом и знаменами, выглядела симпатичнее фиолетовой американской медали. К Матвееву подошел уже капитан 2-го ранга Касатонов.

– Товарищ майор! Филипп Сергеевич приказал вам прибыть в Ливадию, вас Верховный вызывает! Машина у здания.

– У меня своя.

– Вашу не пропустят.

– А потом шкандыбать с раненой ногой обратно? Доеду, куда пустят.

Он прошел до «Доджа», сел в него и поехал за «Виллисом» с Касатоновым. За развилкой за Ореандой его, действительно, остановили. Он поставил машину на посту, пересел в «Виллис» к Касатонову.

Октябрьский протянул ему руку, поздоровались.

– А мы тебя, считай, похоронили. Супруга моя очень убивалась по этому поводу. Как так получилось?

– Ошибка в эвакогоспитале 18-й армии. Ранение тяжелое, но умер от ран не я, а какой-то другой Матвеев, года рождения разные.

– Твой сын у нас, мы его усыновили. Потом поговорим, тебя вызывают на самый верх. Пойдем! – и внимательно осмотрел его форму. Они находились в здании санатория Наркомзема, вышли оттуда и перешли в Большой дворец. Матвеева и Октябрьского обыскали, затем разрешили войти внутрь. Там довольно долго пришлось сидеть в ожидании. В помещении никто не разговаривал. Где-то через полтора часа подошел офицер НКВД и пригласил с собой Матвеева. Его провели в Итальянский дворик дворца, где в тот момент находились три лидера и их переводчики. Кроме них присутствовали один английский, один американский генералы и маршал Шапошников. Все сидели и о чем-то разговаривали.

– Подойдите и представьтесь! – тихо сказал офицер охраны.

Дмитрий доложил, что прибыл по приказанию. Разговор прервался. Рузвельт заговорил, обращаясь к Дмитрию, но постоянно, в конце каждого предложения, поворачивал голову к Сталину. Переводчик начал переводить:

– Нам сказали, что вы участвовали в большинстве крупных десантов, проведенных Красной Армией в сорок первом – сорок втором годах. Это так?

– Так точно!

– Все десанты были удачны?

– Так точно.

– В качестве кого вы десантировались?

– От члена разведгруппы до начальника разведки Азовской и Дунайской флотилий.

– Вы принимали участие в подготовке таких десантов?

– Так точно, я принимал участие в разработке таких планов во всех десантах, начиная с форсирования Сиваша. К разработке десанта в Крым я отношения не имел, но наша группа уточнила место первой высадки и обеспечила захват и удержание основного плацдарма.

– Ваша личная роль в этих десантах?

– Захват и удержание основного плацдарма.

– Вы не могли бы назвать основные сложности, с которыми вы сталкиваетесь в этот момент?

– Отсутствие десантных средств, могущих доставлять на плацдарм танки одновременно с высадкой первой волны десанта.

– И все? И как вы решаете эту проблему?

– Нас поддерживают бронекатера, имеющие две танковые пушки, проектов 1124 и 1125.

– Потери большие?

– Обычно нет, но в последнем десанте были большие, так как из-за тумана задержалась высадка основного десанта.

– Чем закончился десант?

– Успешно захватили город Николаев, предотвратили взрыв и разрушение двух важных объектов – судостроительного завода и крупного элеватора.

– Поэтому вы в санатории?

– Так точно, три ранения, долечиваю ногу.

– Разрешите? – спросил американский генерал у президента.

– Да-да, господин генерал!

– Генерал Эйзенхауэр, командующий американской армией в Европе. Скажите, майор, у вас всегда десант проходит в несколько волн?

– Так точно! Во-первых, так меньше потерь, во-вторых, есть возможность перебросить войска в направлении успеха.

– Используете специальные части?

– Так точно! Войска первой волны подготовлены специально и имеют специальное вооружение.

– Какое?

– Большое количество ручных пулеметов и снайперских винтовок, обучены рукопашному бою, штурму зданий, саперному делу, большое количество радиостанций, в первую волну обязательно входят минометчики и противотанкисты.

– Мы могли бы поприусловствовать на тренировках таких подразделений?

– Я не могу ответить на этот вопрос, товарищ... господин генерал. Это находится выше моей компетенции.

– Я понимаю, поэтому адресую его вашему командованию.

– Мы думаем, генерал, что мы сможем предоставить вам такую возможность! – ответил Сталин. Указав концом трубки на Дмитрия, сказал: – Вы свободны, товарищ майор, подождите в приемной.

Дмитрий отдал честь и развернулся на выход.

– Что там? – тихо спросил адмирал.

– Спрашивали о десантах, Верховный попросил подождать его.

– Больше ничего?

– Американцы хотят посмотреть на подготовку батальона.

Они опять замолчали. Прошло еще два часа, прежде чем в приемной появился Сталин. Адмирал и майор вытянулись.

– Товарищ Октябрьский, вы свободны. Товарищ Матвеев, прошу пройти со мной.

Он вошел вслед за Сталиным, который прошел к столу и начал листать какие-то документы, находившиеся в папке.

– Интересно! Присаживайтесь, товарищ Матвеев, – он указал на стул в конце стола. – Когда вы сможете показать нашим союзникам своих людей?

– Через месяц примерно, товарищ Сталин. Батальон понес серьезные потери, и сейчас пополнен. Но 35 % осталось старого состава, поэтому за месяц успеют подготовить. Но можно показать только эти 35 %. Провести ротные, а не батальонные учения.

– Вы понимаете, о чем идет речь?

– Видимо, о Втором фронте, товарищ Сталин. Не о консервах, а о высадке в Европе.

– Именно так, товарищ Матвеев. Британцы упорно оттягивают сроки высадки, ссылаясь на сложность операции. Американцы согласны ускорить этот процесс. Вам необходимо показать им, как вы готовите десанты, например, на примере Одессы. Вот такую задачу мы ставим перед вашим фронтом и флотом. Вы понимаете меня?

– Так точно!

– Совершенно не достаточно просто показать подготовку войск. Нам нужен успех, успешный десант в Одессу и разгром румынской армии под Одессой.

– Товарищ Сталин! Фронт пока только под Березанью. И там немцы, а не румыны. Румынские части тоже есть, но их немного.

– Вы считаете, что высадка в Одессе и удар в тыл немцев не решит эту задачу?

– Так точно! Мы не сможем обеспечить десант ни плавсредствами, ни снабдить его в должном количестве боеприпасами.

– Спасибо за откровенность, товарищ Матвеев. Как вы считаете, сколько тоннажа нам недостает, и какого?

– Я уже говорил, товарищ Сталин, что требуются десантные корабли, могущие перевозить танки. Кроме того, требуются тяжелые истребители, способные предотвратить разгром десанта в море авиацией. Требуемый тоннаж: тридцать-сорок кораблей типа Марк-1, если не сделали более вместительных, это по тому, что давали нам в училище.

– Спасибо, товарищ Матвеев. Вы свободны!

Было видно, что Сталин раздражен ответами, и потянулся к трубке телефона. На выходе офицер НКВД остановил майора и напомнил ему о секретности разговоров с Верховным.

– Вас понял! Не было никаких разговоров.

На выходе его встретил Касатонов:

– Товарищ майор, вас ждет адмирал.

Матвеев вздохнул и пошел за ним. С кристально чистыми глазами соврал начальнику, что Верховный интересовался службой и просил подготовить учения, сроки будут названы позднее. Кроме того, интересовался семьей, партийностью и другими личными вопросами. Октябрьский посерел при упоминании о семье.

– Ладно, майор, продолжайте свой отпуск и лечение. Далеко от санатория не уходите, вдруг понадобится!

Уходя, Матвеев услышал бурчание адмирала: «Врет, стервец!» Следующий день прошел спокойно, в санатории он вообще не поделился, где был. Сходил на процедуры, повалялся в грязи: ту самую грязь из Евпаторийских болот, оказывается, используют для лечения! Правда, предварительно нагревают, а Матвеев вечно лез в холодную! Видимо, поэтому то шерсть вылезает, то хвост отваливается! Вечером вышел за территорию, купил сухого крымского, здесь оно на каждом шагу продается, фарфоровую кружку с носиком, и пошел по дороге мимо санатория наркомата горной промышленности в гору. Врачи рекомендовали так разрабатывать ногу. Мимо проскочил «Виллис», затем резко затормозил и поехал рядом. За рулем сидела Соня!

– Садись! – она уже не в форме, так что не прищучишь.

– Куда летишь?

– Держись, у меня мало времени! – крутнувшись по серпантину, она отскочила в соседний поселок Гаспра, покрутилась по каким-то переулкам и остановилась возле небольшого домика.

– Открой ворота!

Дмитрий вылез и вытащил щеколду из ворот, «Виллис» заехал во двор.

– Закрывай!

Она загремела ключами и открыла дверь.

– Заходи!

Дима зашел. Соня спичками зажгла лампу, затем взяла его за руку и куда-то повела. Оказалось, спальня! Она поставила лампу и стала снимать полушубок.

– Где мой сын?

– В Севастополе. Я чуть не умерла, когда узнала, что тебя нет.

– Откуда ты знала, что он в Краснодаре?

– Я была в Феодосии в ноябре. Хотела увидеть Десфину. Там и узнала. Я усыновила его, как только узнала, что ты погиб. Теперь я – его мать, мать твоего сына. Но вот беда! Я никогда

не спала с его отцом! – и она расстегнула юбку, которая упала на пол, и переступила через нее. Она подошла к Дмитрию и требовательно стукнула его лбом.

– Верни мне сына! Ты замужем, и будь со своим мужем, – включив фонарик, он вышел из комнаты и дома. Сзади раздались всхлипывания, но он не обращал на них внимания. Забрав из машины вино, вышел из дома через калитку и пошел вниз по улице.

«Чертова кукла! Вечно лезет во все дырки!» – вспоминая, как она его подставила с Мехлисом, думал Матвеев. И сейчас намечается большой скандал с начальством, и тут же появляется эта особа и доводит все до абсурда! Пришлось топать по дороге вниз километра четыре, если не пять. Вино он допил, а когда вернулся в санаторий, ему передали пакет, заставив расписаться в получении.

В пакете лежал пропуск на машину и приказание прибыть в Ливадию к двум часам.

Оставалось три часа, Дмитрий еще раз выгладил и вычистил форму. В городе комендантский час, но предъявленный пропуск действовал, его выпустили на машине из санатория. Доехал до Ливадии, там к нему подсел солдат НКВД и показал «его» место на стоянке. На входе попросили сдать оружие, лейтенант присвистнул, глядя на гравировку, и показал ее другому офицеру. Отдали честь и даже не обыскивали, просто спросили: «Все?» Прошел в знакомую приемную, предъявил бумагу и удостоверение личности. Попросили присесть, но буквально через несколько минут указали рукой на дверь:

– Входите!

В кабинете довольно много людей: американцы и наши, человек восемь. Застыл у дверей, так как самого Сталина не было. Через некоторое время Шапошников обратил на него внимание:

– Чего застыл? Проходи, садись, – и указал место у края стола.

Через десять минут все встали: вошел Сталин, и вкатили коляску Рузвельта. Ее поставили рядом с креслом Сталина.

– Докладывайте, Борис Михайлович.

– Министр иностранных дел Турции господин Менеменджи-оглы уведомил Правительство СССР, что Правительство Турции не возражает против прохода военных кораблей СССР через черноморские проливы в уведомительном порядке. Он также подтвердил, что Правительство Турции разорвало дипломатические отношения с Германией и странами-сателлитами Германии. Таким образом, наши совместные усилия увенчались успехом. Однако премьер-министр Иненю по-прежнему не считает возможным вступление Турции в войну на стороне Объединенных Наций и придерживается политики нейтралитета.

– И вашим, и нашим! – резюмировал Сталин. – По второму вопросу, Борис Михайлович?

– Здесь присутствуют все непосредственные исполнители: подполковник Матвеев, полковник Траскотт, майор О’Дерби и переводчик капитан Никонов. Они готовы вылететь в Николаев.

– Товарищ Матвеев! Вы помните, о чем мы с вами говорили?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Покажите все, на что способны ваши бойцы. Это имеет стратегическое значение! Вы хотите что-нибудь добавить, господин президент?

– С апреля сорок второго года, господа, здесь, в Крыму, проходит важнейшая по своему значению стратегическая операция, в результате которой Германия и ее союзники на всю глущину доступны для нашей тяжелой авиации! Сегодня мы начинаем новую совместную операцию, целью которой является высадка нашей армии в Европе. И я в восторге оттого, что Советский Союз нашел силы и средства оказать нам помощь в подготовке такой операции. Успехов, господа! – во время речи президента встали два американских офицера.

К Матвееву подошел Шапошников и вручил ему пакет:

- Вскроете в самолете! Борт и прикрытие в Рейзендорфе. Свободны!
- Есть.

Такие же пакеты получили и американцы, но из рук генерала Эйзенхауэра. Дмитрий, выйдя из кабинета, чуть не расхохотался от спектакля, устроенного в честь союзников, где ему выпала роль статиста. Вслед за ним вышли американцы, откуда-то сбоку вынырнул щеголевато одетый капитан, который представился Никоновым.

- Полковник Траскотт, командующий специальными силами армии США.
- Майор О’Дерби, командир первого батальона рейнджеров армии США.
- Майор, наверное, уже подполковник Матвеев, начальник разведки Дунайской военной флотилии. Приятно познакомиться!

Они вышли из дворца, у всех оказались машины, заехали в санаторий, Дмитрий забрал свои вещи, и колонной поехали в сторону Симферополя. Отпуск был реализован на 4,5 суток из тридцати возможных.

Справа от Дмитрия сидел Траскотт, сзади за ним О’Дерби, за спиной у Матвеева находился Никонов. Разговор начал Траскотт, который сказал, что его зовут Лэсли, затем представился О’Дерби:

- А я – Билл, Уильям.
- Дмитрий, Дима.
- Уэлл, Дмитри! Энд ю?
- Василий.

– Мы базируемся в Шотландии, в Акнакерри. Дикая глушь и скука, еще позавчера были там. – Полковник извлек из рюкзака под ногами несколько банок «Ред Булл», открыл одну и протянул Дмитрию. – А почему ты без бойцов и водителя?

– Еще час назад я был в отпуске по ранению на тридцать суток, удалось «отдохнуть» четыре дня, – усмехнулся Дмитрий.

- Николаев! Это далеко?
- Не очень, на северном берегу моря.

Их остановили на посту, внимательно проверили документы, несмотря на предъявленный пропуск Ставки, но откозыряли и пропустили колонну. Через два часа въехали в ночной Симферополь, дальше дорога кончилась, осталось направление движения. Разговоры закончились, удержаться бы на сиденье. Под утро добрались до Рейзендорфа. Все обнесено спиральями Бруно, Чек-Пойнт с пулеметами – просто крепость, а не аэродром. Тут главная роль перешла к американцам. Они много говорили, Василий сначала пытался перевести, но Дмитрий махнул рукой и стал просто ждать.

– Вэйт! – сказал полковник и куда-то ушел. Затем, спустя полчаса, какой-то американец, оторвавшись от телефона, подошел к ним и сказал:

- Фоллоу ми, плиз, се.

Дмитрий и Василий подхватили свои мешки и последовали за ним. Он подошел к машине, тут Дмитрий сказал Василию, чтобы тот перевел, что у него здесь машина. Американец кивнул и пошел с ними к «Доджу».

- Спроси, тут есть русские?
- Да, есть.

Американец показал направление, куда ехать. В левой части аэродрома был довольно большой дом, подъехали туда. Оба «их» американца были уже там. Подошел майор-летчик и представился оперативным дежурным по авиабазе. Дмитрий написал в путевке, что машину требуется перегнать в Николаев, или в штаб 3-го Украинского в Каховку.

– Не беспокойтесь, товарищ майор, перегоним. Нам поступили указания оказывать вам всяческую помощь. – Он тут же распорядился, чтобы нашли водителя и охрану. Лэсли перебросил свой рюкзак в другой джип и махнул рукой Дмитрию и Василию.

– Коммон, коммон, таке офф!

– Че сказал?

– Пошли, пошли, взлетаем.

Они сели в джип и понеслись по полю к В-20, стоявшему вдалеке на другом краю аэродрома. На стоянках находилось большое количество бомбардировщиков и истребителей. Вокруг шла суета подготовки к очередному вылету. Экипаж «Бостона» оказался, слава богу, русским. Майор и полковник долго перебрасывали свои вещи в самолет, а Дмитрий вошел и сел на сиденье. Он вскрыл пакет. Два приказа и конверт, уляпанный штампами «особой важности», с надписью: «Вскрыть в присутствии начальника Особого отдела флотилии». Один приказ о присвоении ему звания подполковника морской пехоты, второй, совершенно секретный, о том, что он назначается ответственным за проведение показа действий батальона специального назначения представителям союзников, и предписывалось всем воинским начальникам, комендатурам, командирам частей, соединений, объединений и политическим органам РККА оказывать ему всемерную помощь. За подписью Верховного Главнокомандующего и начальника Генерального Штаба. «Мощная бумажка!» – подумал Дмитрий и сунул ее в карман кителя. Подошел командир корабля, представился и спросил о готовности. Дмитрий указал на суетящихся американцев:

– Смотрим по ним, летим в Николаев. Свяжитесь с Николаевым и попросите, чтобы штаб флотилии прислал машины.

– Нам сказали, что машины будут, товарищ майор.

– Добро!

Через некоторое время запустились двигатели, полковник опять достал пиво. Он, смеясь, пнул довольно большой тюк и сказал, что пива еще много! Взлетели, сделали небольшой круг, к ним подошли истребители сопровождения. Через некоторое время слева было только море, справа – Таврия. Сорок минут лета, и они катятся по неровному снежному полю в Николаеве. Зима в этом году снежная и суровая. На юге стоят небывалые морозы. Благодаря этому 1-й Украинский сбил немцев с позиций у реки Самара, и немцы оставили Харьков. Бои шли на подступах к Полтаве. Брянский фронт подходил к Курску. Еще в воздухе радист включил передачу сводки Информбюро. На аэродроме их встречали Горшков и Матушкин. Не его, а представителей союзников. Прокофьев уселся в машину к Диме и сразу начал его накачивать, дескать, не посрами!

– Товарищ капитан первого ранга! Это не инспекция, они оба еще не воевали, они учиться приехали.

– Вот как? У тебя?

– Да.

– Ну, ты даешь! Надо Сергею Георгиевичу сказать! Нет, но все равно! В батальоне мы порядок наведем!

– Вот только не это! Пусть все идет так, как оно идет! Батальон нужен нам, а не им! А они пусть учатся, как надо воевать, как надо учить людей, и каких.

– Нет, Дмитрий Васильевич, ты не прав. Это политически неверно! Плюс мы твои начальники, и нам решать, как и что показывать иностранцам.

Дмитрий вздохнул и полез в карман кителя за приказом.

– Читайте!

– Н-да, это несколько меняет дело.

– Именно так, Алексей Александрович. Меня инструктировал на эту тему товарищ Сталин.

– Вот тебе и отдуваться! – ехидно вставил член Военного Совета.

В штабе, улучшив момент, переговорил с Горшковым и отпросился у него в Особый отдел.

– А что так?

– Есть еще одна бумажка... – и он показал конверт.

– Тогда пошли вдвоем, – извинившись перед гостями, адмирал вышел из столовой, где был накрыт богатый стол, но люди еще только готовились сесть за него. На втором этаже, в кабинете Волчкова, Дмитрий вскрыл пакет: шесть инструкций и приказ. На всех инструкциях штамп: «После ознакомления уничтожить в присутствии НОО». И сопроводилка. Приказ он передал, после своей подписи «ознакомлен», Горшкову, тот тоже значился в приказе. Больше никого указано не было. Горшков расписался и вернул документ Дмитрию. Тот запечатал приказ и сдал его на хранение начальнику Особого отдела. Инструкции полетели в огонь, пепел перемешан, составлена и подписана сопроводилка. Оба вышли из кабинета.

– Без ножа режут! Черт возьми! Ладно, потом переговорим. Пошли вниз, заодно и звездочки обмоем! Из Севастополя приказ передали: сегодня тоже меняю погоны!

– Поздравляю, товарищ вице-адмирал!

Глава 3

Над всей Европой безоблачное небо

Утром у Дмитрия болела голова, состояние было ниже плинтуса, поэтому он пошел на радикальные шаги: выкупался в Буге, устроил часовую пробежку и, взбодрившись, прибежал на завтрак, где, придерживая себя за лоб, уже сидели Лэсли и Билл с Василием и упорно боролись с приступами тошноты, засовывая в себя бутерброды и кофе с молоком. Глядя, как Дмитрий с аппетитом поглощает кашу, яичницу и остальное, Билл совсем побелел и пододвинул Дмитрию свою порцию.

– Дмитри! Ты – Геракл! Больше мы на праздники не ходим! – заявил он.

После завтрака мужиков вывезли в Калиновку, где был расквартирован батальон, на тактические занятия. Там под грохот пулеметных очередей, стреляющих чуть выше голов, тренировалась первая рота, вторая отрабатывала рукопашный бой, четвертая перетаскивала свои минометы и «вела бой» с противником, постоянно маневрируя и поражая старые окопы за Ингулом. Там американцы проветрились, затем осмотрели авто и танковую роту. Третья рота отдыхала после ночных занятий. Майор попробовал себя в качестве курсанта. Ползать под огнем пулемета ему не сильно понравилось. Ближе к вечеру показали водолазную подготовку, прониывание сквозь трубу в ледяной воде, стрельбу на волнении и прочие удовольствия, сопровождающие жизнь морского пехотинца частей специального назначения. Единственный, кто не принял участие в этом, был Василий. Он занимался переводом, но что-то подсказывало Дмитрию, что этот «знаток Пастернака и западной литературы» далеко не так прост, как хочет казаться. Особенное отношение к собственному оружию выдавало в нем человека, у которого ствол – это продолжение руки. Но Дмитрий предпочел об этом не говорить. У каждого свои секреты. Побывав в учебном классе в старом коровнике, американцы с интересом рассматривали схемы и фотографии на стенах. Ближе к вечеру их вывезли на фронт, к Тилигульскому лиману. Там разведгруппа ушла через лиман к немцам, а Дмитрий и его гости ждали ее. Через четыре часа группа вернулась с языком – здоровенным унтером, которого американцы тут же сфотографировали. Вообще, фотографировали они много, там, где позволяли.

Дав им отдохнуть в домике в Николаеве, Дмитрий хотел потащить их на форсирование реки Ингул, но Лэсли сказал, что в этом нет надобности, и что ему требуется радиостанция. Он указал частоты и сам сел за ключ. Сообщение состояло всего из нескольких групп цифр. Двадцать минут ожидания, и радисты приняли обратную шифровку. Полковник достал шифроблокнот, сел в сторонке, прочел и уничтожил шифровку.

– Теперь мы будем ждать ответа вашего Верховного Главнокомандующего. Пойдем пить пиво, Дмитри.

Долго ждать не пришлось, успели выпить по паре банок, как вошел шифровальщик:

– Воздух! На ваше имя, товарищ подполковник!

В шифровке обозначался только вариант действий: «Вариант 2. Указания высланы ваш адрес. Васильев».

Второй вариант предусматривал переброску в Англию на базу Акнакерри самого Дмитрия, командира батальона Сагалаева, одного командира роты Архипцева, двух взводных и двадцать пять старшин и сержантов. Уже вечером все приземлились в Рейзендорфе на трех Си-47. В ангаре Антон занялся переукладкой парашютов, комплектованием групп, получили американские пайки на неделю, заменили обмундирование на американские десантные комбинезоны, но маскировочные «лешаки» оставили наши, а к американской форме пришили наши знаки различия. В отличие от обычного разведвыхода, все награды приказали взять с собой. Помимо обычных документов, выдали загранпаспорта. На сборы ушли сутки. Их распределили по два человека и раскидали по экипажам Б-семнадцатых. Группе самолетов изменили

задание: они пойдут ночью на Турин, оттуда через Виши в Атлантику, а там в Англию. Перед этим особисты провели инструктаж и собрали расписки о сохранении какой-то тайны. Затем Дмитрий собрал группу и объяснил задачу:

– Ситуация поганая: англичанам вешает люлей Роммель в Африке. В Европе они воевать не стремятся. Пытаются подбить янки к тому, чтобы высадиться в Северной Африке и помочь им гонять Роммеля по пустыне. Товарищ Сталин, лично, поставил задачу не допустить такого развития событий: обучить первую волну десанта, как надо драться, чтобы захваченный плацдарм было невозможно отбить. Мужики, которых мы едем учить, служат довольно давно, но не обстреляны. Плюс многое зависит от настроения, сами знаете, что об этом говорить, – своими словами он пересказал инструкцию № 5 по работе с личным составом, написанную от руки. Почерка Сталина он не знал, но внизу стояла его подпись. Дмитрий хотел верить, что это был документ, написанный самим Сталиным.

– Задача номер один: научиться отличать янки от бриттов, языки не распускать, учить салажат настоящим образом. Со всеми непонятками ко мне. Самостоятельно никому ничего в Англии не предпринимать. Дошло? Через час подъедет еще группа, шесть человек, они из Ростова. Для всех: наши люди, прибыли из госпиталя. Встретить, как родных. Летим сегодня ночью. Если собьют над территорией противника, у всех есть ПКП-36, он обеспечивает кислород на восемь минут. Как в него включиться, вы знаете. Документы и награды уничтожить и спрятать. Ближайшие партизаны находятся в Югославии, есть партизаны в Италии и во Франции. Про то, куда летели и зачем, вы подписку только что дали. А там, как повезет. Остальные задачи объясню по прилету. Да, еще! Колхоз – дело добровольное, кто чувствует, что не сможет, держать не буду. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ подполковник.

– Разойдись, готовьтесь к вылету.

Летчики тащили жребий, кому брать на борт пассажиров, грузить на одну бомбу меньше и лететь через Италию. Те, кто вытащил «счастливый» билет – откровенно радовались. Особо один! Именно к нему и попал Дмитрий с Мальцевым. Он выполнял «крайний» двадцать пятый вылет. После летит домой, в какой-то Массачусетс, видимо, город или село. Ночной полет через Италию и Виши они считали за халяву, но он был боевым, поэтому засчитывался. Убедившись, что все разошлись по машинам, и через Василия выяснив, что всем показали, как подключиться к бортовой сети, командир сам выполнил необходимые действия. Его хлопнул по плечу штурман, показав большой палец, и пальцами объяснил, что пока маску можно повесить на крючок с левой стороны груди. Заревели моторы. Солнце клонилось к закату. В момент взлета оно коснулось моря. Затем чуть приподнялось и закатилось. Мурлыкая что-то себе под нос, рядом, на ватнике, сидел Мальцев. К переговорке они подключены не были, поэтому приходилось кричать на ухо, моторы ревели очень громко. Затем стало тише, потом штурман показал, что надо включиться в кислород. Пристегнув маску, Дмитрий немного огляделся: горели яркие звезды, внизу была полная темнота. Синие огоньки горели над картой штурмана. Было холодно, Дмитрий натянул перчатки. Штурман несколько раз поднятым большим пальцем показал, что все в порядке. Через три часа зарывали ревуны, машина несколько раз накренилась. По небу забегали яркие снопы света, затем что-то завывало под ногами, и раздалось семь отчетливых взрывов. Опять вой, видимо насоса или двигателя, небольшой доворот, и самолет медленно поплыл дальше во тьму. Вот и вся война. Проснулся Дмитрий, когда его за плечо потряс штурманец. На земле командир корабля долго не отходил от Дмитрия, что-то говоря ему. Он дождался Василия, который перевел Матвееву, что его приглашают вечером на проводы майора домой.

– Вечером мы будем в Шотландии! – сказал Василий, поблагодарив летчика.

Пересели в две машины С-54 и меньше чем через час сели на большом поле возле старинного замка между двух длинных и узких озер. На поле был выстроен батальон, чуть

поодаль стояла толпа солдат в пятнистой форме, без оружия. Часть из них сидела на поле. Трава была подстрижена. Группа с оружием построилась у самолетов и прошла к батальону. Солдаты батальона были в полном вооружении, в яйцеобразных касках с сеткой. Группа осталась напротив строя и повернулась направо, приставив пулеметы к ноге. Сзади подошел майор О'Дерби. К нему направился офицер, приподнял руку к каске, чуть вывернув ее ладонью вперед и что-то доложил. После доклада отошел в сторону и повернулся кругом, руку опустил. Билл сделал два шага вперед и начал говорить. Василий громко переводил его речь на русский. Смысл речи сводился к следующему:

– По приказу президента и генерала Эйзенхауэра, в батальон назначены новые инструктора, задача которых – в кратчайший срок подготовить батальон к активным боевым действиям против бошей. Все инструктора имеют практический опыт боев с немцами в частях специального назначения морской пехоты. В прямое командование батальоном вступает лейтенант-колонел Матвеев и его заместитель капитан Сагалаев. Расписание занятий будет вывешено завтра. Весь личный состав будет подвергнут проверке, условия обучения очень жесткие. У личного состава есть возможность заявить о переводе в другую часть. Но он надеется, что рейнджеры с честью выполнят поставленную Верховным командованием задачу: научится бить немцев так, как это делает русская морская пехота, не сорвавшая за два года ни одного десанта. Джеронимо!

Тысяча глоток прокричали этот клич. А справа и слева слышались смешки англичан. Затем О'Дерби распустил батальон и пригласил группу следовать за ним. Прошли мимо замка, подошли к металлическим полубочкам-ангарам.

– Здесь!

– Группа, стой, напра-аво!

– Эти два ангара для инструкторов сержантов! Следующий – для младших офицеров.

– Группа, по одному, в боксы, бегом! Марш!

– А нам туда! – сказал Билл, указав на сам замок Дмитрию.

– Билл! В группе только один человек знает английский, остальные говорят по-русски и по-немецки.

Василий перевел фразу.

– Да, есть такая проблема, сейчас попробуем решить!

Они втроем с переводчиком прошли в штаб английских коммандос, и Билл довольно долго говорил с английским офицером. Тот кивал головой и с интересом рассматривал русских. Потом позвонил куда-то. Через некоторое время, щелкнув каблуками, появились два сержанта и два рядовых.

– Вот эти ребята говорят по-русски, их переведут сейчас жить в четвертый бокс. Немецкий, правда, в ограниченном объеме, знают многие, но только англичане. Американцы немецкий только начали учить. Около трех месяцев изучают.

– Достаточно. Сержант! Ваше имя!

– Сержант Питер Устинов, сэр!

– Будете находиться временно в качестве переводчика у русских инструкторов!

– Йес, се!

– Трое остальных – ваши помощники. А вы, колонел? Вы говорите по-английски?

– Нет, но хорошо говорю по-немецки. И на берлинском, и на баварском диалектах, – сказал Дмитрий на немецком.

– Bravo! – два раза лениво хлопнул в ладоши британский майор. – Увидимся в пабе.

Билл провел Дмитрия в его комнату. У Дмитрия хороший двухкомнатный номер, с небольшой спальней, несколько странной ванной без смесителя, раковиной с двумя кранами и санузлом. Условия просто шикарные, правда, непонятно, как умываться. Но в конце концов, холодной воды достаточно. Он разобрал винтовку и стал, по привычке, ее чистить. За этим

занятием его и застали Билл и Василий. Билл, несколько недоуменно, уставился на разобранную винтовку.

– А у вас денщиков нет?

– Почему, ординарец положен, начиная от командира дивизии, а я – начальник разведки флотилии, но здесь его нет, да и я всегда сам чищу свое оружие. Минуту, я закончу.

Он собрал АВС и поставил ее в изголовье кровати. Сполоснул руки и накинул китель, надел португую с маузером.

– Готов! Куда идем?

– Представляться командиру базы, затем знакомиться с офицерами базы. Деньги возьмите, – напомнил Василий.

Заговорил Билл, и Василий начал переводить:

– Подполковник Воэн очень возмущен вашим приездом, считает это проявлением неуважения к его детищу. Эту тренировочную базу создавал он, по приказу его величества.

– Понял. Билл, не бери в голову. У нас совсем другие задачи, нежели у него. Какой у него «конек»?

– Джиу-джитсу и преодоление препятствий.

– Все, пошли.

Идти совсем недалеко, рядом с той комнатой, где набирали переводчиков. В комнате невысокий пожилой офицер в форме парашютиста, в темно-зеленом берете. На руках черные лайковые перчатки. С левой стороны кобура стандартного револьвера с пристегнутым ремешком. Дмитрий представился, Василий перевел.

– Господа союзники решили, что большевик с маузером быстрее научит их громить немцев!

– Чем потомственный офицер с Веблей-Скоттом? Несомненно!

– А чем вам не нравится мой револьвер?

– Наоборот, нравится! Особенно ремешком! – Дмитрий показал пальцем правой руки вправо, чуть приподняв руку, затем резко шагнул за «противника» и прижал ремешком правую руку подполковника, и одновременно взял на болевой левую.

– Как видите, полковник, мой маузер даже не понадобился! – и он отпустил начальника центра подготовки коммандос.

– Ловко! – чертыхнулся Воэн и немедленно отстегнул ремень от рукоятки револьвера.

– Проще и удобнее положить его внутрь кобуры, переместив ободок налево ближе к кобуре.

– Но сами вы не носите ремешок.

– Нет, не ношу, впрочем, и маузер ношу редко. В основном, с парадной формой.

– А приему этому где научились?

– Немцы так же носят свои пистолеты. Поэтому и отрабатываем до полного автоматизма.

– Давно служите, полковник?

– С тридцать шестого года.

– Рад приветствовать вас в Акнакэрри! Как вам наш центр?

– Я пока видел не очень много, но смотрю, что многие виды боя здесь не отрабатываются. Весь лагерь направлен на отработку боя в горах и форсирование горных рек – очевидно, это Норвегия, Греция и Южная Франция, может быть, часть Италии. Остальные виды боя отрабатывать негде.

– Какие, например?

– Бой с воды на волнении, бой в городе, бой на причале, на пляже, выгрузка боеприпасов на высокий причал, бой с кочующей минометной батареей в населенном пункте, управление боем при поддержке подразделения танками, танковый десант. Ну и так далее – то, с чем реально столкнется каждый из солдат первого батальона рейнджеров, и уже скоро.

Тут в разговор вступил О'Дерби:

– Честно говоря, господин полковник, мы летели в Крым полными такого же скепсиса! Одного дня, проведенного в гостях у полковника Матвеева, хватило, чтобы убедиться в том, что подобные контакты будут чрезвычайно полезны, сэр Чарльз. Вот смотрите! Это их полоса препятствий. И солдаты учатся преодолевать ее под реальным огнем! Вот видите, это снято от пулемета. Это – не противник, а разведчики Дунайской флотилии на учебе. Как видите, патроны боевые. Я уже год здесь, и считаюсь не самым плохим офицером, но там парни Дмитри преодолевали эти препятствия быстрее меня, успевая вести огонь и находясь под пулями.

Они довольно долго обсуждали каждую фотографию, внимательно ее рассматривая.

– Кто это? Пленный?

– Да! Представьте себе: большое, покрытое снегом ледяное озеро. Противоположный берег высокий, на нем немцы. Постоянно взлетают ракеты. Вот! Тут немного плоховато видно, но рассмотреть можно. Группа ушла всего на четыре часа и вернулась с пленным. Немцы даже не всполошились, лишь после возвращения группы открыли огонь. Они экипируются иначе, у них другое вооружение, и основное внимание направлено на взаимодействие всех подразделений в бою. Поэтому полковник Траскотт и принял такое решение, а вы знаете, что он очень хорошо знаком и с президентом, и с генералом Маршаллом. Поэтому сюда уже направлены дополнительные виды вооружений, новые радиостанции, новые мины, заказана новая униформа – все то, о чем мы разговаривали с Дмитри последние несколько дней. Лэсли и остался в Лондоне, чтобы все было доставлено как можно скорее.

«Представление» начальнику базы длилось более часа, затем, уже вчетвером, они двинулись в сторону офицерского паба. Там было довольно сильно накурено и шумновато, офицеры пили пиво и эль. Подполковник Воэн представил подполковника Матвеева. Аплодисментов не последовало, а какой-то худощавый лейтенант с тонкими усиками, сидевший метрах в пяти от места, где стояли командиры, и обмахивавшийся игральными картами, сказал:

– Мало того, что отобрали у меня ординарца, так еще и учить нас вздумали! Ну вот чему может научить меня эта горилла?

Матвеев чуть склонил голову в сторону Никонова, который переводил ему слова лейтенанта. Никто даже не заметил самого броска из-под правой руки. Все среагировали на стук ножа, пригвоздившего карты к деревянной стенке скамьи чуть выше пальцев лейтенанта.

– Например, пользоваться вилок и ножом, и вставать в присутствии старших по званию! – ответ прозвучал резко и по-немецки.

В наступившей тишине послышался звук трех хлопков майора Лейкока – того самого, который искал переводчиков:

– Браво, полковник! Дэвид! Как он тебя припечатал! Так ты действительно не умеешь! Верни нож полковнику!

– Йес, се! – с трудом выдернув нож из стенки, лейтенант подал его левой рукой и «приложил руку к пустой голове», но у них это можно, и потом горестно заметил: – А у меня был роул-флеш! – И никто не знал, что это говорит будущий Джеймс Бонд из «Казино «Рояль».

Продолжил говорить полковник Воэн:

– Господа, эти люди направлены сюда по решению Ялтинской конференции, о проведении которой было объявлено вчера. Это решение Высшего командования стран Объединенных Наций. Поэтому, как бы это ни было неприятно для вас, это наши коллеги из армии России. И наверняка лучшие из них. Поприветствуем их командира! – он передал Дмитрию большую кружку эля. «Ну, и гадость!» – подумал Дмитрий, делая глоток.

Два дня ушло на разучивание команд на русском языке подчиненными, за это время проверили физическую подготовку, провели стрельбы, отделив лучших стрелков от остальных, составили план подготовки и перевооружения. Приехавший полковник Траскотт привез немецкие пулеметы и снайперские маузеры с немецкими же телескопическими прицелами.

Перевооружили батальон. Возникла заминка с минометами: американские М-1 и М-2, калибром 81 и 60 мм, были тяжелее наших аналогов почти вдвое. А 120-мм полковых вообще не было. В итоге 82- и 120-мм минометы пришлось доставлять из Союза. У приданной группы инженеров было много работы по переоборудованию транспортеров М2 и М3 под нужды батальона рейнджеров: создана самоходная 120-мм минометная батарея с возможностью стрельбы из десантного отделения. Дополнительно загерметизировано электрооборудование, сделан «грибок» воздухозаборника, что позволило немного увеличить глубину «брода». Возились они полтора месяца. Впрочем, успели как раз к готовности всего батальона. Личный состав сократился почти на четверть: не все выдерживали тренировки – раз, многие не прошли отбор по психологическим данным – два, но наработки Крымского и 3-го Украинского фронтов очень сильно пригодились. Через двадцать дней после приезда батальон покинул Акнакэри и перебазировался во Фристон-форест. Вместо довольно удобных боксов у батальона теперь землянки, нет паба – кошмар, да и только! Удивил тот шотландец, который хамил в пабе. Он официально обратился к командованию с просьбой перевести его командиром взвода в батальон рейнджеров. Он из старинной шотландской семьи, профессиональный военный, и... актер! Его зовут Джеймс Дэвид Грем Нивен, у него двойное гражданство США и Англии, и его перевели. Зачеты он сдал и был зачислен во вторую роту стажером командира третьего взвода. Старательно учится воевать.

Собственно, все войска США, прибывшие на остров в 42-м году, которых затюкали ничего-не-деланием, рвались в бой. Боеспособность у них, вежливо говоря, никакая, но велика жажда подвигов и денег. Боевые здесь платят значительные. Там, на берегах Канала, началась отработка высадки, совместно с командирами и экипажами LCVP и LCT Mk3. Задница была с танками: танковая рота была вооружена двенадцатью «Шерманами» с литым корпусом и шнорхелем, и двумя длинноствольными Т-IV. В середине февраля был назван и желательный пункт высадки: Дьепп. Мест для высадки только два: пляж на левом берегу реки Арк и подножие волнолома порта, основание которого густо усеяли немцы контрэскарпами, надолбами и прочей противотанковой нечистью. И там в прошлом году был неудачно высажен десант в августе. Дмитрий усмехнулся – англичане в своем репертуаре! Все совещание он молчал, затем, когда его непосредственно спросили, высказался:

– А что нам даст захват Дьеппа? Нам нужен порт.

Посыпались, как из ведра, предложения, все, вплоть до Шербура и Дюнкерка.

– Шербур? Одним батальоном рейнджеров? Здорово придумали!

– Как видите, молодой человек, мы были правы, говоря о том, что Атлантический вал неприступен! – гордо сказал Монтгомери.

– Конечно, неприступен, господин генерал, особенно, если хочется второй раз наступить на те же грабли. Мне нужна подводная лодка, господин Эйзенхауэр.

Недовольно сморщившись, генерал обещал согласовать вопрос с военно-морским флотом.

Выделили три лодки типа «Гато», которые высадили и подобрали три группы, сходявшие на разведку к портам Берк, Этапль, Булонь. Взяли расписку командиров нигде не упоминать эти походы.

– Вы не доверяете англичанам? – спросил Эйзенхауэр у Дмитрия.

– Нет, они слишком заинтересованы в вашей высадке в Африке. А там всего один корпус! Для десанта больше всего подходят Берк и Булонь, господин генерал! – сказал Дмитрий, обращаясь к Эйзенхауэру. – Кале отпадает: по данным английской разведки, он сильно укреплен. Дюнкерк тоже. В Булони полно частей кригсмарине. Остается Берк. Удобен как для обороны, так и для развития наступления. В пяти километрах – рокадная железная дорога. Два порта: один в непосредственной близости через залив, другой в тринадцати с половиной километрах – в восьми милях, по-вашему. Сорок три морские мили до побережья Англии. Над пляжами

четыре пулеметных огневых точки, в городе до пятидесяти зенитных орудий. Непосредственно по пляжу могут работать шесть.

Эйзенхауэр барабанил пальцами по столу, слушая Дмитрия и глядя на то, как он поднимает карту.

– Вам требуется от четырех до шести часов для высадки второй волны. Это время батальон удержит город.

– Реально?

– Абсолютно. Дальше все зависит от организации и авиаподдержки. А вот в район Дьеппа необходимо послать авиацию и поработать у пляжей. Там, скорее всего, минные поля, поэтому надо подтвердить противнику, что что-то там надвигается.

– Я сообщу об этом генералу Маршаллу и президенту. Я вас больше не задерживаю, – сказал генерал.

Почти полмесяца было тихо, батальон гоняли до седьмого пота. Затем были поданы машины, все и вся были перемещены в Нью-Хэвен. Там все командование двух американских армий – Первой и Третьей. Высадка двух батальонов спецназначения состоится в 04:00 первого марта 1943 года. Высадка основного десанта начнется в 07:00 по команде, которая должна поступить от 1-го батальона рейнджеров. Второй батальон спецназ – это батальон коммандос из Акнакэрри. Его возглавляет лично подполковник Воэн. Дмитрий пристально смотрел на Эйзенхауэра. Тот это заметил, но никак не прореагировал. Дочитал приказ, на предложение о вопросах первым успел Воэн, который снял и вопрос у Дмитрия: он спросил о месте высадки.

– Карты места высадки всем вручат согласно расписания. Ваш батальон высаживается после высадки 1-го батальона рейнджеров в том же месте, на те же места и причалы. Первыми вас поддержат парашютисты двух дивизий армии США. Начало посадки – 23:00. Все свободны. Полковник Матвеев! Задержитесь.

После того как все вышли, генерал сказал Дмитрию:

– Ваши люди имеют полное право остаться в Англии и вылететь в СССР. Вы меня понимаете?

Дмитрий выслушал перевод, хотя понял, о чем идет речь.

– Я поинтересуюсь мнением инструкторов. Разрешите идти?

На улице довольно прохладно, но погода очень тихая. Добрались до расположения довольно быстро. Было 19:30. Дмитрий собрал своих «инструкторов» и объявил приказ о высадке. Затем передал слова Эйзенхауэра, что группа инструкторов свою задачу выполнила и имеет полное право вылететь домой.

– Есть один вопрос, товарищ командир! – спросил Саша Мальцев.

– Говори, Саша.

– Я там был, у немцев в четыре – смена... Тихо – не получится, товарищ полковник.

– В отчетах об этом написано, старшина?

– Конечно!

– Нас к планированию не допустили...

– Мужиков положат, надо идти после смены и снимать их по-тихому.

– Что предлагаешь?

– Нас здесь на четыре полных группы. По одной на точку. Объясните это американцам.

– А как остальные? Подчеркиваю, мы свою работу практически выполнили. Есть, правда, один пунктик...

– Дмитрий Васильевич! – подал голос капитан Никонов. Он все это время ходил в форме капитана американской армии, отпустил модные здесь тонкие усики, единственный из всех нашел какую-то тетку, у которой задерживался, в том числе и до утра. У остальных с этим вопросом было туго: мужчин на острове было гораздо больше, чем женщин, а английские

девушки, несмотря на внешнюю приветливость, вовсе не стремились к контактам с иностранцами, тем более плохо говорящими на английском.

– Слушаю!

– Не надо ни о каком пунктике, товарищ подполковник. Группа задачу выполнила. У меня четкие указания на этот счет.

– То, что ты такой же переводчик, как я – папуас, было давно понятно, но есть вероятность срыва операции. В этом случае все автоматически повесят на нас. А я имею приказ: переместиться, подготовить и обеспечить высадку. Последний пункт под большим сомнением. К тому же сзади будет болтаться батальон коммандос, способный выкинуть злую шутку. У тебя связь есть? Надо запросить «добро»! Но перед этим я хочу знать мнение остальных.

Все молчали. Потом самый пожилой, Макс Грейхсвитц, ему было тридцать шесть, сказал:

– Надо идти, дров могут наломать. Салажата еще совсем.

– Понятно. Так есть связь, капитан?

Никонов обвел глазами всех, покачал головой, снял трубку телефона и назвал номер. Дмитрий еще не говорил по-английски, но понимал уже прилично:

– Дорогая, это я!.. И тебя целую... Тут у нас есть повод посетить «Дэ ля Пляж ду Пари». Ребята хотят отметить успешное завершение работ. Узнай, есть ли там свободные места, и можно ли заказать столики на всех, в том числе кого учили!... Да-да-да! Я перезвоню! – он положил трубку и взглянул на часы. – Ждем.

– Начинайте готовить подразделения и сами готовьтесь. Разойдись.

Они остались вдвоем с Никоновым. Матвеев про себя посмеивался: выяснилась причина такого успеха Василия у британских женщин!

– Так ты будешь передавать командование О’Дерби?

– Сам сказал, ждем. Сумятицу, в случае отказа, будем вносить на построении перед погрузкой.

– Ну, ладно.

Через тридцать минут его приятельница сообщила, что ресторан согласен предоставить полностью зал на вечер послезавтра, просят внести залог.

– Лично тебе и мне, Дмитрий, высаживаться запретили. На нас – общее руководство.

– По коням! Пошел одеваться, через семь минут жди меня у машины.

– Есть!

«Виллис» рванулся к штабу Эйзенхауэра. Дмитрий был уже в камуфлированном комбинезоне-«лешаке», со снайперской винтовкой. При нем, как всегда, неизменный Макс с радиостанцией. Рядом сидел Василий, у которого с обеих сторон корпуса висело по пистолету. Дмитрию пришлось предъявлять пропуск, так как его не узнали в непривычной форме.

– В полной боевой? Я вижу, что решили ваши инструкторы! – протянул руку генерал. Дмитрий снял мохнатую перчатку, пожал руку и попросил аудиенции.

– Ваш инструктор не учел разницы во времени в один час. Но значит, ответственно подходит к делу. Так что решили? – ответил на замечания Эйзенхауэр.

– Четыре группы высадутся раньше, в том месте, где высаживалась группа Мальцева, обеспечат тишину при высадке и возьмут под контроль батарею, которая может стрелять по пляжу. Они же обеспечат корректировку огня и наведение авиации на узлы сопротивления.

– Покажите на карте.

Дмитрий показал.

– А если прошумят?

– Позиция позволяет держать круговую оборону в течение тридцати минут, до часа. Отвлечет внимание от высадки батальона.

– Хорошо, у пятого причала стоят три сторожевых катера. Вот приказ. А вы сами?

– Пойду с О’Дерби. У него это первый бой.

– Действуйте, полковник. И готовьте место для медали Конгресса. Ходатайствует сам президент. – Генерал приложил руку к пилотке, украшенной четырьмя звездами.

Дмитрий вернулся в батальон, вызвал Архипцева и поставил ему задачу, передав приказ на использование катеров. Еще раз прогнали график движения.

– Скорость у них большая, поэтому выходишь через час после всех – пока они соберутся, ты будешь на месте. Сигналы обычные. Присядь!

– Все, по коням!

Архипцев козырнул, а Дмитрий приказал собрать всех командиров-американцев. Квартирьеры работали хорошо, в штабе было место на всех. Сагалаев повесил карту, занавесил ее, разложил пакеты на столе. Начали собираться командиры. Они курили, довольно шумно разговаривали, занимали места в комнате для совещаний. Часы пробили 21 час.

– Господа офицеры! – подал команду Антон. Вошел Дмитрий, Сагалаев отдал рапорт. Американцы уже привыкли к такому началу совещаний, но видели Дмитрия в первый раз в «боевой сбруе». Он не посадил офицеров, а прочел приказ Эйзенхауэра.

– Джеронимо!!! – закричали американцы.

Антон раздал пакеты, приказав вскрыть их только на борту. Дмитрий знаком приказал всем сесть.

– В командование батальоном вступает майор О’Дерби! На мне – общее руководство операцией, так как в захвате плацдарма принимает участие и батальон командос. Мои позывные: «Дельта Ту». На переходе соблюдать полное радиомолчание. Задача батальона! – он раскрыл план, на котором не было ни одного названия, все характерные участки местности были убраны. Разобрали все места высадки и маршруты движения.

– И помните! Это ваш первый бой, и у ваших бойцов – тоже! Связь, связь и еще раз связь!

Подождав окончания перевода, приказал:

– Майор О’Дерби! Принимайте командование!

Билл сунул берет под погон и начал говорить. Василий попытался начать переводить, но Дмитрий остановил его. Через пятнадцать минут Билл спросил разрешения распустить людей. Командиры вышли.

– Меня трясет! – заявил Билл.

– Меня тоже, это нормально!

Через час начали выдвигаться к местам посадки, затем десантные катера пошли к «матке» – судну-доку. Там строго по расписанию подходили к борту и входили в шлюз. Бойцы сидели в БТР, хождение было запрещено. Наконец загремела якорь-цепь, закрутились винты «матки», и она медленно вышла по узкому каналу в море. Рядом пристроились два эсминца, едва различимые в темноте. Где-то сзади выходило второе судно с командос на борту. Дмитрий пожал руку О’Дерби, сошел на палубу дока, предъявил свои бумаги, и они втроем прошли в помещение под ходовой рубкой, где находился штаб высадки. Броняшки были задраены, в помещении горел свет. Макс подключил свою антенну и питание к штатному месту. На столах слева и справа от главного стола лежали бутерброды, стояли банки с пивом. У стола с картами работали несколько офицеров флота. «Комфортно!» – подумал Дмитрий, вспоминая тесноту и темноту предыдущих десантов.

– Где мы? – спросил он у штурмана. Тот ткнул пальцем и быстро-быстро заговорил. Было видно, что сильно волнуется. У всех – спасательные жилеты оранжевого цвета, лишь трое русских были без них. Через сорок две минуты Макс поднял руку, Дмитрий пошел к нему.

– Высадились. «777». – Дмитрий двинул локтем Василия. До начала высадки – час пятнадцать. Корабль шел противолодочным зигзагом, море спокойное. Дима глазами спросил Макса о новостях, но тот отрицательно помотал головой. Время тянулось как американская жвачка. Оставалось тридцать минут до начала, а сигнала от Архипцева не поступало. Через некоторое время корабль начал снижать обороты.

– Отключайся, Макс, пошли наверх, пятнадцать минут до начала.

Макс не торопясь отключил бортовое питание и крутил накидной винт антенны.

– Есть сигнал! «777»!

– Лады! Переведи. Сектор чист! Можно начинать!

Макс с бешеной скоростью отключил антенну и прикрутил свою, через тамбур они вышли на крыло, начали подниматься по трапу в ходовую рубку. Путь преградил матрос с винтовкой. Дмитрий показал пропуск, матрос вызвал вахтенного, им разрешили войти в рубку.

– Командир корабля лейтенант-коммандер Петерсон. С кем имею честь?

– Лейтенант-колонел Матвеев, командир первой волны десанта. Это радист, а это – переводчик.

– Вы откуда?

– Красная Армия, СССР.

– Подходим к точке высадки, колонел. Нам сказали, что поступил сигнал начать высадку.

– Да, можете начинать.

– Еще пять минут!

– Начинайте!

– Йес, се! Давайте зеленый! – командир передвинул телеграф на малый назад, останавливая движение судна. Поморгали кильватерным огоньком, давая сигнал позади идущим кораблям. Через некоторое время от борта оторвались первые катера, а корабль начал балластировку, подгоняя осадку под следующие катера в грузовом доке, катера выстраивались в линию. Затем дали ход, Макс передал сигнал об этом и получил квитанцию. На берегу было тихо, изредка взлетали ракеты на месте пулеметных гнезд. На это обстоятельство обратил внимание коммандер.

– Немцы не дадут возможности подойти! – он указывал рукой на взлетевшую ракету.

– Там нет немцев!

– А кто пускает ракеты?

– Мои люди. Пока огня с берега нет, огонь не открывать.

Опять медленно потянулось время. Макс получил квитанцию, что высадка началась.

– Коммандер, дайте сигнал на второй док: подходить и начинать высадку!

Коммандер чертыхнулся, но передал сигнал назад, передвинул рукоятки телеграфа и начал самым малым циркуляцию, освобождая место для второй волны.

– Стоп! Не уходите! Сейчас подойдут катера, начнется путаница!

Сзади из темноты показался второй корабль-док, на траверзе отработал машинами и начал выгрузку. Через семь минут от него отошли первые катера, но они двинулись сразу к берегу. Дмитрий несколько раз ударил кулаком по комингсу и выматерился.

– Что вы сказали, полковник?

– Ругательства! Они будут мешать нашим катерам возвращаться! Расходиться придется с каждым из этой цепочки.

– На королевском флоте мы всегда действуем так! – сказал командир дока. – Для меня было странным, что ваши катера предварительно выстроились.

– Если этого не сделать, то высадка растягивается, у противника больше шансов обнаружить десант.

Спустя некоторое время вернулось два катера, на одном был десант, но он был сильно поврежден столкновением с порожним катером. Док подбирал катера, которые подходили неравномерно. Берег по-прежнему молчал. По-прежнему, также равномерно, взлетали ракеты. Вдруг Макс протянул наушники Дмитрию:

– Вас Архипцев!

– Дельта-два, дельта-пять. Что происходит? Часть катеров двинулось вправо на вход в залив?

– Понял! Батальон на исходных?

– Доклада не было, но по времени должен быть!

– Ссууки! Дельта-три, дельта-ту! А ю рэди?

– Дэльта-ту, файф!

– Дэльта-три, «555».

«Началось!»

– Дельта-пять, ноль-ноль-ноль, – Дмитрий дал команду ребятам находиться на месте и держать пляж.

– Коммандер! Передайте на основной ордер! Бата-льон-2 нарушил порядок выгрузки, мы начали атаку! Просьба ускорить движение! Сколько катеров подобрали?

– Процентов восемьдесят.

– Еще пятнадцать минут, и начинайте отход!

Справа заговорили немецкие орудия: они обнаружили катера коммандос. Дмитрий приказал прикрытию открыть огонь по позициям немцев. Все! Радиомолчанию пришел конец! Эфир взорвался командами, переговорами, но основной ордер по-прежнему хранил молчание. О'Дерби доложил, что продвигается без боя, не считая мелких столкновений с выбегающими из домов немецкими офицерами-летчиками. Два танка Т-IV работают на аэродроме: давят «фоккеры» на стоянках, аэродром захвачен, вышли на исходные, окапываются. Непривычные к ночному бою немцы оказать серьезного сопротивления не смогли. Их зенитчики прикрывались от налетов домами и имели многочисленные мертвые зоны со стороны земли. Наконец, появился на связи Воэн, но ответить толком на вопрос, зачем они поперлись в Форт-Маон, который не был целью высадки, он не сумел. Но упирал на то, что несмотря на потери, батарея 88-мм орудий частично уничтожена, а частично захвачена. Что через час он будет купаться в холодном мартовском море, он даже не догадывался.

Принесли шифровку от Эйзенхауэра, в которой он поздравлял батальон с выполнением первого этапа. До рассвета оставалось полтора часа.

Немцы очухались быстро: через полчаса над ордером у Берка повисла САБ, осветив два дока, три эсминца и десяток сторожевиков. Бомбу быстро сбили, но немцы открытым текстом передали, что это разведка, ордер небольшой, до полка пехоты. Еще через полчаса справа у Форт-Маона разгорелся сильный бой. Там высадилось всего семь или восемь катеров LCVP, которые сразу ушли обратно, не дожидаясь окончания боя за батарею, поэтому рота сразу оказалась в окружении и прижатой к воде. Кроме «стрелковки», у коммандос ничего не было, пулеметов было мало, пользоваться 88-мм «ахт-ахтами» их не учили. Они продержались минут двадцать, их задавили пулеметно-минометным огнем и уничтожили.

Даже танки не понадобились. Воодушевившись, немцы уселись на бронетранспортеры и рванули в Берк, постреливая во все стороны для поднятия духа. Первый «Ганомат» влетел на мост через Сомму и упал в речку вместе с мостом и экипажем. Здесь уже побывали рейнджеры на МЗ и заминировали мост. Следующий мост в объезд в сорока километрах, а берега Сомма – сплошное болото! Мост у Колин-Бомонт тоже заминировали и оставили прикрытием: он и самим пригодится, если все будет хорошо. От него до первого крупного гарнизона немцев в Амьене – семьдесят пять километров. Станции Ран-дю-Фле, Вертон и Коншил-ле-Темпл в руках десанта: рокадная дорога перерезана в трех местах. Неприятности можно было ожидать только со стороны Этапля, но у Мерлимона готовят управляемое фугасное поле. Как себя Дмитрий ни успокаивал, все равно на душе было неспокойно, несмотря на поступающие доклады от разведгрупп обоих батальонов. После того как вынесли роту у Форт-Маона, Воэн перешел на волну Дмитрия и начал согласовывать действия, а потом и вовсе просто выполнял его распоряжения. Вдруг заговорили пулеметы на левом фланге, и Сашка Архипцев доложил, что ведет бой примерно с ротой противника в пешем строю, выдвигающейся от Ле-Тук-

Пари-Пляж. Сашкины пулеметы работали минут десять, затем последовал доклад, что противник отошел и начал окапываться. Начало светать, и в воздухе появились Си-47 и Си-54. Из них посыпались парашютисты. Си-54 тащили за собой планеры. В воздухе было очень много самолетов: и транспортников, и истребителей. Из накатывающегося с моря легкого тумана или дымки, в Канале это частое явление, вышла армада транспортов и началась высадка. Британский флот нанес удар по Ле-Тук-Пари-Пляж, и там тоже началась высадка, но уже под огнем противника. На всем протяжении пляжа, длиной пятнадцать километров, к берегу рвались десантные катера. Сашка передал, что их сменили, и они отходят. Через час приказ на смену и отход получили оба батальона первой волны. Возвращались все вразнобой, собрать группу и 1-й батальон рейнджеров удалось только в конце дня в Нью-Хэйвене. До этого Дмитрий успел побывать в штабе Эйзенхауэра. Там же был и Монтгомери. В отличие от Эйзи, Монти сухо пожал ему руку и почти сразу удалился из штаба, сославшись на то, что его соединения ведут погрузку на суда, и его разрывают на части. Эйзенхауэр попросил называть его Айком во внеслужебной обстановке, попытался накачать его бурбоном, сам он пил в тот день много, и было заметно, что он сильно волнуется. Причина выяснилась чуть позже, когда генерал заметил:

– Слишком легкое начало!

– Мы просто вовремя успели, господин генерал! Рядом с пулеметными точками на пляже была сделана разметка под доты. А на станциях уже лежала готовая опалубка под них, куча цемента и гравия. Через несколько месяцев здесь бы была хорошая оборона.

– Получается, что Атлантический вал – миф? И мы просто потеряли год, Дмитри?

– Получается, что так, Айк!

Генерал плеснул себе еще бурбона, добавил содовой, ломтик лимона.

– Это все политика, грязная вонючая политика. Говорят, что вы собираетесь сегодня в «Дэ ля Пляж ду Пари»? Я заеду поблагодарить твоих солдат!

– Да, сэр!

«Хорошо у них работает разведка! Интересно, а такой ресторан существует?» – подумал Дима, пожимая руку Айку.

Ресторан действительно существовал. С канканом, стриптизом и прочими прелестями.

– Придется идти! Не валить же связь! – сказал Василий.

– Это ж дорого!

– А что делать! Оплачу из... фондов, и счет возьму.

Пошли все, кроме пяти человек, которые лежали в госпиталях. Там уже сидели американцы – офицеры 1-го батальона. Эйзенхауэр появился, был встречен овациями, как американцев, так и присутствующих англичан из батальона-2, которых было довольно много, пробыл недолго, закатил небольшую речь, поблагодарил присутствующих за взятие плацдарма. Передал Дмитрию чек с премией на всех, и ушел. Когда Василий пошел расплачиваться, оказалось, что армия США взяла на себя полностью расходы. Ему даже вернули залог, который туда отнесла связная. Утром обналичили чек и раздали премию всем, Василий рекомендовал все потратить здесь, как зарплату, так и премию. Из Москвы пришли указания всем, кроме Дмитрия и Василия, садиться на крейсер «Cumberland», следующий в Мурманск через Исландию. Дмитрию лететь в Рейзендорф, а Василий переводился в США в управление по ленд-лизу. ВВС передало, что 1-я и 3-я армии США, при поддержке Роял Флиит, подразделений английских коммандос и морской пехоты Дунайской военной флотилии Красной Армии, форсировали Английский канал и высадились во Франции в провинции Нор-Па-де-Кале. В настоящее время идет наращивание сил частями британской и американской армий. Главы государств Объединенных Наций обменялись приветственными телеграммами по этому поводу.

Усадив людей на корабль, Дмитрий попытался найти Айку, но тот был уже во Франции. С некоторым трудом, ему удалось попасть на аэродром и получить разрешение на вылет. На этот

раз летел транспортником через Каир с грузом каких-то запчастей. Сильно болтало, сопровождения не было, экипаж нервничал, но полет прошел без особых проблем. База в Рейзендорфе готовится к перебазированию в Полтаву. Там суматоха, но комендант нашел для него транспортный борт в Николаев. Прибыл в Николаев, там выяснилось, что требуется лететь в Москву для отчета. Опять «Си», и через четыре часа он был в Москве на Центральном аэродроме. В воздухе читал скопившиеся письма. Больше всего было писем от Ники. Но только первый месяц – так как ответов не было, то постепенно переписка иссякла. Два письма от матери, несколько писем от солдат и офицеров из госпиталей, и довольно приметный «штабной» конверт. Внутри фотография Сони и Сашки. На обратной стороне всего несколько слов: «Саша и мама ждут папу с фронта. П. Гаспра, Крым. 15 января 1943 г.». Витиеватая подпись и отпечаток маленького пальчика. Дмитрий хмыкнул, но положил фотографию в конверт, а его в командирскую сумку. Прибыл в штаб флота, там заставили писать отчеты. Три дня убил на писанину в оперативном отделе флота. Весь изнервничался, испачкался чернилами, заставляли «раскрывать» все новые и новые эпизоды. Наконец с писаниной было закончено, но велели чего-то ждать. Прошло еще три дня ничего-не-делания. Чуть не нарвался на скандал в каком-то ресторане из-за приклеившейся девицы. Хорошо, что обошлось без драки, так как мгновенно подскочил комендантский патруль. Получил замечание за неуставной пистолет, хотели забрать в комендатуру, но рассмотрели надпись на кобуре, и отпустили. Ночью кто-то зажег свет в номере флотской гостиницы:

– Товарищ подполковник, вас вызывает комфлота!

Второй час ночи. Сел в машину, и поехали, но не к штабу флота, а в Кремль. Кузнецов ждал его в приемной Сталина. Приняв доклад, подтолкнул к двери: «Проходи!» Сам зашел следом.

– Товарищ Сталин, подполковник Матвеев.

– Здравствуйте, товарищ Матвеев.

– Здравствуйте, товарищ Сталин.

– Мы ознакомились с вашими отчетами. Каково ваше мнение, сумеют наши союзники удержаться во Франции? Каково психологическое состояние войск союзников, их готовность выдержать концентрированные и мощные удары противника?

– В настоящее время на Западном фронте у немцев значительных сил не наблюдается. Все его силы находятся здесь, на Восточном фронте. Но транспортная система Европы позволяет быстро и эффективно перебрасывать войска на большие расстояния. У американцев и у англичан откровенно слаба противотанковая оборона, но они имеют превосходство в воздухе. Сухопутные части устойчивостью в обороне, скорее всего, не обладают. Вооружение капризное, очень не любит грязи. Трудно сказать наверняка, товарищ Сталин, но если немец будет давить, как под Ростовом или Барвенково, скорее всего, побегут.

– Вы хорошо выполнили задание Ставки. Кажется, вы были в отпуске перед ним?

– Так точно, четыре с половиной дня из тридцати отгулял.

– Товарищ Кузнецов! Обеспечьте полноценный отдых товарищу Матвееву!

Выйдя из кабинета, Матвеев удостоился дружеского тумака от адмирала Кузнецова.

– Редко приходилось видеть такое довольное лицо у *самого*! Порадовал ты его! Ну, что? Куда хочешь? В Крым? На Кавказ?

– В Крым, товарищ адмирал.

– Да, там сейчас хорошо! Все в цвету! Эх, завидую! Кто бы мне отпуск предоставил!

– У каждого свой крест, товарищ наркомфлота.

– Возьмешь мой самолет завтра, путевку тебе выпишут. Все, давай!

По прилете выяснилось, что «полноценный отдых» обеспечивается исключительно на даче № 1 РККА, в отдельном домике наркомфлота. Шлепнув по заднице очень симпатичную

краснофлотку в фартучке, Дмитрий с интересом осмотрел интерьер: все было свежееустановленное, очень напоминало адмиральские апартаменты на линкоре «Севастополь».

– Вы у нас первый посетитель после ремонта! – сказала зардевшаяся девица. – Немцы все разграбили, товарищ дважды Герой Советского Союза! Вы же черноморец?

– Нет, я с Балтики, но воевал здесь, в Крыму, Азовская флотилия.

– Ой, я вас знаю! Вы же разведкой здесь командовали! В газетах о вас писали! И фотографии были!

– Да-да, разведкой. Но здесь ни разу не был.

– А я не здешняя, я из Севастополя, просто служу здесь. Хотела на фронт, а послали сюда.

– Ну, это, наверное, к лучшему.

– Да пристают! И руки распускают, как вы!

– Там тоже пристают! А еще грязь, холод, голод. Так что, хорошее у тебя место службы! Во сколько обед? А то я не завтракал.

– Сейчас принесу меню, и можете спускаться в кают-компанию. Четкого расписания нет, товарищ полковник. Вы сами выбираете время.

«Да! Надо срочно становиться наркомфлота!» – подумал Дмитрий, переодеваясь в парадную форму для обеда. Постучав, вошла Надежда с меню. Постояла, ожидая, пока он выберет блюда. У нее круглое, чуточку веснушчатое лицо, вся такая кругленькая, молоденькая и свежая. Румянец с лица не сходит. Глядит задорно и с интересом. Мужиков повыбивало, в окружении один младший лейтенант – очкастый, громкоголосый «белобилетник». Весь остальной персонал – женщины. Даже в охране дачи только они – одетые в синюю форму «вохровки». Неизменный наган, трехлинейные винтовки.

– Наденька, а где взять пропуск, чтобы съездить в Феодосию?

– А зачем вам пропуск? Военное положение снято, после того как татар выселили, стало спокойно. Комендантский час с часа ночи и касается только побережья. Только с собой путевку носите, и документы, что в отпуске. Комендатура и пограничники могут придраться. А так, берите машину, водителя, и куда хотите. Вот только дороги плохие! Кроме шоссе до Симферополя и Севастополя, еще ничего не делали. Так выбрали, товарищ подполковник?

– Нет! Тут столько всего! Давай на твое усмотрение, ты эту кухню лучше знаешь!

– Есть! Подходите через пятнадцать минут! – она широко улыбнулась и выскочила из комнаты.

Обед поставлен здесь по-флотски! Две официантки справа и слева, все подают и наливают они. Вымуштрованы от а до я! Дмитрию тоже пришлось держать марку и изображать как минимум адмирала, командира крупнейшего в мире линкора. И неизменный флотский компот с абрикосами! Церемонно поклонившись и поблагодарив, он вышел из столовой, поймал лейтенантика, взял машину, «Виллис», и поехал в Феодосию. Дурманный запах цветов плыл над полуостровом, открытая машина позволяла наслаждаться видами и теплым воздухом. Весна! Наверное, самое лучшее время в Крыму, только ночами еще прохладно. Дорога, после Алушты, и вправду оставляла желать лучшего. Но до Феодосии он добрался довольно быстро. Сары-Гель теперь называется Береговое. Он проехал мимо дома Десфины. Там никто не живет, окна и двери заколочены крест-накрест. Проехал мимо, на кладбище. По справке нашел могилу. Она ухожена, стоит невысокий обелиск со звездой, свежепокрашенный черной краской низкий заборчик. Скамеечка. Налил водки, положил сверху кусочек хлеба. Сзади подошел человек, инвалид. Встал недалеке. Дмитрий налил полстакана водки и протянул ему.

– Спасибо, полковник! Жена?

– Жена.

– Земля ей пухом, – выпил и закусил рукавом.

– Вы местный?

– Сторож я тутошний.

– А кто за могилой ухаживает?

– Да сначала флотские приезжали, вот памятник установили, оградку, уважительные такие, всегда с подходом. А сейчас женщина с ребенком ездит. Одна. Три дня как была. Колясочку тут поставит, ребенка на руки возьмет, посидит и уедет. Не местная. И не разговаривает.

– Спасибо! На, допьешь!

– Да как же так, мужик, не по-людски! Одному – никак!

– У меня машина, я – за рулем.

– Ну, тогда да! А воевали где?

– Здесь, здесь.

– А я под Москвой, вот руку отняли, правую, – сторож шел сзади, рассказывая о том, как добирался до дому.

– Ладно, рядовой, бывай! – расправив флотскую шинель, Дмитрий уселся поудобнее и нажал на газ. Остановился на заправке, «Виллис» довольно прожорлив, достал талоны, выданные в санатории, вместе с ними достал конверт и перечитал адрес в Гаспре. Решил, не откладывая в долгий ящик, решить эту не самую приятную проблему. Если удастся, то он мог успеть отвезти ребенка к матери. Поезда из Симферополя уже ходили. Еще до заката успел в Гаспру. Расспросил людей об адресе и неожиданно для себя оказался возле того самого дома, где был с Соней в прошлый раз. Дома никого не было, лаяла собака. Ставни в доме не были закрыты.

– Сонечка бывает после семи, товарищ моряк! – из-за соседнего забора выглянула соседка в повязанном платке и в кацавейке. – Последним автобусом из Ялты приезжает. Она в Ялте работает.

– А ребенок?

– А что ребенок? Он в яслях, там же в Ялте.

Оставалось еще больше часа, Дима сел в машину и отъехал к остановке автобуса, не хотелось разговаривать с соседкой. Рядом небольшая рюмочная. Купил хинкали, крымского вина, сел за столик с видом на остановку.

– Товарищ офицер! У вас закурить не найдется? – спросила продавщица, явно для того, чтобы завязать разговор. Народу в забегаловке не было: не сезон!

Дмитрий залез в шинель, вытащил оттуда флотский «Кэмел», большое количество которого приволок из Англии.

– Ух ты какие! Как американцы улетели, мы таких и не видели, но те больше «Уинстона» курили.

– Да, летчикам он полагается, и «Лаки Страйк». А это – флотским выдают.

За разговором время потекло быстрее. А вот и автобус показался. Он расплатился, продавщица проводила его расстроенным взглядом. Он сел в «Виллис», развернулся и встал сразу за остановкой, по ходу к дому Сони. Она вышла из переполненного автобуса чуть ли не последней. На руках у нее был ребенок. Лицо у нее было недовольным, строгим, как бывало тогда, когда она находилась за радиостанцией. По сторонам она не смотрела, прошла мимо, и Дмитрий двинулся за ней.

– Гражданочка! Вас подвезти?

Она крепче ухватила ребенка и замотала головой. Потом повернулась, и у нее побелело лицо. Диме пришлось выпрыгивать из машины, иначе Соня бы упала.

– Как ты меня напугал! Я тебя не видела, а на машине обычно приезжает или Касатонов, или Иванов. А я их видеть не хочу! – сказала она, отдышавшись уже на сиденье автомобиля. – Вот, смотри! Ты же никогда его еще не видел! Только он спит, он всегда засыпает в автобусе.

Дима взглянул на спящего малыша, улыбнулся и тронул машину. У дома, зажав ручник, прошел открыть ворота, въехал на знакомый двор. Собака разбудила малыша. Он сонно тер

ручками глаза и похныкивал. Передав Дмитрию сына, что тому еще больше не понравилось, и он разревелся, Соня открыла дверь и жестом пригласила войти.

– Клади его на диван и помоги раздеться. Да не мне, а ему!

Довольно неумело Дмитрий снимал ботинки и пальтишко с сына. Соня достала откуда-то молоко и кусок хлеба, предложила их Саше, но тот замотал головой и прошептал: «Бай-бай». Его переложили в кровать, он немного поворочался и уснул.

– Не пописал, скоро проснется! – сказала Соня.

– Почему ты здесь, а не в Севастополе?

– Я развелась с Ивановым 15 января и решила ждать тебя. А там как получится, Дмитрий. – Она смотрела на него усталыми и грустными глазами. – Извини, покормить тебя у меня особо нечем, надо идти в магазин. Но там уже почти ничего нет. Из-за того, что с коляской в автобус не втиснуться, приходится почти все покупать здесь, или держать на работе.

– Где ты работаешь?

– На узле связи, мастером. Как у матери-одиночки у меня только дневная смена, пока. Еще полгода. Учусь на заочном в Симферополе.

– А дом откуда? Ты же не местная.

– Получила. Хозяев повесили, полиция служила и доносчиками в гестапо. А комендантом здесь в Гаспре служил Коля Спесивцев, помнишь его? Был у нас взводным некоторое время, а потом его по ранению перевели в комендатуру. Вот он и помог.

– А кто такой Иванов?

– Октябрьский, его настоящая фамилия Иванов, поэтому я была Иванова. А ты не знал?

– Нет, – сказал Дмитрий и направился к дверям.

– Ты куда?

– В машине сухпак лежит, по привычке с собой таскаю.

– Спасибо!

– Ты изменилась, Соня! – сказал он, вернувшись и вытаскивая из американского десантного рюкзака консервированную ветчину, шоколад, пакеты с супом, кашу быстрого приготовления и прочие радости десантной жизни.

– Такое сейчас дают на фронте? – удивленно спросила Соня.

– Да, на Западном, у союзников.

– Я слышала по радио о том, что в высадке во Францию принимала участие морская пехота Дунайской военной флотилии Красной Армии. Сразу же подумала, что это наш батальон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.